

№ 12
2012

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Зам. главного редактора Р. К. БЕГЕМБЕТОВА

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы), **Л. Ю. ЮРКОВА** (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

А. Бекбосын. Вагонная исповедь-2, или Пощечина на Казанском. Повесть (окончание).....	3
Н. Ковтун. Исцеление души; Митрохина философия	39
Л. Розин. Ошарашунг. Роман (окончание)	54
Л. Маркиянова. В новогоднюю ночь. Рассказ	87

Поэзия

Т. Кажыбай. Стихи разных лет	27
Н. Ковтун. «Дышится легко на этом поле...». Стихи	49
В. Дунаев. «Я снова задыхаюсь от любви...». Стихи	81
Поэтическая мозаика. Стихи Ю. Котовой, Г. Горнова, А. Бочарова, А. Балтина, В. Дробилко	94

Культура. Общество. Личность

А. Дюсенбаев. Гулистан	108
-------------------------------------	------------

Документальная проза

И. Стругова. Архипелаг Гудлак (*окончание*) 113

Искусство

С. Беккулова. Ода жизни 155

Краеведение

В. Матвеев. Свет и белый снег Белокурихи 158

Природа и мы

А. Морозов. Попугай алтайских лесов; Серая боевая машина ... 176

На житейских перекрёстках

Г. Емельянова. Еркебулан. *Рассказ* 188

Приключения. Детектив. Фантастика

А. Смирнов. Энтропия; Медвежий угол 193

Сатира и юмор

А. Балтин. Иронические стихи 200

Содержание журнала «Нива» за 2012 год 202

Изоальбом «Нивы»: из работ Евгения Сидоркина.

К сведению читателей

В октябре 2012 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетил 2221 читатель из 18 стран: 1412 из них — жители Казахстана, 356 — россияне, 171 — читатели из Германии. Остальные представляют Исландию, Украину, США, Беларусь, Болгарию, Армению, Азербайджан, Швейцарию, Эстонию, Египет, Испанию, Францию, Великобританию, Израиль, Италию.

Аргынбай БЕКБОСЫН

Вагонная исповедь-2, или Пощёчина на Казанском

Повесть

(Окончание. Начало в № 11 за 2012 год)

Наша южная зима наконец-то спешно уступила место весне. Пышной, бурной весне. Буквально за два-три дня расцвели сирень, урюк, вишни и черешни, затем и яблони. В утренней тишине пели соловьи в море садов. В речках Бадам и Кошкар-Ата текла тёмно-зелёная вода, в плеске издавая звуки, похожие на тихий девичий смех... Но венцом всей этой красоты для меня была Гульсара. Только благодаря ей эта весна была особенной, предшественницы которой раньше протекали незаметно, не волнуя душу, не оставляя в ней особых следов, хотя были не менее красивыми.

И чтобы красота́ весенней природы ощутить полнее, я договорился с Гульсарой и Кларой в предстоящее воскресенье выехать за город, для чего уговорил парня-соседа по подъезду, имевшего старенький «Москвич». Но этому нашему плану не суждено было осуществиться. В четверг ко мне вдруг зашла Роза из отдела кадров, которая в последние месяцы вообще не заходила. После приветствия она почему-то молча начала расхаживать по кабинету. «Отчего же это она так делает? – думал я, терпеливо ожидая. – Или хочет продемонстрировать свою красоту, как модель на подиуме?... И всё же она хороша собой: белая кофта, короткая чёрная юбка, стройные ноги в чёрных туфлях на высоких каблуках... И всё это делает её ещё привлекательней...».

Роза закончила испытывать моё терпение, резко остановилась и села на стул.

– Тоскуете по Алма-Ате? – неожиданно спросила она.

– Что же тосковать по ней? – на вопрос вопросом ответил я. Это у меня такая привычка, когда не очень желаю разговаривать.

– Город-то большой, красивый. А что тут у нас...

– Мне и здесь нравится.

– Нра-ви-т-ся... – вдруг ехидно рассмеялась она. – Знаю, знаю... видела!..

Теперь я понял, почему она ведёт себя так странно.

– Видели, ну и хорошо, – сказал я резким тоном. – Короче, что вам угодно от меня?

– Вот что: вы с завтрашнего дня командуетесь в Алма-Ату, на десятидневный семинар в республиканской прокуратуре. Вот вам командировочное удостоверение, – и она отдала документ.

– Так бы сразу и сказали.

– Ладно, счастливого вам пути, – с этими словами она повернулась к двери и тут же остановилась. На лице появилась недавняя ехидная улыбка.

– Теперь, наверно, в Алма-Ате будете тосковать по Чимкенту, точнее, по одной особе...

– Ну это уже оставьте мне...

«Эх, Роза, Роза... зачем такие колючие шутки? – думалось мне. – Ведь я же ничуть не виноват перед тобой. Разве что не обратил особого внимания на тебя. Но не мог же я приказать своему сердцу. Оно всё равно сделало бы свой выбор... Если этот выбор не выпал на тебя – не моя же вина в конце концов?!».

В тот же вечер сообщил Гульсару о своей предстоящей поездке.

– Ну что ж, это отлично! – всплеснула она ладошками.

– Отлично – с одной стороны. С другой...

– А-а... с другой тоже будет отлично, не волнуйтесь, – уверила она. – Самолёт завтра во сколько?

– После обеда, в три тридцать.

– О, тогда я смогу вас проводить... А можно мне это сделать, ведь вы меня сколько раз провожали?

– Можно, конечно! Я очень рад этому. – Я в самом деле очень обрадовался. Проводит меня сама Гульсара!.. – Тогда я ровно в два часа на такси заеду за вами.

– Хорошо, договорились...

– Потом... потом, Гульсара, не дадите ли мне вашу фотокарточку? Не потеряю, верну...

– Зачем она вам?

– Чтобы там беседовать... с вами.

– О-о, если в такой беседе не сможете найти общий язык, что будете делать?

– Этого не может быть! Если всё же случится такое, по приезде обращусь к вам за помощью!

– Ладно, убедили. Завтра захвачу с собой...

На следующий день всё вышло так, как мы задумали. В аэропорту, заплатив таксисту за проезд в тройном размере, я попросил подождать Гульсару и довезти её до самого дома. Когда настало время расставания, пристально поглядел в лицо Гульсары. На нём, как я воспринял, отражались доверие и преданность мне. В порыве быстро обнял её и поцеловал в губы. А она, ничего не ответив ни взглядом, ни словами, слегка погладила мои щёки.

– Счастливого пути...

– До встречи, дорогая!..

Обычно говорим, что время летит. Но тогда оно не летело, а ползло. За те десять дней я дважды вызывал Гульсару в междугородный переговорный пункт. «После вашего отъезда Чимкент стал каким-то неинтересным», – призналась она. Из её слов я понял, что тоскую не только я один. И это понимание привнесло в душу неизведанную сладость...

Когда наш самолёт приземлился в чимкентском аэропорту, уже вечерело. Сразу взяв такси, отправился на Туркестанскую. Во всём доме светило лишь одно окно. После моего звонка и лая собаки калитку открыла

Гульсара. Она была в пёстром домашнем халате и в тапочках. От неё исходило мягкое такое притягательное тепло. Мы молча крепко обнялись, и я долго целовал её губы, щёки. Когда чуть успокоились, она сказала:

– Я ждала вас... Может, зайдёте в дом?

– Удобно ли?

– Кроме меня, дома никого... Клара ещё утром уехала в Сары-Агач, к своей старшей сестре. Вернётся только завтра вечером... А хозяйка, тётя Галя, после обеда взяла да и отправилась в Ташкент, к своим детям, какую-то телеграмму получила, что ли... Вот одна караулю дом.

– Не бойтесь?

– Да не особенно... Что же мы стоим, давайте, заходите. И я вас чаем угощу, ведь вы с дороги...

В небольшой комнате, справа от коридора, были две аккуратно заправленные кровати, столик с двумя стульями и плательный шкафчик. Обычная студенческая квартира. Очень чистая, убранная, сразу чувствуется девичья рука. Чуть слышался приятный запах духов.

Гульсара быстро приготовила чай и разные закуски, и мы сели за столик. После пары пиалок я утолил жажду. Но была ещё другая, острая жажда, которую наверняка не утолить никаким чаем... И она вынудила меня перешагнуть невидимый барьер скромности и стыда и сказать Гульсаре:

– А что будет, если я останусь у вас на ночь?

– Ой, не знаю... не знаю... у нас такого никогда не было, чтобы... – крайне удивилась и забеспокоилась Гульсара, видимо, такого предложения никак не ожидала от меня. – Давайте-ка отправляйтесь домой и порадуите родителей. Они тоже наверняка заждались...

– Они не знают, когда я приеду. Хотел сделать им сюрприз неожиданным появлением своим. Так что с вашего позволения могу вместе караулить.

– Ой, не знаю... я прямо...

И внезапно появившаяся неудержимая страсть вновь заставила меня обнять, крепко прижать её к себе и целовать, целовать. В этой жаркой буре ощущал и её встречное желание.

***

– Ну теперь убедились... в том, что я... я не такая, как вы думали? – спросила она упавшим, чуть дрожащим голосом, когда мы уже более спокойно лежали, обнявшись, на тесной кровати.

– Мм... – я не знал, как ответить. К любви, всецело владевшей уже давно моим сердцем, в этот час подкрадывалось, примазывалось, как дёготь, какое-то чувство, пока ещё не очень опознанное мною. Может быть, это боязнь, рождённая от подозрений в том, что она не полностью моя, а принадлежит ещё кому-то, с которым из-за чего-то рассталась временно или навсегда? Временное измерение тут не играет никакой роли. Всё дело, наверное, в том, что хоть толика любви к нему, тому неизвестному, осталась и сохраняется ли в её сердце?

– У вас, значит, был кто-то? – прошептал я ей в ухо.

– Да... и... нет, – тоже тихо ответила она.

– «Да и нет»? Как это понять? – мой голос слегка против воли обрёл металлические нотки.

– Этого я вам не могу объяснить.

– Странно... не можете объяснить...

– Да, так... не могу, – сказав это, Гульсара, подняв голову, облокотясь на подушку и прикрывая грудь краем одеяла, более решительным тоном продолжила:

– Вот что, Ильяс-ага... Я вас очень прошу, ради бога, больше не спрашивайте о моём прошлом. Никогда. Знайте только одно: я ваша полностью и целиком, навсегда, навеки, до самой могилы!.. Вы – моя первая и... и последняя любовь!.. Только очень и очень сожалею... нет, это не то слово – «сожалею», а горю адским огнём за то, что пришла к вам в таком вот постыдном, позорном виде!.. Но не виновата я, верьте, не виновата!.. Если не верите, то я, всеми святыми клянусь, ничуть не обижусь на вас, можете оставить меня!.. Хоть сейчас...

Гульсара громко зарыдала, всё её тело беспрестанно сотрясалось. Крупные капли слёз, заливая лицо, потекли на подушку... И мне тоже стало не по себе. «Она же ведь несколько раз и до этого сказала, что «не такая», – думал я. – Надо было сообразить, что с ней что-то неприятное, если не страшное, стряслось. Если не любишь – надо было тогда же сразу остановиться. А если любишь, то зачем вообще обращать... ну, на это... внимание? В результате проделки какого-то бессовестного подонка, твари, стоило ли своими расспросами беречь её душевную рану? К тому же она же любит тебя, в этом только что призналась так открыто, искренне, как исповедалась перед самим Богом!».

– Не плачь, успокойся, любимая, Гульсара моя, я больше никогда не буду... Могу даже поклясться, – я вытирал её слёзы, целовал глаза, в порыве не заметил, как впервые к ней обратился на «ты». И сразу же вспомнил, что однажды, когда предложил обращаться ко мне на «ты», она ответила: «Нет, я вам никогда не буду тыкать, а вы сами можете ко мне на «ты»... Ну и, наверное, воспользовался её разрешением.

– Знаешь, Гульсара, – сказал я, когда она несколько успокоилась, – что я благодарил, находясь в Алма-Ате?

– Может, кого?

– Нет, что. Степь Сары-Арки. За то, что она устроила нашу встречу!

– А я... несколько раз вспоминала о вас, когда летела обратно в Чимкент...

... Летели и дни весенние. Вместе с ними летели и мы с Гульсарой. Летели на крыльях радости. Радости кристально чистой любви... Но меня постепенно перестали удовлетворять те считанные часы, когда мы были вместе, пусть даже каждый день. И однажды я сказал Гульсаре:

– Давай поженимся! Я хочу быть постоянно с тобой.

Она засмеялась:

– Даже на работе, в вашей прокурорской конторе?

– Я совершенно серьёзно, Гульсара.

– Нет, извините меня... но это невозможно... до поры до времени, – ответила она уже невесело, упавшим голосом.

– Почему?

– Вы же обещали не слишком много расспрашивать...

– Но оно же относилось к прошлому, а это касается нашего общего будущего.

– Всё же... давайте надеяться на будущее...

– Когда же наступит это будущее?... Ну тогда... тогда пока хоть познакомься с моими родителями.

– Ой, стесняюсь я...

– Стесняться нечего. Они очень добродушные люди, будут очень рады видеть тебя.

– Я одна пойду, что ли?

– Нет, зачем одна? Пригласим и Баян, и Клару.

– В таком случае можно, наверное...

– Вот и хорошо. Тогда в предстоящую субботу к обеду будем у нас. Я сам заберу вас...

... Весть о том, что скоро у нас будут гости, очень взволновала маму. Её морщинистое лицо как будто сразу разгладилось, а в глазах засветились искорки радости.

– А среди этих трёх девушек будет ли наша будущая келин – сноха? – торопливо спросила она.

– Возможно... но не спешите... Сперва надо познакомиться: понравится вам она или нет.

– Звать-то её как? Чтобы потом не путать...

– Гульсара.

– Какое красивое имя!.. Айналайын... дай Аллах... О, нам надо хорошо подготовиться. Отцу скажешь? Он в спальне.

– Лучше вы сами скажите...

– Скажу, конечно, скажу, Ильясжан...

Со следующего дня у нас начались хлопоты для встречи гостей. Разумеется, я сам не смог участвовать в них – работа. А отец, оказывается, привёз с базара целую тушу барана и деликатесы из конины. Мать – остальное, что требуется для дастархана. В субботу, пока я собирался поехать на такси за гостями, целой группой нагрянули наши родственники из Тюлькубаса: учитель Серикбай с супругой Сейсекуль, работающей врачом в райбольнице, и Бейсенбек, колхозный агроном, со своей многодетной Райхан. Все обрадовались встрече. И в доме воцарилась своеобразная праздничная атмосфера.

– Это я пригласила их, – шепнула мне мать в кухне. – Они же не были у нас здесь, в городе. Пускай посмотрят, как мы хорошо устроились. Да будут вместе с гостями...

Вот в такую компанию я привёл Гульсару вместе с Баян и Кларой. До нашего приезда Сейсекуль и Райхан отлично накрыли стол, как в лучших ресторанах. Все познакомились, кроме Баян. Она ведь знала всех наших. Бразды застолья взял в руки Серикбай-ага. Он такой остроумный шутник, к тому же хороший домбрист и певец. Всем было очень весело. Только

Гульсара, кажется, чувствовала себя стеснённо. И я иногда взглядом старался приободрить её. Лились вина и песни. Повеселевшие женщины временами танцевали под сопровождение Серикбая на домбре. Особенно дала жару Райхан-женеше. Она почти насильно вывела на середину и Гульсару.

– Ты что, дорогая сестричка, нос повесила? Давай, пляши-ка! Молодым надобно быть весёлыми!

И Гульсара, густо покраснев, прошла несколько кругов. В каждом её движении было что-то лебединое. «О, любовь моя!» – восхищался я мысленно.

Когда она снова села за стол, Сейсекуль и Райхан, шёпотом поговорив с матерью, зашли в родительскую спальню и быстро вышли с большой белой шёлковой шалью в руках. Подойдя к Гульсаре, накинули шаль на её голову. Ошарашенная Гульсара возразила:

– Ой, не надо, апке!.. Что вы делаете? Не надо!..

– Как – не надо? – спросила Сейсекуль назидательным тоном. – Раз вы любите друг друга, стань же, дорогуша, келин – снохой этого дома.

– Потом... потом... – сказала Гульсара плачущим голосом.

– Чего же потом? Вы уже взрослые. Старики и так заждались. Осчастливь, порадуй их!

В это время вмешалась и мать.

– Стань нашим дитём, айналайын! И я прошу тебя...

Баян и Клара с обеих сторон шептали что-то Гульсаре. И она, опустив голову, умолкла, видны были слёзы на глазах...

Бейсенбек-ага, пожав руки вошедшему в зал отцу, громко сказал:

– Поздравляю вас, Айдар-ага, да и Алим-женеше, со снохой Гульсарой! Благословите молодых!

Лицо отца озарилось каким-то таинственным светом. Таким я его, кажется, не видел ранее. И он, вскинув обе ладони вперёд и вверх, воскликнул:

– О, Аллах, дай счастья и долгих лет жизни нашим детям!

И, медленно подойдя к Гульсаре, которая поднялась с места, поцеловал её в лоб. То же самое сделала и мать, почти ошалевшая от ликования. Грохнуло белоголовое шампанское... А белая шаль на голове Гульсары в моём воображении превратилась в белый парус нашей лодки, несущей Гульсару и меня в далёкое светлое, радостное будущее...

На следующий день приехали из Тюлькубаса и другие близкие родственники поздравить нас. Мулла, приглашённый отцом, совершил обряд бракосочетания. Состоялся и беташар – весёлое, полушуточное знакомство келин с родственниками, наставление молодой хозяйке. Мы стали теперь с Гульсарой супружеской парой. Так быстро, наверное, благодаря находчивости моих дорогих женеше Сейсекуль и Райхан. А то бы...

Через пару недель в столовой, что возле стадиона, состоялся наш свадебный вечер. К нему успела и сестра Айжан с мужем и детьми из Кокчетавы. Пригласили около пятидесяти гостей. Это в основном родственники, мои сослуживцы во главе с начальником следственного отдела, несколько сокурсниц Гульсары. Приглашать близких из Узакского района Гульсара

почему-то не стала, позвала только Баян с супругом Бахытом и, конечно же, Клару. Со стороны – артистов Касымхана Шанина, того самого, который сыграл Чокана, и Мухтара Утебаева, прекрасного певца, журналиста, моего тёзку Ильяса Байларова, художника Касымбека Нурбекова, скульптора Рысбека Ахметова, с которыми познакомился в последние месяцы. Приглашены были несколько соседей по дому. Но самым знаменитым гостем был композитор Шамши Калдаяков. Я с ним знаком ещё со студенческих лет.

Хотя мы сильно волновались, вечер удался. Почти все танцевали, пели. Весело было всем. И вот вдруг Шамши, подойдя к фортепиано, обратился прямо к Гульсаре:

– М...милая, ты... ты, оказывается, о...оканчиваешь муз...музучилище, – композитор обычно немного заикался, – с...спой-ка нам к...какую-нибудь п...песню, е...если мою – е...ещё лучше!

Все шумно одобрили композитора. Гульсаре ничего не оставалось, как подойти к Шамши. Она шепнула ему что-то.

– О...отлично! – воскликнул Шамши и сел за инструмент. И, сперва высоко подняв обе руки и резко кивнув головой, с сильным вдохновением пальцами ударил по клавишам. С первых аккордов все узнали, что это чудесная «Кайыкта». Мне казалось, что и Гульсара, не менее вдохновлённая, начала петь, хотя в голосе чувствовалось еле заметное дрожание, видимо, от волнения. Попробуй не волноваться – такая публика и аккомпанирует сам Шамши! Я не только желал, но и болел всей душой, чтобы у неё получилось. Так и вышло. Когда песня кончилась, все так аплодировали, что воздух задрожал. А Шамши, встав с места, поцеловал Гульсару в щёки.

– М...молодец, с...сестричка! С...спасибо!

... Да, она была молодцом во всём. Оказалась отличной хозяйкой. Как с занятий, так сразу занимается домашними делами. Готовит очень вкусно. От этого мать всегда в восторге. А самое главное – Гульсара к родителям относилась очень ласково и вежливо, с заботой. И они приняли её как родное дитя. Словом, она стала душой нашей небольшой семьи.

Вскоре получила диплом с отличием и сразу поступила на заочное отделение факультета музыки пединститута. Устроилась на работу учителем музыки в средней школе.

Жилось нам и материально неплохо. Я получал нормальную зарплату, а отец и мать – пенсию. Теперь и Гульсара зарабатывала. Распоряжался нашими семейными финансами, разумеется, отец. Однажды вечером подкинул он одну заманчивую идею.

– Как вы все думаете, если купим машину? – окинул нас взглядом и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Слава богу, есть у нас кое-какие деньги, это в основном вырученные от продажи дома и двух лошадей. И теперь красиво ли быть совсем безлошадными? – отец улыбнулся, показывая из-под седых усов свои ещё целые зубы. – Замахнуться на «Волгу» нам, наверное, не под силу. А вот на «Жигули» или «Москвич», по-моему, можно... Ильяс будет возить Гульсару на работу, да иногда и нас...

Все обрадовались и одобрили. И мать, не остывая от нашей радости, подбросила ещё одну интересную мысль:

– Раз ты так расщедрился, то почему бы не купить для Гульсары... ну, как его... похожее на большущий сундук, на котором играют...

– Пианино, что ли? – быстро уточнил я, не скрывая своей радости.

– Да, да! Пусть и наша Гульсара тоже играет!

– Хорошо, Алима, – сразу согласился отец. – Пианино завтра же возьмём. Они в магазинах есть, видел. А машину придётся искать. Ты, Ильяс, займись этим.

Отцом сказано – сделано. Вскоре у нас были и пианино, и автомашина – белые «Жигули» шестой модели, правда, подержанные. Эти приобретения привнесли, как говорится, новое дыхание в жизнь семьи. Гульсара начала учить меня играть на пианино. А я, хорошо что водительские права получил ещё в университете, возил после работы всех домашних, кто куда пожелает.

В первых числах июля, в самый жаркий месяц года, особенно у нас на юге, я взял отпуск, и мы вчетвером начали настоящее турне. Отлично бегали наши «Жигули» и по долинам, и по взгорьям, с ветерком. Иногда просто петь хотелось. И мне часто вспоминалась песня из аймановского фильма «Наш милый доктор», которую пел Ермек Серкебаев, тоже за рулём.

Надо мной небо синее,
Облака лебединые
И плывут, и зовут
В дальний путь за собой.
Через все расстояния,
Через все ожидания
Я пройду и найду
Путь к тебе одной!..

Но она сидела рядом со мной, на переднем сидении. В белой лёгкой кофточке, на левой руке блестели золотые часы с браслетом, подаренные Айжаном, на пальце правой руки – золотое кольцо, надетое мною. Чёрные волосы её колыхались ветром из форточки и играли на белых щеках и лебединой шее...

По просьбе родителей, вольготно устроившихся на заднем сидении, Гульсара пела. В основном калдаяковские песни, такие как «Ак мандайлым», «Ак сункарым» и, конечно же, «Кайыкта». Я не перестал восторгаться её песнями и ею самой, которая со временем стала жизнерадостной, какой-то лучезарной...

Сперва гостили у родственников в Тюлькубасе. Когда побывали в заповеднике Аксу-Жабаглы, начинавшемся прямо возле нашего аула, всмотревшись в чудеса природы в предгорьях величественного Алатау, Гульсара воскликнула:

– Вы, оказывается, родились в раю, Ильяс! Поэтому, наверное, стали таким.

– Каким?

– Таким, которого я... люблю!

– Понял, понял, любимая моя!..

Кстати, Гульсара впервые произнесла это сладчайшее слово «люблю». Произнесла в таком месте, которого без прикрас свободно можно назвать, как Гульсара, земным раем...

После родных мест наш экипаж отправился в сторону Туркестана. Посетили мавзолеи Арыстан-баб и Ходжи Ахмета Ясави. Не забыли и своих дальних предков: были в мавзолеях святой матери – Домалак-ана и праотца Байдибек-би, что находились возле реки Бала-Богень и в отроге гор Каратау. Завершилось наше путешествие в сказочных горах Казыгурт, где, согласно преданию, остановился корабль самого пророка Ноя. Когда мы находились в том самом условном месте, отец не без волнения сказал:

– Посетить эти святые места было у нас с Алимой давнишней мечтой. Сбылась она... Спасибо вам, дети мои... Дай Бог, чтобы также сбылись и другие наши мечты заветные!..

О чём теперь мечтали отец и мать, я, конечно, догадывался. Кажется, догадывалась и Гульсара, глаза которой задумчиво смотрели в землю...

... Шли годы. Неплохо шла и работа. Меня повысили в должности, стал старшим следователем. Гульсара тоже была довольна своей учительской деятельностью. На досуге вечерами дома играла на пианино, освоила сложные классические произведения, в основном Шопена, Бетховена и Чайковского. А я периодически просил её играть «Болеро» Мориса Равеля. Страшно любил его...

Каждый отпуск бывали на курортах. На Иссык-Куле, в Чолпон-Ате, в Боровом, что на Кокчетавщине, и даже на Кавказе, в Пятигорске. А родителей отправляли в Тюлькубас к родственникам, на кумыс. И они чувствовали там себя лучше, чем на любом курорте.

Словом, всё было у нас нормально... Если... если не учесть... что не имели детей... Я, правда, по молодости, что ли, особо не переживал. Думал, что ещё успеется, будут они, куда денутся... Но однажды утром вышел на балкон и спокойно курил. Вдруг вижу, идёт Асаубай, мой знакомый ровесник, инженер свинцового завода, живущий в соседнем доме. Ведёт, держа за руки, двоих своих малышек. Кажется, направляются в детсад. Дети своими тоненькими голосками неумолчно рассказывают отцу о чём-то, перебивая друг друга. Асаубай, увидев меня, поздоровался, его лицо расплылось в улыбке... Я вошёл в зал, где, сидя в кресле, мать что-то шила. Отец, кажется, ещё находился в спальне. А Гульсара в кухне готовила завтрак. Обычная утренняя картина. Но мне в это утро казалось, что во всех наших комнатах гуляет сквозняк... Никакого уюта...

Родители даже полусловом не обмолвились о том, чего они с трепетом ждут, но я всё же чувствовал их ожидание. Ожидание, с годами превращённое в незатихающую душевную боль.

Ещё больше было наверняка Гульсаре моей... Когда однажды вечером вернулся с работы, мать и отец с другими соседями сидели на скамейке у подъезда, и мне сказали, что Гульсара дома. Дверь была не на замке. Тихо вошёл. Из нашей спальни донёсся до меня голос жены. Она тихо пела. Пела такую печальную песню, почти траурную народную песню. Я стоя немного послушал. На большее не хватило выдержки. Позвал её. Вышла. Глаза заплаканные. «Ты что плачешь?» – спрашиваю. Она растерялась: «Не... не... не плакала я... Это от лука, хотела готовить манты...». Но мне не верилось.

Насторожило и то, что она в последние месяцы становилась всё более неразговорчивой, замкнутой. Что ни спроси, отвечает коротко «да» или «нет». Только к родителям обращалась по-прежнему вежливо и ласково. Но мне показалось, что это ей даётся с трудом...

В чём же дело? Не болеет ли она? Ответила, что нет. Или на работе какие-то неприятности? Тоже нет. А что же может быть тогда? Или из-за отсутствия детей?.. Но она ещё так молода... Или... или разлюбила меня?..

– Мне что-то душно... Давай пойдём в тамбур, – вдруг сказал Ильяс. А я духоту никакую не чувствовал. Но пошёл следом за ним. Задымили. Он выкурил подряд две сигареты и так жадно затягивался. Пальцы заметно дрожали...

Молча пошли обратно в купе...

– И то апрельское субботнее утро тоже ничего плохого не предвещало. Дома были Гульсара и я. Отца и мать пару недель назад проводил в Кокчетав, к Айжан, которая стала матерью ещё одного ребёнка.

Зазвонил телефон. Я поднял трубку.

– Здравствуй! Это я, Самуил...

– Здравствуйте. Можете не представляться. Ваш голос неповторим...

Это Самуил Львович Гельфанд. Не только хрипловатый голос, но и он сам какой-то неповторимый. Такой живой, остроумный, замечательный шутник. Шутил он и со мной, хотя лет на пятнадцать старше меня. Фронтвик, служивший в основном в штабе дивизии переводчиком, так как владел немецким.

Познакомился я с ним – среднего роста, с крючковатым носом и необыкновенно острыми, как у Шерлока Холмса, глазами, ещё в прошлом году, когда он приходил ко мне как журналист областной газеты для уточнения каких-то деталей одного дела, которое когда-то пришлось вести мне, объяснив это тем, что готовит судебный очерк. Мне он сразу понравился: мастер ведения беседы. В ходе нередких наших встреч и я тоже ему, кажется, чем-то импонировал. Иногда восхищался моими кое-какими выражениями, и тогда он непременно восклицал: «Мой мальчик!».

– Ну вот, этим неповторимым голосом хочу спросить: ты Владимира Ильича уважаешь?

– Какого?

– Разумеется, Ленина.

– Вот даёте, Самуил Львович! – засмеялся я. – А как же...

– А знаешь, он кого уважал?

– Ну... кого... в первую очередь своих родных, потом... наверное, Карла Маркса, вашего дальнего родственника!

– Молодец! И ты даёшь, мой мальчик... Дальше, ещё кого?

– Дальше, дальше... скажем, Энгельса, Плеханова, Толстого, Горького... из женщин Надежду Константиновну и... Инессу Арманд... Ещё продолжать?

– Нет, этого достаточно. Вот теперь отвечай-ка: ты назвал и Горького... хорошо... Владимир Ильич с Алексеем Максимычем на острове Капри чем занимались?

– Чем?.. Не болтали, наверное, как мы с вами...

– Не болтали, правильно говоришь. Подумай, чем?

– Думать-то нечего, Самуил Львович. Я же не был вместе с ними. Право, не знаю...

– Меня тоже не было на Капри. Но знаю: они играли в шахматы и пили бархатное пиво. Слышишь, бар-хат-ное!..

– Ну и что?.. Пусть это самое... бархатное...

– Э-э, это же райский напиток! Сказывали, что его полно в Парке металлургов.

– Пускай рекой течёт оно, а мне-то что?

– Вожди уважали, а ты, молодой коммунист, не уважаешь... Как же так, а? Ну ладно, с пивом видно будет потом. Самое главное, что я хотел тебе предложить, это шахматы. Помнишь, в тот раз ты подряд три раза мне такой мат поставил, что с тех пор очень плохо сплю! В полночь просыпаюсь и начинаю изучать комбинации то Алёхина, то Ботвинника...

– О, вы тогда страшный противник!

– Давай-давай, не бойся. Может, из уважения дам тебе отдушину... Я же тебя уважаю.

– Я тоже уважаю вас. Уговорили. Когда встретимся?

– Ровно через час в шахматном павильоне. Пивнушка тоже рядом...

– Хорошо, Самуил Львович...

Сменив одежду, сказал Гульсаре:

– Пойду поиграю в шахматы.

– А где будете играть? – вдруг поинтересовалась она.

– В шахматном павильоне, что рядом с Дворцом металлургов.

– А... а, тогда я схожу в школу, мне надо там кое-что забрать... забыла, – заторопилась она и стала переодеваться в своё любимое платье с чёрными кружочками.

– Машина ведь на ремонте в таксопарке, а то быстренько съездили бы...

– Да ничего, пройдусь.

– Ладно тогда, к обеду буду дома...

Из квартиры вышли вместе и отправились в разные стороны.

Быстроходный Самуил Львович оказался уже на месте. И, усевшись у края длинного стола, за которым уже сражались заядлые шахматисты, разношёрстный такой народ, начали и мы. Сложная была партия. Самуил Львович делал иногда такие ходы, чем заставлял меня не его, а свою же голову ломать. И не раз. В один из таких моментов я буркнул:

– Вы нечестно играете, Самуил Львович!

– Ка-ак нечестно?! – крайне удивился он, стреляя в меня своими острыми глазами.

– Вам же делает подсказку великий гроссмейстер, чемпион мира Михаил Ботвинник, ваш дальний родственник!..

Самуил Львович взорвался от смеха, что все обернулись в нашу сторону.

– Вот ты да-аёшь!.. Всё же ты молодец, мой мальчик!..

Несмотря на беспрерывные, ужасающие, порой даже коварные атаки Самуила Львовича, мне удалось эту, да и вторую партию, свести вничью. А вот в третьей его «покинул», что ли, Ботвинник, он стал играть слабее. Долго задумывался. В такие мучительные для него моменты мне оставалось только отдышаться, оглядываться по сторонам. И вдруг вижу, по тротуару в направлении дворца идёт.. Гульсара!.. Идёт под ручку с мужчиной в серой куртке, одинакового с ней роста. О, ужас!.. Я сперва не поверил своим глазам... Нет-нет... Да это же она!..

В том же жёлтом платье. В правой руке небольшая чёрная блестящая сумка, которую в позапрошлом году подарил я в день её рождения... И он, тот незнакомый мерзавец, провёл рукой по её талии... а она не делала никакого жеста сопротивления!.. У меня затуманились глаза. Стучало в висках, как мне показалось, даже сердце остановилось. Шумело в голове. Шумели и мысли. «Что же это такое?! Кто он, что рядом?.. Любовником обзавелась?.. Может... может быть, это тот самый... первый её мужчина?.. Значит, снова они встретились и сошлись?.. О, проклятье!.. А где же её клятвенные слова?! А где же её чувство любви ко мне, в котором я ни минуты не сомневался, до глубины души верил, считая его самым чистым и искренним?! Значит, всё, что было, – ложь, фальшь чистой воды!.. Вот почему она в последние месяцы охладела ко мне и явно скрывала какие-то душевные тайны...».

– Ну ходи же!.. – Самуил Львович громким хриловатым голосом как будто разбудил меня от страшного сна. – Э-э, постой... постой... Что ты так побледнел, а? Как-то одна моя соседка точно так же побледнела... у неё оказался аппендицит. Может, и у тебя тоже?..

– Не беспокойтесь, это так себе... ничего... может, может, от вашего злоумышленного хода, – постарался я улыбнуться и тем скрыть истинную причину. А правду, позорную правду как скажешь ему?.. Тем временем Гульсара с этой сволочью вошла во дворец, там днём показывали кино... Ходы на шахматной доске делал машинально. Какая уж теперь игра... В голове стучали вопросы: «Что делать?.. Зайти следом, найти их и дать как следует?.. При людях... Это же двойной позор. К тому же оскорбление чести своей самой любимой на свете женщиной... О, боже!.. Что же делать и как мне быть?!».

Я стал беспощадно жертвовать фигурами и быстро проиграл. А сам дрожал уже, как вскипевший самовар. Какой-то озноб, что не осталось незамеченным Самуилом Львовичем.

– Тебе душно, что ли?.. Да, начинается уже духота... Давай пойдём в пивнушку, там же бархатное. Может, тебе станет лучше, а мне ещё лучше... За мой счёт, хотя ты проиграл...

«Эх, Самуил Львович, дорогой мой, знали бы вы моё состояние... – думалось мне, – поняли бы, что никакое пиво, бархатное или небархатное, не в силах потушить огонь обиды...». Тем не менее пил, точнее, влил в себя пару кружек, не чувствуя никакого вкуса. И всё время думал: «Дождаться

их или нет?». Ждать... это ведь тоже унижить себя, и так-то униженного... «Буду ждать не здесь, а дома. Устрою допрос и суд. Судить буду сам!.. А ты сволочь потом найду и накажу так, что не забудет на всю жизнь, если останется в живых!..». Наконец-то так твёрдо решил и распрощался с Самуилом Львовичем.

– Ты всё же проверься у врача, – посоветовал он, пожимая мне руку...

Где-то через час пришла Гульсара. Держалась спокойно, как будто ничего не было. Положив сумку на стол, повернула в спальню. Больше я не выдержал, быстро встав с кресла, крикнул:

– Стой!..

Она, повернувшись, смотрела мне в глаза. И никакого удивления и эмоций, смотрит как ни в чём не повинная, как ангел!.. Это привело меня в настоящее бешенство.

– Кто он: твой первый мужчина или новый любовник?

– Да какая вам разница... – совершенно спокойно ответила она!

– И что было с ним? – я уже хрипел, не хватало воздуха.

– Что было, то было...

В ярости я так сильно ударил её по лицу, что она отлетела и, стукнувшись о стену, упала. И не издала ни звука, только изо рта сочилась кровь. Будь у меня пистолет, может, застрелил бы сперва её, затем... и себя.

– Ш...шлюха!.. – сильно хлопнув дверью, я спустился вниз.

Уйти-то ушёл из дома, но не знал, куда идти или ехать. Не знал и тогда, когда остановил такси. Задумался, уже когда оказался в салоне. Куда, куда... Да хоть куда, лишь бы подальше от дома!.. Чем скорее, тем лучше. Скорее разве что на самолёте...

– В аэропорт!.. – махнул рукой таксисту. Может быть, в Ташкент? Там мой сокурсник, узбек, преподаёт на юрфаке САГУ. Он, Абижан, прошлым летом гостил у нас... А если поеду к нему, то он, естественно, будет спрашивать о семье, о... Гульсаре... Может, в Алма-Ату?..

Ладно, придумаю что-нибудь в аэропорту... А там у входа встретил меня Кенжебек, тот самый, что учился в политехе в те же годы, когда и мы в КазГУ. Был он парнем бойким. Всё бегал за девушками, а девушки – за ним, в общем, устраивал беготню, марафон... Сейчас было видно, что он рад встрече.

– Я узнал от ребят, что ты в прокуратуре. Куда направляешься, по делам, что ли? – сразу заинтересовался он, часто заморгал глазами, как и раньше.

– Не-ет... Просто хотел отдохнуть в эти выходные дни...

– Хорошо... Я к себе в Кентау, я же там инженер Ачполиметаллкомбината... Давай зайдём в ресторан, там и поговорим. До моего самолёта есть ещё время...

Заказал он кроме закуски бутылку водки «Столичная».

– Ну что... за встречу?... – предложил Кенжебек.

– За встречу... – я опрокинул рюмку в рот и даже не закусил. Вообще-то я не выпивоха, пил редко и немного. Не любил я это дело. Но сейчас... сейчас сильно тянуло. Наверное, заметил это и Кенжебек, сразу наполнил до краёв рюмку. И тут же предложил новый тост.

- За наш полёт и мягкую посадку!..
- Э... э, подожди, друг, я ещё не определился...
- Определяйся, кто тебе мешает, я, что ли? Наоборот, я тебя приглашаю в Кентау. Ты раньше был там?
- Нет, только проездом.
- Тогда тем лучше! Увидишь наш прекрасный город и удивишься. Сам Мухтар Ауэзов назвал его венцом гор Каратау!..
- Следующий тост по требованию Кенжебека провозгласил я.
- Пусть твой Кентау будет венцом не только Каратау, но и Алатау, Альп, Памира и всяких там Гималаев!..
- Кенжебек слушал меня, широко раскрыв глаза и рот, взорвался от смеха.
- Вот ты, д...даёшь, прокурор!..
- Между прочим, я ничего не давал, а только хотел с помощью горьковатых ехидных слов и водки сжечь что-то внутри, то, что сжигало меня.
- Кенжебек заказал вторую бутылку водки. Я не возражал.
- Ну как, улетим в Кентау?
- У...ле...тим, – согласился я.
- Замечательно!.. Отдохнёшь... И... и есть там у меня одна... а у неё подружка разведённая, полуказашка-полутатарка, красивая такая... Иногда хочется... Фу, что я говорю... Вот с ней и познакомим тебя... Хочешь?
- Хоть с... самим с...сатаной! – махнул я рукой.
- Ты сегодня взвинченный такой! Неужели опьянел?
- Нет, не пьян я. Устал... устал я, понимаешь?!
- Понимаю. Понимаю, конечно... вот мы, инженеры, ищем полезные ископаемые, а вы всяких там бесполезных сволочей ищите!.. Конечно, устанешь, попробуй-ка не уставать...
- ... Когда мы в полупьяном состоянии прилетели в Кентау, уже вечерело. Кенжебек увёз меня в свою квартиру. Она находилась в двухэтажном доме. В двухкомнатной жил он один.
- Почему не женишься? – спросил я и тут же чуть не откусил свой язык. «Ах, глупец эдакий! Женился сам, до чего дошёл теперь?!». Ответа Кенжебека я уже не слушал. Он потом по телефону с кем-то разговаривал, о чём речь – тоже не понимал.
- Немного освежившись под душем, направились на соседнюю центральную улицу. Поднявшись на второй этаж одного дома, Кенжебек нажал на кнопку. Открыла дверь низкорослая смуглянка с молодым приветливым лицом. От неё пахло жареной картошкой.
- Это Катира, – познакомил нас Кенжебек. Вошли. У двери, ведущей, кажется, в зал, стояла улыбающаяся стройная молодуха с каштановыми волосами. «Вот это са...та...на!» – подумал я, вспомнив наш аэропортовский разговор.
- Познакомьтесь, – сказал Кенжебек ей и мне с загадочной улыбкой.
- Гайникамал, – первой протянула она руку.
- Иль...иль...яс, – назвалса и я, заикаясь от пьянки, что ли...
- Ил, ил... Вы самолёт, что ли? К нам летают «Илы»... – засмеялась она.

– Да, самолёт я. Летаю сегодня сюда, завтра – т...туда! А... а вы сами, не теплоход? Руки шибко тёплые!

– Я такая тёплая!.. – она ещё громче засмеялась.

– Это мы ещё п...посмотрим...

– Пожалуйста!..

Сразу видно, что она женщина очень открытая, общительная, если... если не общественная. Да чёрт с ней!.. Какое моё дело до неё...

Меня посадили с ней на диван, а Кенжебек с Катирой сели на стулья. И началось бурное застолье. Пошли тосты: за знакомство, за здоровье, за дружбу, за весну, за любовь...

Я не отказывал себе в спиртном, хотелось забыться, даже отключиться. Получилось так, что не я обслуживаю Гайникамал, а она меня. Накладывает в тарелку закуску, подаёт минералку, чай. Делает какие-то замечания вроде «почему вы такой хмурый? Надо веселиться. А то преждевременно станете дряхлым стариком!..». И я старался не стать таковым. Даже спел с горем пополам один куплет татарской песни «Галиябану». Видимо, это оттого, что новая знакомая полутатарка. Она тоже пела голосом несколько похожим на... на... ну чёрт с ней... У меня в голове мутнело... Были слышны голоса: «Он устал... Перепил немножко... Ничего, он молодец всё же... Надо его уложить... Гайни, ты веди... Да-да, я уложу его...». Потом помню только, что на плечах Гайникамал дошёл до другой комнаты и, сняв ботинки, лёг в кровать. Дальше было сонное или полусонное состояние... И... и появилась Гульсара... Стала гладить, обнимать и целовать. Между поцелуями я говорю: «Прости, прости меня, дорогая!». Она отвечает: «Вы не виноваты... Я тоже не виновата... Это я так просто, чтобы вы ревновали... Говорят же, кто не ревнует, тот и не любит. Поэтому я... я... вы простите, простите...». И мы полностью отдаёмся друг другу... Затем слышится: «Ох!.. Ох!.. А-ах!.. Мой милый... О-ох!.. Душечка моя... А-а-ах!..». – «Что же это она так вскрикивает? – удивляюсь я. – Раньше она ни разу так не делала...». Вслед за этими мыслями наступило какое-то сладкое забытьё, возможно, очень похожее на небытие...

Проснулся от легкого касания чьих-то ладоней. А-а... Гайникамал.

– Пора... пора уже... Доброе утро! – улыбается она.

– Доброе... Вы... вы извините... – бормочу я, одеваясь.

– Что вы, что вы... Ничего страшного. Наоборот, всё... всё отлично! – загадочно засмеялась она. «Всё же смех у неё звонкий, музыкальный, как звук гармошки, – заметил про себя. – Приятный...». Но я чувствовал себя прескверно. Трещала голова, ужасная сухость во рту... Понимая моё состояние, возможно, и своё, Кенжебек сразу наполнил рюмки, когда мы сели за стол.

– Сейчас всё встанет на свои места... За нашу дружбу!..

Насчёт дружбы не знаю, но моё состояние не встало на место. Горело не только тело, но и душа. Уехать!..

– Кенжеке, может, проводишь меня? – обратился я к Кенжебеку.

– Да ты что?! Не спеши, посидим ещё. Улетишь вечерним рейсом.

– Нет, не могу. Дела...

– Ну что же, тогда проводим все вместе. Наши кентаусцы друзей провожают коллективно!..

На взлётном поле стоял «Ил-14». «Вы самолёт, что ли?» – вспомнил я вчерашние слова Гайникамал, которые вызвали у меня невольную улыбку... Между тем она при прощании тихо сказала мне:

– Надеюсь, что это наша не последняя встреча?

Что я мог сказать? Стоит ли обижать её...

– Да-да... наверное... Ну, жизнь покажет...

... Но жизнь что преподнесёт мне в будущем?.. Этого я сам не знал. Абсолютно. Перед мысленным взором стояла тьма, несколько похожая на сегодняшнее небо, которое закрыто чёрными тучами. Но у неба другое будущее: вот-вот прольётся весенний дождь, и оно снова засверкает своей голубизной и прекрасной чистотой, как будто ничего не было. А у меня... В один момент разверзлось и обрушилось со страшным грохотом моё небо, небо нашего счастья!.. А как восстановишь его? Да и подлежит ли оно восстановлению вообще?.. О-о, судьба!.. За что же ты так жестоко покарала меня?! Покарала изменой самой любимой! Любимой... любовь... что же она на самом деле? Огонь, что ли?.. Внезапно загорающийся и озаряющий душу, затем также внезапно гаснущий, при этом сжигая, пожирая ту самую душу?.. Не это ли настоящее коварство? Значит... значит, такое коварство заложено в каждом. И в Гульсаре... А... а может, она вовсе и не любила меня?.. Просто развлечение со мной, никак не отстававшего, как слепой котёнок? Кончилось развлечение, и... и тот сатанинский огонь, в ней не полностью погасший когда-то, оставшийся под золой времени, со своими красными глазками постоянно искал... искал того, с которым, чуть ли не обнявшись, ходила вчера Гульсара?.. Ох, проклятьё!.. Подожди, подожди... Мерцает же в моём сознании что-то похожее на высверки далёкой молнии, что видны через иллюминатор... Может, это какой-то спектакль, специально устроенный ею, чтобы вызвать во мне ревность?.. Да брось ты свой ночной пьяный бред!.. А где же твоя супружеская верность?.. Супружеская?! Тьфу!.. Это спросить надо прежде у неё. Это она спровоцировала... Спрошу, ещё как спрошу!..

Такие вот то сжигающие, то леденящие мысли, состоящие в основном из страшно колющих вопросов, сопровождали меня и в самолёте, и в такси... Сколько ни нажимал на кнопку звонка, никто не открыл дверь. Мёртвая тишина. От этой тишины веяло холодом опустошения... Пришлось открывать самому своим ключом. Не разуваясь, прошёлся по комнатам – никого, нет её! Дёрнул двери шифоньера – отсутствовали одежда и платья Гульсары!.. Ушла, значит, вчера с этим подонком, покинув навсегда меня и... и моих бедных стариков!.. Эх, Самуил Львович, не будь его рядом со мной, может, им устроил бы разборку как следует! Стыдно, позорно от посторонних людей?.. Плевал я на такой позор!.. Разве это не позорно? Ещё какой позор, тысячекратный позор и оскорбление до глубины души, если она у меня сейчас имеется!..

В зале привлекла моё внимание чёрная сумка, лежавшая на столе. Быстро открыл – тряпки какие-то новые, завернутые в бежевую оберточную бумагу. Швырнул её. Это была та сумка, которую она носила вчера...

На столе лежали ещё несколько листков машинописной бумаги, все исписанные. Её почерк!..

– Чего же мне пересказывать, когда можешь сам прочесть... – сказал Ильяс упавшим голосом, как бы переводя дыхание. – Когда я собирался сюда, в Москву, взял с собой «Отверженных» Пюго, хотя читал давно, ещё в студенческие годы. Очень умная книга... Приехав, однажды вечером взялся за неё. И смотрю... в ней письмо... Гульсары... видимо, когда-то после периодического, многократного чтения сунул его в книгу... и впоследствии вовсе забыл о нём...

Ильяс, достав с верхней полки свой небольшой портфель, вынул из него толстый том Пюго, внутри которого были сложенные вдвое очень пожелтевшие листки и отдал мне. Они были исписаны зелёными чернилами убористым женским почерком. Местами были видны расплывшиеся от какой-то жидкости, скорее всего от слёз, буквы и слова. Я, аккуратно выпрямляя листки, стал вчитываться...

«Дорогой, любимый, единственный мой Ильяс!

Вы, наверное, будете сильно удивлены моим первым, пожалуй, и последним письмом после того, что произошло у нас. Назвав вас любимым, верьте мне, я ничуть не лукавлю. Вы были таковым для меня и, хотите этого или нет, останетесь любимым навеки! Это не клятва, тем более не мольба, а только словесное выражение моего истинного, искреннего чувства к вам. Может... искренности моей опять не поверите. Тогда что же я смогу сделать? Только... только прошу одного: ради бога, набравшись терпения, пожалуйста, прочтите до конца эту записку.

Сначала хочу сказать и заверить вас, что вы ничуть не провинились, ударив меня и обозвав тем ужасным словом. Вы очень правильно поступили, после чего я стала вас ещё больше... любить! Больше всего на свете, любить без предела!.. Вы не могли поступить иначе, если вы любили меня также беспредельно!.. Я этого ждала... Я также уверяю вас, что я тоже никогда не виновата перед вами. Да-да, не виновата...

Наверно, вы уже успели подумать, что я вновь начинаю вам голову морочить какими-то своими тайнами... Да, я не раскрывала вам одну тайну, точнее, страшную трагедию свою. И вы, спасибо, никогда меня не мучили расспросами о ней... Теперь придётся открыть её, хотя я думала унести её вместе с собой в могилу. Вынуждена открыть, иначе вы не поняли бы никогда. Непонимание единственного, самого дорогого на всём белом свете человека было бы для меня не меньшей трагедией!.. Придётся начать с самого начала...

... Признаюсь, когда я впервые увидела вас той уже далёкой весной в Сары-Арке, подумала, что вы не похожи ни на кого другого. Выделялись не только своей красивой, элегантной внешностью, но и поведением. Вели себя очень корректно, без какой-либо развязности. А когда мы с вами обмолвились теми несколькими короткими фразами, даже в вашем голосе я уловила – всё же музыкант – нотки, передающие душевную чистоту человека. Из ваших глаз угадала надёжность, всё же я сиротка, с малых лет привыкшая определять по взглядам окружающих их отношение к себе.

Ваши намёки о встрече... во мне не вызвали возражения. Наоборот, появилось какое-то желание, желание общения с приятным молодым человеком. И... и, чудо, был миг быстрее молнии, в котором кто-то успел шепнуть мне: «Вот она твоя судьба в облике этого парня!..». Но этот звук так же быстро угас, как появился. Но каким-то образом остался, если не в сознании, то в подсознании...

А судьба... судьба оказалась совсем иной. И она готовила для меня ужаснейшее будущее...

После Сары-Арки из Чимкента я вновь приехала в дядин дом на летние каникулы. В целом они прошли неплохо, в основном я помогала тётке в домашних, кухонных делах. И однажды, когда до моего отъезда оставалось всего два дня, утром тётя сказала мне: «Еркекыз, сегодня вечером у нас будет гостить сам директор Жапалбаев. Ну, ты знаешь его, видела же в Сары-Арке... Ну вот, нам его надо как следует принять... Сама знаешь, у твоего дяди нету даже и среднего образования. Но благодаря директору, ну, не без... конечно, он управляет отделением и живём хорошо, на зависть другим... А молодых специалистов с дипломом, даже с двумя, хоть пруд пруди... Надо всё сделать, чтобы он остался довольным. Я сама займусь кухней, а ты будешь обслуживать, наливать чай, кумыс, рюмки подавать. Если попросит гость, споешь. И не рыпайся... Поняла меня?.. От сегодняшнего угощения зависит наше благополучие...».

Как было сказано, вечером приехала та тварь, захватив с собой какого-то прихвостня-подхалима. И сразу заметила, что он своими полузакрытыми масляными глазками буквально пожирает меня... Но что поделаешь, пришлось тётин приказ исполнять. А она после кончины Нурилика даже приказывала всем, даже дяде...

Все трое мужчин, да и после присоединившаяся к ним тётя, ели, пили, играли в карты, словом, кутили даже далеко за полночь без усталости. А я сильно устала, когда уже слипались глаза, с трудом выпросила разрешения у тётки и пошла в свою комнатку, легла в кровать. И сразу крепко уснула...

Проснулась в ужаснейшем, адском положении: надо мной было чьё-то тяжёлое, липкое от вонючего пота тело, запах водки и табака душил, руки мои были в тисках чужих сильных рук. Только раскрыла рот, чтобы закричать, но тут же мне его закрыли чужой ладонью... И вдруг страшная боль в нижней части тела, искры полетели из глаз... Дальше уже почти не помню, кажется, потеряла сознание... Только чувствовала, что адское мучение длилось долго... и по хрипу узнала, что этой тварью был... был Жапалбаев...

«Умереть! Покончить с собой!». Это было моё единственное желание, когда немножко пришла в себя. Быстро побежала в сарай, зажгла свет, нашла верёвку, дрожащими руками привязала её к потолочной балке и связала петлю. Тут впопыхах прибежала тётя и с силой вынула мою голову из петли. «Сдурела, что ли!.. Чего ты надумала, захотела, чтобы всех нас судили! Этого ты хотела, что ли?!.. – завопила она. – Ну что такого, мы все

прошли через это! Ты уже взрослая девушка, и с тобой случилось...». – «Будьте вы все прокляты навеки!» – выкрикнув это, плюнула ей в лицо и побежала в дом. Закрывая за собой дверь, увидела крючок. «Ох, этим закрыла бы дверь, тогда маленькая железка оберегла бы меня!» – с горечью подумала я... Когда тётя пришла, я успела закрыть. Заметив это, она из-за двери сказала: «Успокойся, успокойся». И ушла...

Быстро собрав свои вещи, я крадучись выскользнула из дома и по тёмным улицам побежала в сторону автостанции. И на рассвете покинула родное, и в то же время ставшее уже безжалостным, чужим село. В автобусе всю дорогу из глаз текли слёзы, с трудом сдерживалась от рыдания...

Ни Баян-апке, ни Кларе ни словом не обмолвилась о случившемся. Горевала одна. Но и этого горя, оказывается, было мало: через пару месяцев узнала, что я беременна... Нет, этого позора я не вынесу! И твёрдо решила покончить с собой. Придумала способ: выпрыгну с третьего этажа здания нашего училища!.. Никто никого не будет винить в моей смерти. «Случайно сорвалась и упала». А позорную тайну унесу с собой... С такой мыслью однажды после занятий в аудитории осталась одна. Через открытое окно долго смотрела на небо, на солнце, на деревья с пожелтевшими листьями, на дома, на людей, идущих по тротуарам... прощалась с белым светом. И... и вдруг вспомнила об отце, которого никогда не видела, и о маме. «Роденькие мои!.. От вас же не осталось ничего напоминающего о том, что вы были и жили на этом свете... Разве что я? Я тоже покину вот-вот этот грешный мир... О, тогда что же получается? Тогда... тогда порвётся последняя ниточка, связующая вас со светом белым... Как же с долгом моим как потомка?.. Разве вы об этом мечтали?!». Я зарыдала и отошла от окна...

«Избавиться от плода этой твари во что бы то ни стало!». С таким твёрдым намерением, хотя умирала от стыда, явилась к старой акушерке. Она, обследовав меня, сказала: «Да-а, а ты, доченька, беременна. Это точно... Но ты хорошенько подумала о последствиях первого абортa?.. Во многих случаях он приводит к потере способности стать матерью... Это же целая трагедия для женщины... Ну бывает иногда и по-другому. Но это очень редко... Давай, ты ещё раз подумай...». Но я настояла на своём. Кроме абортa, избавиться от позора был ещё один путь – смерть. Ради духов родителей уже закрыла для себя этот путь... Я освободилась от будущего не только той твари, но и своего ребёнка...

Спустя некоторое время у Баян-апке во второй раз встретила вас. Внутренне очень волновалась. Через вас я вспомнила те беспечальные, полные светлых надежд дни...

Дальше, что было между нами, вы сами знаете. Я поверила вам, постепенно влюбилась первой в моей жизни любовью, хотя жестоко обрезаны её крылья... А стыд не позволял мне рассказать вам обо всём, и я долго всячески старалась отдалить вас от себя. Но я поняла, что ваша любовь не позволит мне это сделать. И я поддалась вам... Однако, верьте мне, я не хотела выходить за вас замуж, пока для меня не прояснится... что – вы, наверное, догадываетесь. Думала продолжать быть просто вместе, хотя это не очень приятно... А если ничего не получится, то расстаться с вами. Но

тот вечер в вашей семье перемешал все карты. Считала, что отказом своим нанесу незаслуженную рану в душу своему любимому. И ещё ваша мать и моя милая апа мне показались как родная мать. Когда она умоляла, не смогла устоять. Так я стала вашей супругой, мой Илья!.. А ваши родители стали и моими родителями, самыми близкими, дорогими людьми для меня на свете. А благодаря вам я поняла, что такое счастье. Все эти годы я была счастлива. Но... но моё счастье, как я познала со временем, имело и тень. Тень, исходящую от моего прошлого. И объём его становился всё больше и больше, постепенно захватывая души всей нашей семьи...

Однажды, когда вышла на балкон, чтобы развесить выстиранное бельё, вижу на скамейке у подъезда сидит наш ата, затем он позвал к себе играющих поблизости нескольких ребятишек. Вытащив из кармана горсть конфет, раздал всем. Я знала, что ата не любил конфет. А тут из кармана вытаскивает... Когда дети ушли, он, положив подбородок на голову своей трости, долго оставался без движения... Войдя в ванную, я не смогла сдержать слёз...

Апа, золотая моя, всем сердцем чувствовала мои переживания и всячески старалась успокоить меня. Однажды она мне сказала: «У нас в ауле есть Аширкуль, вот она до двадцати семи лет не могла забеременеть, хотя целых десять лет жила с мужем. Женщины начали поговаривать, что, мол, она не будет вообще рожать. Но Аширкуль, словно назло им всем, через год начала приносить детей одного за другим и не остановилась до тех пор, пока не стала матерью-героиней! Даже дважды принесла двойняшек... Вот и ты, Саражан, Аллах даст, порадуешь нас внучатами, не переживай. Говорят ведь у нас, что женщина имеет сорок свеч...». Ох, знала бы она всё, что со мной произошло! Но как ей скажешь... А рассказала я обо всём полтора месяца тому назад знаменитому московскому профессору, когда она принимала женщин у нас, в Чимкенте. Выслушав и обследовав меня, она сочувственно сказала: «К сожалению, доченька, ничем не могу тебе помочь, даже обнадёживать не могу...». Это я восприняла как приговор...

И... и решила я освободить вас от себя, чтобы вы были счастливы. Это, конечно, страшно больно нам всем. Но разве не делают при жутких болях хирурги операцию для выздоровления? А как сделать нашу «операцию»? Долго-долго, мучительно думала об этом. Сказать открыто ате, апе и вам – была уверена, что вы ни за что не согласитесь. Тайно сбежать! Вот единственный путь, думала я. Но чтобы это не привело вас в шок, я стала относиться к вам холодно, полагая, что вы в скором времени так же будете относиться ко мне. Но, увы... Я стала действовать. На днях подала в суд о разводе, снялась с учёта. А сегодня, узнав по телефону, что директора нет на месте, а этого как раз и надо было мне, побежала в школу и оставила секретарше заявление об увольнении с просьбой выслать трудовую книжку по моему запросу. А там находился и завхоз школы, смазливый придурак такой. Увидела его, и у меня моментально возник «план». (Я же не зря была женой следователя). «Не сводите ли вы меня сейчас в кино?» – обратилась я к завхозу. Он сперва удивился, затем радостно воскликнул: «О, конечно, конечно, Гуля! Куда?.. В «Октябрь», близко же?..». Я возразила: «Только во Дворец металлургов». Я же знала, что вы там рядом будете... Мы

возле шахматного павильона довольно долго ходили. Я ждала, чтобы вы увидели нас. Взяла его под руку, даже позволила ему коснуться талии... И вы вдруг долго смотрели в нашу сторону, а я, когда убедилась, что вы точно видели меня, зашла во дворец. Я также была уверена, что у вас хватит выдержки и не поднимете шум при людях... Минут через пятнадцать, сказав тому, что у меня, оказывается, срочные дела, ушла... На сей раз вы меня не видели. И я отправилась в универмаг, купила там для вас импортное зимнее нижнее бельё. Вы же не любите бегать по магазинам. Оно, бельё это, в сумке... А ваш удар доказал мне, что мой «план» был удачным. Ну, эта шутка – последняя...

Ну вот, любимый мой Ильяс, я уже через несколько минут отправлюсь в путь, если... если вдруг не появитесь. А путь мне пока неизвестен: не знаю, куда отправиться. Может, в другие области, может, за пределы Казахстана, Союз-то большой. А музыка везде музыка. Восьмую ноту человечество ещё не придумало...

У меня к вам одна великая, последняя просьба: никогда не ищите меня. Прошу именем нашей любви!.. Любите ради меня другую! Любите, как меня любили. И пусть не будет у вас двойственности, любите только её!.. Уверена, что у вас будут дети, родные кровинушки для аты и апы... А я после того, как судьба меня занесёт куда-нибудь, обязательно усыновлю какую-нибудь несчастную малютку и всю жизнь посвящу ей, чтобы она стала счастливым продолжением моих бедных родителей...

Я глубоко, насколько способна, осознаю, как будет тяжело вам, ате и апе – моим бесценным родным. Ну что же я могу сделать?.. Разве что только до последнего вздоха своего пожелать вам всего лучшего?..

Прощайте и простите...

Навеки ваша и только ваша Гульсара».

Письмо Гульсары сильно взволновало меня.

– Что было потом? – спросил у Ильяса после долгого молчания, возвращая ему письмо. Он не сразу ответил. Положив письмо на стол, медленно поглаживал его ладонью.

– Потом... потом было так... как будто ударила меня молния в ясный день... Давай пойдём покурим. Продолжу потом...

– В шоковом состоянии позвонил Баян и Кларе. Нет, они и понятия не имеют. Появился в горле какой-то комок, и я зарыдал, рыдая беспрестанно, бродил по всем комнатам. Поднял сумку и прижимал её то к щеке, то к груди...

Но не стал искать Гульсару. А как же искать-то? Если не подавать на розыск. Это же полнейший абсурд и позор!.. Да к тому же она сама молила, чтобы я не искал её... И... и я, глупец, спяна уже успел изменить ей...

Настали для нашей семьи настоящие чёрные дни. Приехавшие через неделю отец и мать чуть не упали в обморок. Мать лепетала со слезами на глазах: «Подождала бы милашка моя хотя бы ещё несколько лет!..». А отец только воскликнул: «О-ох, Аллах!..». И блестели капельки слёз в его седой бороде...

Никому не говорили о случившемся. Если кто-то очень интересовался, то отвечали, что Гульсара находится на курсах в Алма-Ате.

Тем временем у меня со здоровьем появились какие-то проблемы: ухудшилось пищеварение. Врачи объяснили, что у меня есть признаки гастрита, понижена кислотность и посоветовали полечиться минеральными водами Боржоми, что в Грузии. Попросился в отпуск. А незадолго до отпуска меня повысили – стал начальником следственного отдела. Но это особо не обрадовало ни меня, ни родителей, которых я отвёз в Тюлькубас к родственникам, чтобы они там хоть немножко отвлеклись.

Чтобы попасть на курорт, я должен был отправиться поездом до Москвы, а там, на Курском вокзале, пересест в ереванский и ехать до грузинского города Хашури, потом на электричке в Боржоми. Вот по такому маршруту начал свой путь, сев в семнадцатый поезд «Фрунзе – Москва». Уступив своё нижнее место одному киргизскому аксакалу, забрался на верхнюю полку. Спать, спать и забыться! – было единственным желанием моим в тот час, для чего взял с собой таблетки димедрола, которым стал пользоваться в последнее время...

Когда мы через трое суток приехали в Москву, на Казанский вокзал, июльское солнце стояло уже высоко над горизонтом. Я торопился, чтобы скорее добраться на Курский вокзал. Когда уже начал выходить из Казанского, вижу, прямо ко мне идёт какой-то низкорослый, упитанный мужчина, судя по лицу – казах с расплывшимся в улыбке круглым, как апельсин, лицом.

– О-о, земляк, здравствуй! Не узнаёшь меня?

– Извините, что-то... – я задумался: «Где же я видел его? Что-то есть в нём знакомое... И даже низкий хриплый голос»...

– Я же директор совхоза, на выставке был, медаль дали!.. Ты же был в Сары-Арке, культработник!..

У меня затуманился взор, зашумело в голове.

– Жапалбаев?..

– Тот самый, ага, вспомнил всё-таки...

Тут я не помню, как со всей силы врезал ладонью по его лицу. А он ударился о косяк двери, но всё же устоял на ногах. С левого уха змейкой заструилась кровь. С ошарашенным видом, как у сумасшедшего, еле произнёс:

– З-зз-а что?..

– За Гульсару, тварь вонючая!..

– А... а... а...

Я начал было к нему приближаться, но он отпрянул назад, закрыв лицо обеими руками. Плюнув в него, повернулся и ушёл. За спиной послышался мальчишеский голос:

– У-ух, ка-ак он врезал тому!..

«Не врезать... а надо было зарезать эту тварь!» – думалось мне...

... Устроился опять на верхней полке теперь уже в вагоне ереванского поезда. Чувствовал в душе какое-то удовлетворение. «Не оттого ли, что хоть немножко отомстил?.. – думал я. – Э-э, нет, какое же это отмщение?! Отмщение должно быть эквивалентным тому тяжелейшему преступлению,

которое совершила эта сволочь ради удовлетворения своей похоти! Но как совершить это в юридическом плане по прошествии многих лет?..».

Кстати, могут ли быть такие шакалы чисто плотными в работе, тем более занимая руководящую должность?.. Нет, не могут!.. Пускай даже получают медали мешками! Тогда... тогда надо учесть это в будущем... хотя я никакой не граф Монте-Кристо...

Ладно, пока пусть останется этот шакал в покое, может, потом разберусь, если не я, то разберётся сама жизнь... Судя по логике вещей, он всего-навсего последнее звено того огромнейшего зла, которое самым жесточайшим образом разрушило судьбу моей Гульсары и наш очаг. А где его начало, корень и как оно называется?..

После долгого раздумья перед моим мысленным взором появилась одна надпись, такая огненно-красная, как будто написана самим колыхающимся пламенем: «Война». Вот оно – зло!.. Не будь войны, то были бы живы отец, да и мать Гульсары, и она не попала бы в незащитное сиротское положение, над которым любят кружиться всякого рода коршуны... Не будь войны, не гибли бы миллионы наших людей, среди которых были десятки, сотни тысяч замечательных личностей. Если они были бы живы, то не командовали бы шакалы, занимая места всяких там директоров и председателей!.. Да и само общество было бы гораздо чище, человечнее, благополучнее. Не говоря уже о море пролитой крови и слёз...

И что же получается?.. Получается, что хотя давным-давно заглох грохот канонады, война всё ещё... стреляет. Стреляет одиночным, снайперским выстрелом. Сквозь десятилетия она выстрелила прямо в сердце моей Гульсары!.. Сатанинская пуля войны, пролетев через сердце Гульсары, поразила и моё, через моё – сердца отца и матери!.. О, будь ты проклята, война!.. Не только я, но и миллионы-миллиарды наверняка проклинали тебя, но ты всё ещё жива, появляешься то здесь, то там с ещё более ужасающим видом, проклятая!

С этими проклятиями я, кажется, заснул. Снился какой-то чудовищный сон. Появляется какой-то красный шар с надписью «Война» величиной с обычный кочан капусты. И я начинаю раскрывать его оболочку, состоящую из хрустящих листьев. И возникает ядро наподобие чёрного камня с надписью «Мне!». Ядро это быстро-быстро и страшно увеличивается и приобретает вид земного шара. И на нём появляются двое людей. Это, наверно, думаю я, Авель и Каин... И вдруг Каин набрасывается на Авеля с душераздирающим криком: «Мне!..».

И я просыпался от этого жуткого крика. «Неужели, неужели заложена в нас эта непреходящая трагедия с самого начала?». Первой, что приходила в голову, была такая вот мысль. Не невесёлая, а источающая, как время и ветер, надежду...

Остановился поезд. На фронтоне вокзального здания я прочитал крупную надпись: «Харьков»...

– Вот и всё, дорогой!.. Хотел закончить свою исповедь на Казанском, а дотянул до Харькова, – сказал Ильяс усталым голосом, всё же мягко улыбаясь.

– Да-а, вот это история... – задумался я. Только через некоторое время задал Ильясу очень волновавший меня вопрос:

– А где же Гульсара, как она?

– Не знаю, не знаю... Только однажды наша бывшая соседка сказала, что на Алматинском вокзале видела одну пожилую, но очень красивую женщину, сильно похожую на Гульсару, в сопровождении высокого молодого человека... Хорошо разглядеть соседку, оказывается, не успела ... Я молил бога, чтобы та женщина была именно Гульсарой...

А где же искать её мне... разве что в своём сердце... К тому же она просила не искать никогда...

– А родители твои как?

– Отец лет десять тому назад умер. А мать, молодец, всё ещё жива, балуется уже с правнуками. Ей скоро сто лет!

– Жена твоя знает про Гульсару?

– А как же... Она понятливая. Желает даже познакомиться и подружиться с Гульсарой...

– Умная, значит, добрая. А где ты достал такую умницу?

– Ты об этом лучше спроси у неё. – Ильяс оживился. – Давай сделаем вот что: ты тоже выйдешь в Шымкенте, будешь гостить у нас сколько захочешь, потом сын отвезёт тебя в твой Тараз. Идёт?

– Нет, пока не идёт. Надо подумать.

– Ну, думай. Вспоминай свои чимкентские годы, тогда будет хорошо думать... Ну а теперь, наверно, «Спать пора, малыши»...

«Да-а, какая она всё же судьба человеческая, вечно сопровождаемая то радостью, то слезами... – думалось мне в полусонном состоянии, – с зигзагами, всяческими поворотами, неожиданными и ожидаемыми... Вовсе не такая прямая, как железнодорожный путь, напоминающий цифру «11», и на котором на всех парах мчится наш поезд в ночной тьме...».

г. Тараз, санаторий «Самал».

20-29 ноября 2011 г., 1-11 марта 2012 г.

Толеген КАЖЫБАЙ

Стихи разных лет

Перевод с казахского **Владимира ГУНДАРЕВА**

Листая фотоальбом

Здесь я — юн, окрылён всем на диво,
Словно пели в душе соловьи.
Здесь впервые меня опалило
Пламя первой недетской любви.

Этот снимок — вершины крутые
Покоряю я день ото дня.
Шах-Шираза сады золотые
Увлекают в мечтанья меня.

Здесь я — в шумной толпе одинок,
От гнетущей тоски изнемог.
Тот, кто не был ещё одиноким,
Боль мою ощутить бы не смог.

А вот здесь я — печален, как ночь,
Все мечты мои сгнули прочь.
До сих пор одного не пойму:
Так случилось со мной почему?

Тут же — словно терзаемый жаждой,
В негасимом сгораю огне.
Мёд и яд бытия не однажды
Приходилось отвеживать мне.

Здесь на снимке — от нежности таю,
Пусть не ангел, и каюсь в грехах,
Но достичь высоты Алатау
Непрерменно хочу я в стихах.

Это фото — фиксирует счастье
(Не ценил я отраду тех дней).
Да ведь в юности встретишь нечасто
Знатоков драгоценных камней.

Здесь блаженствую словно дитя,
Веселясь, балагурия, шутя.
Только радуга-радость исчезла, —
И опять опечалился я.

Этот снимок с укором твердит,
Что прижимист я стал и сердит:
Как ни бьюсь, только цель не видна —
Получить всё от жизни сполна.

Я судьбу укротить был не властен,
Чтоб себя от утрат оградить.
И вулкан необузданной страсти
Угасал потихоньку в груди.

Был момент, что в надрыве души,
Честь свою безвозвратно губя,
Я хотел себя жизни лишиться, —
Всё же я пересилил себя.

И живу, сам с собою борясь,
То взлетаю, то падаю в грязь.
Миг наступит — и с жизнью прервётся
Незаметная хрупкая связь.

Чапан моего деда

Посвящается духу деда Сыздыка Толемисулы

Не забыть мне, хоть кажется сном —
Столько лет пролетело, прошло —
Как под тёплым его чапаном
Находил я уют и тепло.

Горе, подлость людская, развал —
Как огнём, обжигали сердца.
Дед украдкой меня целовал,
Капли слёз вытирая с лица.

Втихомолку поплакав, молчал,
Глядя в серую даль за окном.
Если я засыпал, по ночам
Дед меня укрывал чапаном.

Если днём меня смаривал сон, —
А поспать был тогда я мастак, —
У моей колыбели пел он
И качался мелодии в такт.

Миновало с тех пор много лет,
Он в земле упокоен давно.
Но с тобой, несравненный мой дед,
Я веду разговор всё равно.

Знает дух твой о том с высоты —
Вряд ли с неба достану звезду.
В этом мире неправедном ты
Пересиливал мною беду.

Чужа детской душой, как спина
У него каменела в тоске,
То нырял я в тепло чапана,
Как ягнёнок сопел в закутке.

Так озябшие души свои
Согревали мы с дедом тогда.
А от слёз, что печально текли,
Увлажнялась его борода.

Засыпал я, малец, крепким сном
Под укрывшим меня чапаном.
И чапан этот с горестных дней
Мне милее всего и родней.

Я же деду был дорог вдвойне —
Продолженье он видел во мне,
Воплощенье любимого сына,
Что в сраженьях погиб на войне.

Если дед мой сильней горевал,
То старинный кобыз доставал
И, коснувшись смычком скорбных струн,
Он по сыну тоску изливал.

Как сиротки, вдвоём — млад и стар —
У суровой эпохи в тени,
Уповая на божий лишь дар,
Коротали мы тяжкие дни.

Не касались улыбки лица —
Мне такой, видно, выпал удел:
В раннем детстве лишившись отца,
Я быстрее других повзрослел.

Я давно уже сам дедом стал,
Внуки свой повели караван,
Но увижу: идёт аксакал, —
Так и тянет к нему под чапан.

Ты отца заменил мне, мой дед,
В годы страшных лишений и бед.
Пред тобою я в вечном долгу
И чапан твой забыть не смогу.

***

Берёза, старая берёза...

Когда я был ребёнком малым,
Ты тонким прутиком взошла
На взгорке около села.
И потихоньку подрастала.
В твоей листве в какой-то миг
Я музыку небес постиг.

Берёза, старая берёза...

Когда же я джигитом стал —
И ты росла из года в год,
Был строен твой девичий стан.
С любимой ночи напролёт
Я под твоей заветной кроной
Тогда простаивал не раз.
Своею песней немудрёной
Ты завораживала нас.

Берёза, старая берёза...

Когда я стал мужчиной зрелым,
И ты не только повзрослела,
А стала гордой и могучей,
Твоих ветвей касались тучи.
И мне не верилось тогда,
Что это будет не всегда.

Берёза, старая берёза...

Я стар и немощен теперь,
Немало перенёс потерь.
Но почему к тебе немилость?
Ты поначалу надломилась,
Потом упала... не дыша.
Моя заплакала душа...
Земной закон всему виной:
«Ничто не вечно под луной».

Берёза, старая берёза...

Монолог Биржан-сала¹

За тебя, мой народ, был я гневом объят.
Приходилось порой вместо мёда пить яд.
Мне мечталось стать песней и взмыть в высоту.
Кто развеял надежду, стреножил мечту?

Жизнь у песни не схожа с судьбою певца.
Не постичь сути песен душою слепца.
Сможет их оценить благородный народ.
Эти песни воспримут простые сердца.

Ой вы, песни мои, лебедями из рук
Вы взлетали, цветущий оставивши луг,
Не однажды завистники, злобно кляня,
С вами вновь разлучить попытались меня.

Но не сгинули вы, в поднебесье ушли,
Не остались в плену у скорбящей земли.
Донесёте ль в грядущую светлую новь
Вы потомкам моим боль мою и любовь?

Не услышал никто вопль мой: «Жанбота!»².
От безудержной травы в душе пустота.
Много бед я, увы, претерпел от хамья.
На закрытого в клетке похож соловья.

Я раздаривал песни от божьих щедрот,
Как с базара гостинцы, – чтоб знал их народ.
Ведь напевы мои воплощеньем мечты
На Кокше³ поднялись, выше гор Беркутты³.

А приехал к Сарé⁴ – славный Ешкиольмес⁴
Я заставил рыдать, песней взмыв до небес.
Ради этой красавицы, песен её,
Не колеблясь, отдал бы я сердце своё.

Чутко лань Джетысу⁴ ощущала тот гнёт,
Что лишал степняков светлых радостных дней.
Что же ты, мой наивный и кроткий народ,
Служишь тем, кто твоих забирает коней?

¹ Биржан-сал – знаменитый казахский акын 19-го века, народный композитор, певец, инструменталист, импровизатор.

² Жанбота – волостной, по чьему приказу у Биржан-сала на одной ярмарке отобрали домбру.

³ Кокше, Беркутты – горные вершины в Щучинско-Боровской курортной зоне.

⁴ Ешкиольмес – местность в Джетысу (Семиречье), где проживала любимая народом Сара Тастанбекова, с которой у Биржана состоялся знаменитый айттыс.

Не забуду, родная, из шёлка платок,
 Что, смутившись, ты мне подарила давно.
 Хоть семь раз обойду я Джукей⁵ – видит бог –
 Ничего не сумею найти всё равно.

Но я белый платок несравненной Ляйлим⁶
 Воспевать буду вечно всем сердцем своим.
 Ах ты, юность, ах, девы, теперь я старик.
 Всё осталось в былом, и иссяк мой родник.

Я, когда-то отважно шагнув за порог,
 Оделел все преграды на сотне дорог,
 Веет стужей от взглядов красавиц теперь.
 Не от этого ль холода так я продрог?

Пал я духом, не скрою, ведь близок закат.
 Молодые, идущие следом за мной,
 Будут знать обо мне, мой напев повторят?
 Иль покажется бляньем им голос мой?

Мой народ, я – твой сын, воспевал я тебя.
 И моя колыбель – неоглядный простор.
 Я испил свою чашу – страдая, любя,
 Крылья песен над степью родной распротёр.

Я был плачем твоим, ставшим эхом во мгле.
 Буду ль нужен тебе впредь, как хлеб на столе?
 Скажешь ты ль: «Наш Биржан!» – мой услышав напев?
 Будет так, – был бы жив мой народ на земле.
 1972 г.

***

Когда стучится нищий в дверь мою,
 Когда в печали те, кого люблю, –
 Как я могу считать счастливым,
 Когда несчастных тьма в родном краю?

Синица в злую стужу не поёт,
 В дугу берёзы лютыи холод гнёт.
 И нежиться в тепле я разве вправе,
 Когда желанья превратились в лёд?

Когда враги капканы ставят мне,
 От ненависти души их в огне, –
 Могу ль я быть, как Будда, безмятежным,
 Когда у власти бестолочь в цене?

⁵Джукей – озеро в Щучинско-Боровской курортной зоне.

⁶Ляйлим – возлюбленная Биржана.

В те дни, когда тревог не перечесть,
Надежд лишившись, силы как обресть?
Как сердцу от отчаянья не сжаться,
Когда хула мою позорит честь?

Завистники — исчадие всех бед,
Глумясь, бросают камни мне вослед.
Как можно думать о какой-то смерти,
Коль я не всем достойный дал ответ?

Не жалует толпа таких, кто горд,
Кто независимо себя ведёт.
К чему хвалиться мне своей осанкой,
Пока не распрямился мой народ?

Кичится должностью и званием один,
Другой — мечтой о троне одолим.
Обиды высказать народу как посмею? —
Ведь остаюсь в долгу я перед ним.

***

Всё проходит в этом мире, всё проходит,
Повторяясь, то же самое пророчит.
Снова небо розовеет на восходе,
И Всевышний раздвигает полог ночи.

Всё проходит, дорогой мой, всё проходит.
Бытие — всего мгновение до тризны.
Быстротечных дней запасы на исходе,
Но пока ты убаюкан в зыбке жизни.

Все события забытой станут былью,
Чтоб от прошлых всех ошибок отстраниться.
Станут лужами моря, а горы — пылью.
Чтоб потом запорошить веков страницы.

Иноходцем ты летел дорогой брэнной,
И следы твои на сопках и в долинах.
Всё меняется, незримо только время —
В бездну вечности течёт неодолимо.

Мчатся годы, нет от них пощады будням,
И я тоже к тем уйду, где нету солнца.
Удивляюсь я беспечным, странным людям —
Убеждённым в том, что смерть их не коснётся.

***

Счастье — солнце, озаряющее даль,
Юных лет восторженные ночи;
И твои загадочные очи;
Светлый смех, с лица смывающий печаль;
И пьянящий аромат цветочный.

Счастье — это утра благостного лик,
Притяженье дружеского круга;
Вопреки терзающим недугам
Ощутить себя ребёнком хоть на миг;
Устоять, когда бывает туго.

Счастье — с родичами жаждать новых встреч,
К ним, тоску отринув, устремляться;
Перед благородством преклоняться;
Чтобы скорбь из глубины души извлечь, —
Нежных чувств нисколько не стесняться.

Счастье — выше всех достоинств ставить честь;
Не поддаваться пагубе обмана;
По лугам беспечным мальчуганом,
Словно вихрь, промчаться, чтобы вновь обрести
Радость в равновесии желанном.

Счастье — пламенем любви объатым быть;
Твёрдую иметь в душе основу;
К трудным испытаниям быть готовым,
За Отчизну даже жизни не щадить,
Если час настанет вдруг суровый.

Но когда благословенный день придёт —
И казахи будут все едины,
Вот тогда-то счастьем неделимым
Наконец обогатится мой народ —
Долгожданным и необходимым.

***

Твой ясный лик из лунных сотворён лучей.
И ослепил меня очей мятежный свет.
И мечется душа, тоскуя в тьме ночей
По празднику давно ушедших юных лет.

А чёрный водопад твоих густых волос —
Как оправданье всех моих грехов земных, —
И если утонуть мне в нём бы довелось,
То я не стал искать бы радостей иных.

Как гибкая лоза — твой бесподобный стан.
Порывами души я к красоте влеком:
Ведь мёртвых оживить способна красота,
Заставить тех, кто жив, зацокать языком.

Любое сердце твой растопит нежный взгляд,
И призрачных надежд ты не лишай меня.
Вон сколько молодых — глаза у них блестят, —
И я ревную к ним сильнее день ото дня.

Ах, твой лукавый взор! Он как магнит влечёт.
И грешнику, как я, противиться нельзя.
Приди и излечи, пока в груди течёт
Бунтующая кровь, недугами грозя.

Манят, зовут к себе и яблоки груди.
Но быстротечна жизнь, смириться с этим как?
Пока я был в плену счастливых грёз и дней,
Сам не заметил, что стал вял мой каждый шаг.

А тайн в твоей душе — на тыщу и одну ночь.
Но как мне их постичь и разгадать сполна?
Печали тяжек гнёт. Её не превозмочь,
Лишила ты меня покоя, сил и сна.

В какой же райский сад ведут тебя мечты?
Любой почтёт за честь к твоим ногам припасть.
Я хворью изнурён, спасёшь меня лишь ты, —
Ведь нет иных лекарств, что утоляют страсть.

В любви совмещены, наверно, ад и рай.
И старец, и юнец прошли через обман.
И я страдаю так, как тот поэт Естай —
А он безумным стал, тоскуя по Корлан.

Ты — трепетная лань, воспетая в стихах.
Лебёдушка моя, ты — символ чистоты.
А я как бедуйн, поющий бейт в песках
О гурии своей утраченной мечты.

Зачем, скажи, зачем ты ластишься ко мне?
Касания твои — как солнечный удар.
Ты — пламя, я же — лёд. И я в твоём огне
Растаю, превращусь в неуловимый пар.

Красавиц воспевать поэту суждено,
Все чувства изливать в возвышенных стихах.
Как жаль, что мы с тобой не встретились давно,
Теперь же образ твой лелею лишь в мечтах.

Всегда я избегал сомнительных утех,
Но тем, кто был красив, внимание уделял.
Влюбляться в красоту, конечно же, не грех,
Когда в ней воплощён заветный идеал.

В любовной лодке мне теперь уж места нет.
Несбыточны мечты. И годы спину гнут.
Но сладко с высоты семи десятков лет
Об этом помечтать хотя бы семь минут.

***

Друг другу причиняем боль легко и мимоходом.
Подчас со скользкого пути, упрямые, не сходим.
И примирения цена нам неизвестна в ссорах.
Транжируем времени запас в пустейших разговорах —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

С размахом строим города, от превосходства млеем.
Но самых близких окружить заботой не умеем.
Чтоб мир хоть чем-то поразить, все лезем вон из кожи,
А милосердия в любви мы проявить не можем —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

С какой-то доблестью себя мы травим алкоголем.
О благоденствии для всех бессовестно глаголем.
К чему нам мнения других? — своим гордимся нравом.
И каждый, словно пуп земли, себя считает правым —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

Ничем себя не проявив, нос тут же задираем,
Как только обретаем власть — то свысока взираем.
И почему-то на виду, при славе и при деле
Не люди здравого ума — ханжи и пустомели.

Мельчают люди на глазах, мельчают люди...

***

Половодьем схлынула весна,
Лето на арбе протарахтело.
Вот и осень холод принесла,
До костей пронизывая тело.

Я с пелёнок был всегда здоров.
В шестьдесят же испытал невзгоды,
Этот возраст норовом суров —
Добавляет хворей год от года.

Постарело сердце... Но пока
Мало-мальски служит брэнной плоти.
Но в душе гнетущая тоска
С каждым днём сильнее отчего-то.

Принят был за толстого худой,
Море оказалось мелкой лужей.
Счастье обернулось вдруг бедой.
И красоткам я уже не нужен.

А ведь юным был огню под стать,
Молнией, что обжигает небо.
... Всё исчезло, чтобы прошлым стать,
Кануть в Лету, превратиться в небыль.

Нету прежней живости ума.
И с осанкой мне пришлось расстаться.
И всё ближе подступает тьма.
Как же незавидна участь старца!

Общение с духом поэта Еркеша⁷

Милый брат Еркеш, я не пойму,
Как мне жить по сердцу и уму?
Дельного никто не дал совета, —
Обращаюсь к духу твоему.

Среди нас ты был, как Окжетпес⁸,
Высился, могучий, до небес.
Птицею твоим пытливым взором
Я смотрю на сопки, степь и лес.

В красоту души влюблён и я.
Воспевал ты радость бытия.
И никто с тобой не мог сравниться, —
Но короткой жизнь была твоя.

Кто даст то, чего я не имел?
Вдруг лишусь того я, чем владел?
Как и ты, судьбы познал я горечь,
Пить отраву эту — мой удел.

Я споткнулся там же, где и ты,
Где другие шли без маеты,
Как и ты, не понял до сих пор я,
В чём же смысл житейской суеты?

Обманулся там я, где б никак
Обмануть себя не дал простак.
Как и ты, я тоже не согнулся,
Устоял, хотя попал впросак.

⁷ Еркеш Ибрагим – талантливый казахский советский поэт, рано ушедший из жизни в расцвете творческого дарования.

⁸ Окжетпес – вершина в Щучинско-Боровской курортной зоне, с которой связаны народные легенды.

По ночам я выплетал слова —
Самаркандской бязи кружева,
От толпы крикливой претерпел я —
И замкнулся, выдержав едва.

Но пока ещё не изнемог
От нелёгких пройденных дорог.
Как и ты, люблю я Кокшетау,
Но воспеть его — как ты — не смог.

Был мне чужд почёта пьедестал,
Я и краснобайством не блистал.
Никакой не сделал я карьеры,
Маломальским вожаком не стал.

Светлый мир поэзии твоей
Для себя открыл я с давних дней.
Средь живых не встретил душ я близких, —
Мне твоя душа всего родней.

Прожитые годы — не корю,
Нынешние дни — благодарю.
Но всего дороже мне стократ
Твой незримый дух, мой славный брат.

г. Кокшетау.

***

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет известного казахского поэта и прозаика Толегена Кажыбая со славным 70-летним юбилеем и желает ему доброго здоровья на долгие годы, счастья, благополучия, новых творческих обретений на благо отечественной литературы!

Николай КОВТУН

Исцеление души

– Что ты мне копейки суёшь?! – закричала Нинка, когда Василий выложил на стол тощую пачку денег – зарплату за три месяца. Василий глянул на жену так, как будто он был виноват в том, что три месяца не давали зарплаты, что дали-то, господи, крохи – завод почти остановился, и потому больших денег и быть не может.

– Сколько дали, то и принёс, – не глядя на Нинку, сказал со вздохом, – без тебя тошно, а ты ещё подбавляешь.

– Ну и чем я детишек буду кормить? Во что обувать-одевать? Вон у Насти платье, как решето, а девке, поди, десятый уже стукнул. Андрюха бегаёт весь в заплатках, а ведь ему нынче осенью в школу. Где брать-то всё, а? – Нинка сверлила взглядом мужа, и Василий ёжился под этим взглядом, отворачивался и тяжело сопел: ну чего это она! Неужто я виноват в том, что вся жизнь пошла наперекосяк?

– Чего морду-то воротить? – не унималась Нинка. – Господи! У других мужья как мужья, а тут... Молодые парни – и те тебя уже обошли: квартиры шикарные, машины заграничные, в домах – одной золотой рыбки только нет. А у тебя? Чего ты достиг со своей честностью?

– Зато сплю спокойно, – буркнул Василий и пожалел об этом: теперь уж точно не замолкнет, заест.

– Да кому она нужна сейчас честность-то твоя, кому? – сорвалась Нинка на крик, и Василий подумал: хорошо хоть детишек дома нет – последнее это дело – ругаться при них. – Дружья-товарищи твои нахапали всего и теперь живут припеваючи, коммерцией занимаются, деньги делают. А ты скоро голой задницей будешь сверкать на такую-то зарплату!

– Ну и ладно, – снова не выдержал Василий, огрызнулся: и чего она взорвалась? Ну мала зарплата, так ведь не я же её устанавливаю. И потом, хоть какая-то, да есть. У других и того нету. – Другие хуже живут, но трагедии из этого не делают, как ты.

Нинка как-то хищно прищурилась, подалась вперёд и даже ноги полусогнула, словно к прыжку готовилась. «Ну, сейчас сиганёт», – подумал Василий и приготовился в нужный момент отскочить в сторону – пусть бухается в стенку. Но Нинка судорожно слотнула – в животе у неё что-то булькнуло – и впиалась в Василия глазами:

– Ирод ты неотёсанный! – запричитала. – Другия!.. Да мне наплевать на других! Другие нас не кормят, не одевают! Семью скоро по миру пустишь... Други... я... – передразнила, скривив рот, отчего лицо её покрасневшее стало отталкивающе-некрасивым. Во, ведьма! – мелькнуло в голове Василия. – Всю свою красоту враз сожрала.

– Ты всю жизнь оглядывался на других, да только жить не мог, как они. Не умел!.. Господи! За что же ты меня наказал таким иродом?

Сейчас будет плакать, с тоской подумал Василий и внутренне сжался: он не выносил слёз, органически не мог их переваривать. Нинка и вправду вдруг скривила рот, всхлипнула и залилась слезами.

Ну вот и началось, – как-то отрешённо констатировал Василий и, видя, как всхлипывает жена, вытирает по-детски кулаками слёзы, ощутил невыносимую жалость к ней. Он вдруг с горечью отметил, что постарела она как-то враз за последнее время, что её некогда покатые плечи сейчас остро выпирают из-под халатика, а такие милые руки, которые он любил целовать, покрылись сетью вздувшихся вен. Ему захотелось подойти к ней, прижать её маленькую умную головку в мелких кудряшках, вытереть с лица слёзы... И он уже шагнул к ней, протянул руку, но Нинка вдруг отскочила в сторону дикой козочкой и крикнула:

– Не подходи!

Василий остановился и медленно опустил руку: жалость как корова языком слизала. Чего она? – ощущая как сердце вновь заполняется жгучей тоской, подумал: – Я ж по-хорошему...

– Ублюдок ты этакий! Ещё руки протягивает... – замахнулась на него Нинка тряпкой. – Да я после этого...

Как обухом шархнули его по голове: «ублюдок»... это он-то, который тащит в дом каждую копейку, каждую палочку, тот, который любит свою жену и детей... Незаслуженная обида оглушила его, разлилась по всему телу горячим кипятком – за что? Он стоял потрясённый посреди комнаты, шевелил губами, словно молился, не в силах выдать из себя хоть слово. Наконец выдохнул:

– Дура!

Повернулся, пошаркал к порогу и резко хлопнул дверью. От стука вздрогнула Нинка и крикнула вслед:

– Иди, иди! И сгинь там!..

***

Улица обдала Василия прохладным ветерком. Скатывающееся к горизонту солнце слегка уже позолотило крыши домов, играло в окнах, отражаясь в них изумительно яркой медью. У подъезда дома лениво брехала собака. «Тоже на кого-то лает, – подумал Василий. – Вот бабы, как эта дворняжка, – хлебом не корми, а дай полаять». И вспомнил Нинкино лицо – злое, перекошенное. И откуда бабы такие злые берутся? Ведь совсем недавно была его Нинка ласковой, весёлой. Плохого слова никогда не произносила. А вот с недавних пор её словно подменили: стала ворчливой, раздражительной. Отчего так? – думал Василий, ощущая в сердце всё усиливающуюся тоску. Может, побить следует? И устыдился своих мыслей, вспомнил, как давным-давно, ещё когда только женился, ударил он её единственный раз и жалел потом об этом не единожды. Как сейчас видит он залитый светом зал клуба, танцующие пары и себя, вальсирующего в паре с Вальехой, статной, грудастой и очень уж аппетитной. С Вальехой он долгое время встречался после службы в армии и даже жениться собирался.

Но потом они отчего-то рассорились, и хоть любила она Василия безмерно, но назло ему вышла замуж за друга его Кирилла. А через время женился и Василий на Нинке...

Танцевал он и что-то рассказывал смешное. Валюха заразительно, откидывая голову назад, смеялась. Сверкал ровный ряд зубов, манили сочностью припухшие, словно со сна, губы. А когда танец закончился, подскочила к ним Нинка и, ни слова не говоря, вlepила пощёчину Василию. Пощёчина получилась звонкая, «смачна», как сказал потом Кирилл, и зал вдруг замер. Хотелось Василию развернуть своё плечо и двинуть так милой жёнушке, чтобы она на всю жизнь запомнила. Но он сдержался, криво усмехнулся и, не сгоняя с лица этой кривой улыбки, взял Нинку за руку и повёл к выходу. Нинка покорно поплелась за ним. Отойдя от клуба в темноту, Василий вдруг наотмашь ударил Нинку по лицу. Она ойкнула и осела, произнеся скороговоркой:

– Вася, Васенька, милый...

Василий поднял её, проговорил сквозь зубы:

– Запомни этот вечер на всю жизнь... Меня мужики не били, а ты... Дуй теперь домой одна и жди меня.

Повернулся и пошёл в клуб, не обращая внимания на плач Нинки.

С тех пор прошло немало лет, но совесть отчего-то грызёт Василия – зачем ударил? И, может быть, сама Нинка давно уже забыла об этом, а вот он нет, словно честь свою запятнал этим ударом...

Василий широкими шагами пересёк улицу; прошагал вверх, к вокзалу, квартала два и завернул в переулок – здесь жил Кирилл. Аккуратный, чистенький домик выходил фасадом на улицу. Над крыльцом горела лампочка, хотя было ещё довольно-таки светло. «Ишь, куркуль, даже днём лампочка горит, – почему-то с неприязнью подумал Василий о друге. – Живёт, как буржуй, а тут»...

Кирилл в отличие от Василия жил на широкую ногу. Сам каким-то образом из шофёров, обслуживающих обкомовских чинов, вдруг вылез в завгары, хоть не имел образования, а вот теперь стал директором малого предприятия, жена его, та самая хохотунья Валюха, приторговывает разным барахлом. В доме – достаток, во дворе «жигулёнок» и приватизированная «Волга». Держали поросёнка, гусей, кур.

Василий ещё с тех пор, как ушёл Кирилл в обкомовский гараж, стал недолюбливать его. И не потому, что Кирилл вдруг изменился, любил давать советы и читать нравоучения. Вовсе нет. Невзлюбил оттого, что Василий всех работников обкома партии называл людьми, нечистыми на руку. Кирилл от этого злился, но дружба их, странное дело, не прерывалась. Вот и сейчас Василий открывал дверь в дом Кирилла и знал, что как только он войдёт, из смежной комнаты с возгласом выкатится навстречу трёхлетний Борька и следом покажется Валя, улыбающаяся и до одурения красивая, обнимет за талию, чмокнет воздух возле его щеки и усадит за стол.

– Ел? – спросит. – Не обманывай, не ел...

И кинется хлопотать на кухне, а они с Кириллом задымят сигаретами. И Василию будет хорошо и спокойно у них, как некогда дома было. Эх, –

вздыхает Василий, – что же всё-таки случилось? Какая кошка дорогу перебежала?

Борька, как и представлял Василий, кинулся «дяде Васе» в ноги и следом вышла Валя. Но Кирилла дома не было.

– Укатил в Ташкент по каким-то делам, – сообщила Валя. – Да ты посиди, Вась, куда уже направился?

– Куда направился? – серьёзно переспросил Борька, и Василий засмеялся – отлегло от сердца. Ну почему ему тут так хорошо, почему?

– Ел? – задала Валя свой традиционный вопрос. – Сейчас поедем. Борька, займи дядю Васю.

– Халасо, – серьёзно ответил Борька, и Василий снова расхохотался – так смешно получилось у Борьки это самое «халасо».

Потом они ели картофель жареный с селёдкой, пили кофе. Василий ел с аппетитом – давно уже не пробовал селёдки и запах забыл её.

***

Домой возвращался поздно: когда выходил от Валюхи, напольные часы пробили двенадцать. Он шёл неторопливо по довольно-таки широкому тротуару, обсаженному тополями, вглядывался в немногочисленных прохожих и вспоминал вечер, проведённый в семье друга. Хотя Кирилла и не было дома, но вечер прошёл так хорошо, что от плохого настроения не осталось и следа. Ощущение какого-то удивительного одухотворения переполняло его душу, и он всё никак не мог понять – отчего это. И что мы всё шепуршимся, шепуршимся... Всё нам чего-то мало... Да много ли надо для жизни? – думал Василий, глядя в темноту улицы, откуда, выхватывая светом коробки домов и развесистые тополя, приближался автомобиль. – Вот поговорил по душам, посидел по-семейному по сути с чужим человеком, и всё стало на свои места – камень с плеч свалился. Господи, один ведь раз живём. Чего шепуршимся?

И вновь вспомнил прошедший вечер. Вначале Валя угостила его кофе. Борька сидел у него на коленях и, подражая Василию, медленно тянул кофе с прихлёбом из своей чашечки.

– А папка пьёт не так, – вдруг произнёс он и уставил глазёнки-бусинки на Василия.

– А как? – поинтересовался тот.

– Большими глотками и клякает, – пояснил Борька. – А мама его лугает.

– Борька! Перестань! – оборвала Валя, смущаясь. – Ты извини, Вася. Болтает чепуху...

Потом Борьку уложили спать, и он вскоре, утомлённый за день беготнёй, уснул. Снова пили кофе. А потом Валя спохватилась:

– О господи! Чем же это я тебя весь вечер потчую?

И шмыгнула в другую комнату.

– Вот что надо нам, – и торжественно пристукнула о стол бутылкой.

– Ух ты! Армянский! – воскликнул невольно Василий. – А я, признаться, уже и запах его подзабыл. – И, немного выждав, спросил: – А может, не надо?

– Надо, Вася, надо, – выставляя на стол закуску, заявила решительно она. – В кои-то леты...

Глядя на хлопотавшую Валю, Василий чувствовал, как всё сильнее и сильнее затопляет его душу что-то обжигающе-радостное, тёплое, какое он испытывал когда-то в далёкой юности, когда сидел в тёмном зале кино-театра и держал её руку в своей. Чудно́, – думал он сейчас, – ещё и не пил, а в голове будто хмель бурлит.

Валя снова нырнула в другую комнату и вышла через минуту уже в добротном японском халате, плотно облегавшем её по-девичьи стройную, не тронутую годами фигуру.

– Так легче, – смущаясь, произнесла она.

«А у моей-то Нинки – ситцевый», – с какой-то непонятной тоской некстати вспомнил Василий о халате жены.

Потом они пили коньяк, вспоминали свою молодость, и Василий, пьянея, чувствовал, как всё сильнее влечёт его к Вале, как манят её полные яркие губы и высокая грудь. Боже мой, – думал он. – Ну почему я, дурень, не женился на ней? Почему уступил Кириллу? Почему?

Валя, будто угадав мысли, осторожно взяла его руку в свою – маленькую, изящную, с чуть подрагивающими пальцами, легонько сжала:

– Жаль, Вася, молодость наша так быстро прошла, правда? – сказала со скрытой грустью и заглянула в глаза. От этого взгляда Василию показалось, что под ним закачался пол, а в голове словно колокол ударил. «Боже мой! – воскликнул он мысленно. – Да ведь она меня до сих пор любит! Любит!»... И от осознания этого ему вдруг захотелось сделать что-то такое, сверхъестественное, чтобы и она поняла – не безразлична ему, хоть и любит он свою Нинку. И он потянулся к ней, несмело положил руку на плечо как когда-то и притянул к себе. Она не сопротивлялась. Поцелуй получился долгим. Валя осторожно высвободилась из-под его руки, посмотрела на Василия долгим пронизывающим взглядом и прошептала:

– Зачем ты так, Вася? Не надо... Больно...

И в глазах её застыли крупные слезинки...

Даже сейчас, вышагивая не спеша по тротуару, чувствовал Василий, как больно режет в сердце, словно нож кто воткнул в него. А тогда, услышав этот полный отчаяния шёпот её, сидел он истуканом, ругая в душе себя последними словами и не зная, что предпринять. А сердце клокотало и нестерпимо ныло в груди. Заметив состояние Василия, Валя улыбнулась сквозь слёзы, проговорила, поглаживая его руку:

– Не терзайся, Василёк. Ты не обидел меня. А слёзы... Так это всё от выпитого...

И от сказанного ею так ласково «Василёк» – как называла в молодости, его вдруг бросило в дрожь, а в глазах полыхнуло что-то горячее, и он, боясь разрыдаться, сорвался с места и подошёл к окну. Глядя в темноту, уже в который раз пожалел, что в своё время не женился на Валентине. Представил некрасивое в гневе лицо жены, её недовольный голос, постоянные незаслуженные упрёки, и ему стало так неудобно и одиноко, и такая жалость к себе, к своей нескладно сложившейся жизни заполнила

его, что трудно стало дышать. Валя снова угадала его состояние, быстро подошла.

– Что, Василёк, худо тебе?

И гладила, словно маленького, по голове. «Господи! – кричал Василий в душе. – Ну что же ты со мной делаешь?». Резко повернулся, обнял Валью за талию, прижал к себе, уткнулся носом в её плечо и, сам того не желая, зарыдал. Валя, ошеломлённая, молчала некоторое время, потом приподняла его голову, поцеловала в мокрые глаза и ласково, прерываясь, сказала:

– Успокойся, Васенька... Мне ведь тоже нелегко... Но я уже как-то привыкла к Кириллу. А поначалу... Ночами не спала, ревела. Уйду на диван от него и реву... У тебя хорошая жена, Василёк, очень хорошая, я знаю... Но вот жизнь её испортила... Вечные недостатки, нехватка денег, вечные заботы по дому... Ты, конечно, не виноват в этом – такова судьба. И не злись на неё, постарайся понять. Помоги, чем сможешь. Даже хотя бы ласковым словом. Ведь отвык говорить их, а? Отвык. А ты попробуй снова. И вот увидишь – жизнь вам снова улыбнётся... А я тоже поговорю с ней... Нельзя же так жить, Василёк...

«Эх, Валя, Валя, – думал Василий, улыбаясь воспоминаниям. – Да неужто ты думаешь, я ничем не помогаю? Но вот нет денег – чем могу помочь?». И вдруг вновь услышал слова Вали, сказанные ею, когда он бормотал о деньгах:

– Да пропади они пропадом, эти деньги, когда вот тут, – и она ткнула себя в грудь, – вот тут пусто!.. Загнала я к тебе любовь куда-то в самый угол. А новая так и не пришла. У тебя же совсем иное – любишь ты Нинку, знаю... Но плохое обо мне не думай – верна я Кириллу. И сегодняшний вечер застольем и кончится... Так себе – вечер воспоминаний, разрядка... И запомни, Василёк, не в одних деньгах счастье, нет, не в одних...

Возле дверей своей квартиры Василий пошарил в карманах – ключей не было. Придётся стучать, подумал, и снова ощутил, как накачивается на сердце тоска: сейчас начнётся... Всех соседей разбудит..

Дверь сразу же открылась, словно за нею только и ждали, когда он, Василий, постучит. На пороге стояла Нинка.

– Во, явился наконец-то полуночник... – И пошлёпала в кухню. – Есть будешь?

– Не хочу, – буркнул Василий, внутренне настораживаясь: что-то тут не так. Затишье перед боем?

Нинка возвратилась, стояла в коридоре и смотрела, как не спеша раздевается муж.

– Время-то, гляди, уж сколько.

– Ну и что? – опять буркнул: ишь ты, откуда пристрелку ведёт. Давай, давай... Мы тоже начеку.

– У Вали был?

Ага, начинается. Сейчас начнётся сцена ревности. Промолчал.

– Чего же молчишь? – также спокойно спросила Нинка. – Неужто я слепая – был и даже навеселе явился.

– Ну и был, а что? – вскинул вызывающе голову Василий. – Что, нельзя к другу зайти?

– Да нету Кирилла-то дома, уехал, – как-то устало произнесла Нинка.

– Ты-то откуда знаешь?

– Сорока на хвосте принесла. – И, немного помолчав, опять спросила: Ну и как?

– Чо – ну и как?

– Как, спрашиваю, вечер прошёл?

«Интересно, – ошарашенно думал Василий, – чего это с ней сегодня: не кричит, не ревнует... Не иначе что-то замышляет». А вслух сказал:

– Нормально, или, как говорят, встреча прошла на высоком уровне.

– А до низкого не дошли?

– Это ты о чём?

– Да так я, – неожиданно улыбнулась Нинка, чем ещё больше повергла Василия в недоумение. – Ладно уж, давай чай всё-таки попью.

И глянула на обескураженного Василия как-то невесело, с хитринкой и заинтересованностью, как не глядела уже давным-давно.

– Сказал же – не хочу, всё ещё не сдавался Василий: такое поведение жены его всё больше вгоняло в транс. Может, выпила, подумал, и даже незаметно потянул носом – ничего компрометирующего.

– Ну а если через не хочу? – ласково взяла его за плечи Нинка, ненавязчиво, чисто по-женски, так, как когда-то делала в молодости, подвела к столу. У Василия от этой жгучей неправдоподобности даже слеза навернулась. Чудеса да и только. Он даже незаметно ущипнул себя за руку – может, это всё снится. Нинка засмеялась – она давно заметила его состояние. – Что, напугался? Думаешь, с ума спятила, да?

И захохотала, отчего её лицо стало по-детски милым и приветливым, а две взблёскивающие коронки в верхнем ряду зубов делали улыбку задорной и миловидной.

«Чёрт возьми! – воскликнул мысленно Василий, во все глаза разглядывая жену так, будто впервые видел. – Да она же у меня красавица!». И что-то горячее, давно не испытываемое к жене, медленно разлилось по его телу, и он с удивлением ощутил, как забилося в сладкой истоме сердце. Господи! Как в молодости. И потянулся к пухлым губам жены.

– Чо, уже на любовь потянуло? – смеялась Нинка, и Василию показалось, что сидит сейчас он со своей Нинкой в городском парке в самом дальнем углу, где среди буйно разросшихся кустов стояла невзрачная деревянная скамейка, и Нинка, смеясь, спрашивает его: «Чо, уже и на любовь потянуло?». А сверху, сквозь крону деревьев, смотрят на них звёзды и озорно подмигивают.

– Дурачок ты мой, – шептала, задыхаясь от нахлынувших чувств Нинка. – Да неужто я язва какая? Да если бы не эти вечные недостатки... Если бы не такая жизнь растрёпанная... – и целовала горячие щёки мужа, а руки ласково теребили его шевелюру.

Василий глянул в такие родные до боли глаза жены, ощутил, как с какой-то отчаянной силой льётся из их глубины тепло, уткнулся в упругую грудь её и в блаженстве затих.

Нинка, не переставая теребить его волосы, всё сильнее и сильнее прижимала голову мужа к своей груди и чему-то загадочно улыбалась.

Митрохина философия

На скамейке у дома Вихровых сидит рыжий Митроха и большими прокуренными зубами лузгает семечки. Вообще-то, Митроху зовут Митрофан Савельевич, но в селе мало кто так его называет. За свои почти шестьдесят лет он так и не нашёл имени-отчества, хотя мастер он на все руки. Может, это и сломало ему судьбу – появилась неумная страсть к спиртному. Но не запивался, пил в меру – «для профилактики ума и души». Лицо у Митрохи лоснится от пота, глаза уставились на замершую от полуденного зноя улицу, где в мелкой, как первосортная мука, пыли барахтаются две курицы.

Митроха скучает, и потому, завидев в соседнем переулке сухого и длинного, как телеграфный столб, бухгалтера местного ТОО Ковбойкина, приподнимается и отчаянно машет рукой. Ковбойкин набычивает шею, глядя поверх очков на Митроху, чешет за ухом, решая что-то, и направляется к скамейке.

– Всё растёшь? – встречает его Митроха и тискает широкую ладонь бухгалтера.

– Расту... а ты что же, никак воскресенье встречаешь?

– Угу. Конституцию блюду. Но не об этом речь.

– А об чём?

– Ты вот человек грамотный, башковитый, можно сказать, ты вот и объясни мне, почему люди жадными стали?

– То есть как это? – Ковбойкин вскидывает кустистые брови.

– А вот так!.. Захожу я сегодня к Кузовкину. Жорку-то знаешь, поди? Ну так вот, захожу я к нему, а он «пузырь» со стола хватить и вниз – под стол. Ты, говорю, не прячь, не за тем пришёл... Засуетился: да что ты, да боже мой, да упаси господи... А зачем прятаться? Что я, отбирать пришёл? Или пьёшь ворованное? Юлить начал, а у меня от этого настроение испортилось и о деле говорить расхотелось. Повернулся и ушёл. Так вот ты и скажи: отчего это люди жадными становятся?

– Видишь ли, Митрофан Савельич, причин тут много, – Ковбойкин снимает очки и большим носовым платком протирает стёкла. – Перво-наперво, допустим, что спрятал он бутылку инстинктивно...

– Как это? – Митроха перестаёт лузгать семечки и в упор смотрит на бухгалтера.

– Бессознательно, значит, – поясняет тот.

– Ты это, Ковбойкин, брось... Значит, не первый раз прятал, ежели делает бессознательно. Автоматизм выработал.

– Возможно... Второе, что можно предположить, у Жорки сохранены пережитки прошлого...

– Ха! Да он всего-то четвертак разменял в жизни, а ты – пережитки...

– Вот именно, пережитки прошлого, наследственность, так сказать...

– Брось чепуху молоть, Ковбойкин, знаешь отчего это? От жизни...

Каждый стал грести под себя что ни попадя, как вон те куры. И чем больше гребёт, тем жаднее становится... И ты не спорь со мной, не спорь. Помнишь, когда голодно и холодно было в каждой семье? Люди последним куском хлеба делились, последней картошкой... А отчего это так было? Да всё от того, что люди чувствовали какую-то зависимость друг от друга, ответственность друг перед другом...

– А сейчас не то? – Ковбойкин ухмыляется и чешет кончик носа.

– А сейчас не то! – Митроха рубит ладонью воздух, щурит белёсые глаза. – Попроси у того же Жорки кило картошки бесплатно. Не даст... Вот видишь, две курицы купаются в пыли? Отчего бы? Потому, что так хорошо обеим. А если ты начнёшь барахтаться здесь же, что я буду делать? Не знаешь? А я знаю. Я встану, укажу на тебя пальцем и скажу миру, что Ковбойкин дурак.

– Да ну тебя, со своей философией, – разочаровывается Ковбойкин и встаёт со скамейки.

– Нет, ты послушай, – тянет за рукав Митроха. – Многое мы уже пере-забыли, потому и чуждаемся друг друга. Достаток всегда давал некую независимость человеку, верно говорю? Нет, ты скажи, верно?.. То-то, брат Ковбойкин! И жадность он же рождает. Да и ты по себе чувствуешь: имеешь «Москвич», так нет же, мало тебе, «Волгу» подавай!..

Митроха смеётся, видя как Ковбойкин, возмущённо махнув рукой, широкими шагами меряет улицу.

– Такая, брат, у меня философия! – прервав смех, кричит вдогонку Митроха. – Своя она, своя! И не переубедишь!..

– Ты чего раскричался-то?

От неожиданности Митроха икнул, крутанулся на месте: холодные глаза участкового требовали ответа. Но Митроха не такой человек, на испуг его не возьмёшь, тем более, если он не чувствовал за собой греха.

– А, блюстителю порядка – привет! – приподнимает кепку Митроха.

– Опять пьяный? – принохивается участковый.

– Не пьяный, а выпивший, – уточняет Митроха и сплёвывает небрежно. – Конституция – великое завоевание народа, товарищ Яша. И я её блюду очень даже строго.

Яков Измайлов, он же участковый инспектор, работает на этом участке недавно, но с Митрохой знаком основательно. Митроха человек по натуре спокойный, склонен к философии, но большой любитель выпить. А когда бывает переберёт – от философии переходит к действиям. Они-то и привели к знакомству с участковым.

– Ты вот что, – как бы раздумывая о чём-то своём, произносит Яков, – блюсти-то блюди, только чтоб тихо. Понял? Не порть людям выходной...

– Да ты что, Яша? – удивляется Митроха. – Ты видишь, сижу себе... А у Ковбойкина хотел узнать, отчего люди стали жадными. А он – в бутылку.

– Ну и отчего же? – заинтересованно спрашивает участковый.

– А от богатства, – выплёвывает шелуху и поясняет: – От личного богатства: чем богаче человек, тем жаднее.

– Ишь ты! – удивляется участковый. – Вывод-то какой сделал. Прямо философ!

– А что, неверно? Вчера послал свою Нюрку к Якушкину пару литров бензина занять для лампы. Думаешь, дал? Шиш! Нету, говорит. Такого товару не держим... А у самого «Урал» во дворе. Что ж он, на воде его гоняет, что ли? – Митроха вопросительно смотрит на участкового.

– Может, и вправду у человека нет.

– Ага, нет! Шофёр он! И, кстати, имея «Урал», думает об иномарке. А это что, не жадность?

– Это не жадность, – смеётся участковый. – Не жадность это, Митрофан Савельич, а естественная работа человека такова.

– А почему у меня не такая натура? – спрашивает Митроха. – Что, я не человек?

– Человек, – успокаивает Яков. – Но у тебя интерес другой, бутылочный.

– Э, нет, – машет пальцем Митроха, – нне...еет, шалишь, брат. Митроха своё дело знает туго...

– Дело-то ты знаешь, не спору, – вздыхает участковый. – Руки у тебя золотые, да дураку, извини, достались...

Поправляет фуражку, козыряет:

– Извини, дела...

Митроха долго и удивлённо смотрит вслед участковому, хмыкает и переводит взгляд на свои жилистые руки, лежащие на коленях.

– Золотые, – с какой-то грустинкой тихо повторяет Митроха, рассматривая словно впервые вздувшиеся вены на руках. – Сказал же...

И опять неопределённо хмыкает.

п. Затобольск Костанайского района

Костанайской области.

***

Редакция «Нивы» сердечно поздравляет постоянного автора нашего журнала Николая Матвеевича Ковтуна с исполненным 75-летием и желает крепкого здоровья, счастья, бодрости духа, новых творческих обретений!

Николай КОВТУН

“Дышится легко на этом поле...”

Мы гости

Мы на грешной земле
Все — незваные гости.
И удел наш ходить,
Не в растая корнями.
В единении с землёй
Человек на погосте,
А в живых каждый день
Заарканен делами.

Каждый час всё в делах,
Ни свободной минуты.
Всё спешим и спешим,
А куда — неизвестно.
От забот бы сбежать,
Но проблемы, как путы,
И довлеют они,
Даже памяти тесно.

Всё бы к чёрту послать,
Заарканить свободу
И, собравши рюкзак,
Вдруг исчезнуть с экрана.
И с весёлой душой
Подружиться с природой.
У реки посидеть,
Поудить утром ранним.

И забыть обо всём —
О работе и планах,
Походить босиком
По траве по росистой.
И вдыхать луговой
Воздух свежий духмяный,
И в душе ощутить,
Как становишься чистым.

Прощание

Вот поезда
Последний свист,
А я всё руки твои жму.
Ты говоришь:
«Остановись...
Вернись ко мне —
Я всё пойму...»

Вокруг
Людская толчея.
Огнями светится
Вокзал.
В слезах стоит
Судьба моя;
Вернись, вернись,
Прошу, назад...

И мне бы плюнуть
На билет
И, бросив на плечо
Рюкзак,

Ответить ласково
Тебе:
«Ну что ж, пойдём
На свой большак...»

Секунды бешено
Летят,
А я всё медлю...
И молчу;
И тянет повернуть
Назад,
И в путь
Отправиться хочу...

Вот поезда
Последний свист.
Последний взмах
Твоей руки:
Остановись...
Остановись...
И непосильный
Груз тоски...

Мастер

Да, был суров
 Мой первый мастер.
 Ни в чём мне
 Спуску не давал...
 Кидал он утром
 Тихо: «Здрасте...»
 И молча робу
 Надевал.

Задание давал
 Мне кратко,
 Как будто я уже
 Всё знал.
 Белел лицом
 От беспорядка,
 Из-за него
 Меня ругал.

Но вот когда
 В тисах зубатых
 Из-под моей руки
 Блеснёт

Деталь
 Из контуров горбатых,
 Ко мне он тихо
 Подойдёт.

Деталь руками
 Обласкает,
 Наждачный сдует
 Порошок...
 И по-отцовски
 Взгляд оттаёт,
 И скажет тихо:
 «Хорошо!»

Теперь ты знаешь:
 К делу надо
 С руками
 Душу приложить...»
 И были те слова
 Наградой,
 И легче
 Становилось жить.

Тревога

Скрылась деревня моя
 За пригорком.
 Вдаль убегает шоссе.
 Что же на сердце
 Так больно и горько?
 Что же не рад я красе?

Осень её
 Разбросала по полю,
 Позолотила кусты.
 И на мою
 Непокорную долю
 Бросила щедро холсты.

Осени мне бы
 Отвесить поклоны
 Да насладиться красой.
 Мир так прекрасен
 И мир так огромен...
 Что ж я хожу сам не свой?

Время придёт –
 И весна возликует,
 Выткнутся вновь зелён'я...
 Чувство тревоги
 За землю родную
 Не покидает меня...

Сенокос

В степи сегодня травы
 В полный рост.
 Такого разнотравья
 Долго ждали...
 Вот это поле
 Не перепахали,
 Хоть за него
 Стоять горой пришлось.

Комбайн дышит,
 Двигается урча,
 Трава волной
 Захлёстывает жатку:
 Колосья у просянки,
 Как початки,
 И у пырея
 Жёсткая камча.

Жуёт утробно
 Чрево дар земли,
 Копнитель от избытка
 Трав жиреет.
 Отлично, под нулёвку
 Поле бреют
 Степные
 Великаны-корабли.

С завидной прытью
 Копен ряд растёт,
 Как будто кнопки
 На степном раздолье...
 И дышится легко
 На этом поле,
 И от избытка чувств
 Душа поёт!

Село родное

Затобольск...
 Старинное селенье,
 Что чуть-чуть моложе Костаная.
 Люди шли сюда не на мгновенье
 В поисках придуманного рая.

Только рай, наверно, лишь у Бога.
 На земле такого не бывает...
 Нелегка была у них дорога,
 Что забвеньем нынче прорастает.

Было всё здесь:
 Голод и разруха,
 Были дни военного ненастья...
 Но сильнее становились духом
 Люди, так стремившиеся к счастью.

Были годы строек и свершений,
 Череда забот об урожае...
 Шла за ними смена поколений,
 О прошедших бедах забывая.

Только нам, потомкам тех, кто выжил,
 Кто в степи жестокой и коварной,
 Дом впервые здесь подвёл под крышу,
 Нужно помнить, как о самом главном...

Да, волхвует матушка-природа,
 Будущее лепит из мгновений.
 Так вот и катилась год от года
 Жизнь полосатая селенья...

Но иные времена настали,
 И дела иные, и заботы.
 Не о них ли прадеды мечтали,
 Покоряя степь сохой и потом?

Вот он, Затобольск, земля родная!
 Не узнать его первопроходцам!
 Он растёт, границы раздвигая,
 Молодо идёт навстречу солнцу.

И звенит нелёгкий ритм будней
 Над посёлком, Богом не забытым...
 А живут в нём трудовые люди,
 По-житейски мудры и открыты.

Хвала рукам

Шумит весёлая листва,
 Искрится белый свет.
 Давно седая голова,
 А всё покоя нет.
 И день, и ночь, и вечера
 Забот не перечесть.
 И то, что сделано вчера,
 Сегодня снова есть.
 Крутись во всём,
 Крутись винтом...

Речам вождей не верь!
 А верь всегда своим рукам,
 И силе своей верь.
 У нас всегда хвала вождям...
 Не счесть уже потерь.
 Покоя нет ни старикам,
 Ни детям... Никому!..
 Хвала, хвала своим рукам,
 Сноровке и уму!

Памяти А.М. Кирилюка

Хороший друг был у меня,
 Ровесник мой земной,
 Тот, что вливал в сердца огня.
 Он не любил покой.

Он непоседа был, как я.
 Без дела не сидел.
 Его любили все друзья.
 И он за них радел.

Бывало, я зайду к нему,
 Он спросит: как дела?
 Услышав, что дела идут,
 Присядем у стола.

Поговорим о том о сём,
Наметим срочный план.
— Давай-ка, брат, мою споём... —
И уж в руках баян.

И тронув сердце, запоёт,
И в песне грусть слышна;
О матери, что сына ждёт,
Про мальвы у окна...

Он говорил в стихах не раз,
Целинный ветеран:
— Две матери теперь у нас:
Украина, Казахстан. —
В прекрасных песнях восхваляя
Он родину свою.
О встрече с ней всегда мечтал, —
Он как солдат в бою...

На слове оборвался звук,
Не звук, а крик души...
Ушёл безвременно мой друг...
Недаром жить спешил.

Недописал...
Недосказал...
И досказать нельзя...
А дело то, что начинал,
Продолжили друзья.

Спешите делать добро

«Спешите делать добрые дела»
И отдавать тепло своего сердца.
Спешите говорить любви слова
И в старости, и в беззаботном детстве.

Спешите встретить путника добром
И помощь оказать в беде друг другу.
Ведь жизнь-то наша катится по кругу,
А значит, что посеем, — то пожнём.

Спешите оценить любой отказ
И видеть личность в каждом человеке.
Спешите дать добро на этом свете, —
И наградит судьба удачей Вас.

Лидия РОЗИН

Ошарашунг

Роман

(Окончание. Начало в №№ 9-11 за 2012 год)

Полёт

Ну, наконец, все уgomонились, пристегнулись к креслам и доверились „Аэрофлоту“. Я усталилась в окно, наблюдаю взлёт. Самолёт разбежался по взлётной полосе и плавно оторвался от земли, тень свою оставив на дорожке. Со скрипом раскрылись створки на животе лайнера, и шасси убрались вовнутрь. Самолёт стал набирать высоту. Я заметила, как тень, отброшенная самолётом, там, внизу, ринулась за нами вдогонку, прыгая через дома и деревья. Ей удалось даже обойти нас, как только самолёт взял курс на запад. И во всё время нашего полёта тень лайнера маячила несколько впереди, стрелкой своей как бы указывая путь. И это была не просто тень, а душа самолёта, состоящая из воедино собранных теней (или душ?) трёхсот сорока пассажиров и дюжины членов команды самолёта.

Рассвет в этот день долго-долго сопровождал нас: мы летели на запад.

В голове гудит: новость откуда одна за другой возникают какие-то очень странные, назойливые, холодные, бесстрастные, бестактные, беспощадные, бессовестные, бесчувственные и чёрт знает какие ещё бес-бес-бес...ные мысли. Они извиваются, закручиваются и превращаются в вопросы. Кто ты? Для чего ты живёшь? Что ты тут делаешь? Куда идёшь? От кого бежишь? Что ищешь? Чего ты хочешь? Попыталась от них отмахнуться, но это оказалось невозможным. Должно быть, это очень даже нормальное состояние после всего, пережитого мною за последние три дня, плюс передозировка алкоголя. Всё это происходит во время полёта в Никуда... Мне к тому же кажется, что душа моя где-то потерялась. Неужели это у меня „крыша съезжает“? Ах вот оно что! Я констатирую факт, что у меня действительно „едет крыша“. „Где нет души, там не болит душа...“.

Ко мне наклоняется сосед справа: „Вам плохо? Принести воды?“.

— Мне хорошо. Я просто схожу с ума.

— Поздравляю вас, сходите на здоровье. Я уже сошёл, и теперь мне всё по барабану. Понимаете? Всё трын-трава! Я, пока со всеми попрощался, думал, в психушку попаду, а теперь всё позади, и слава Богу. Ничего не страшно. Будь что будет! Была не была! — слова соседа только подтвердили, что процессу меня пошёл и успешно развивается естественным путём. Всё идёт как положено. Я совершенно спокойна. Мне всё „по барабану“. *Все мы там будем. Там нас всех вылетят.*

Будь что будет! Была не была! Но чтобы не дать соседу возможности продолжить начатый разговор, закрываю глаза и пытаюсь отключиться, однако мысли не дают заснуть. Тогда я отворачиваюсь и любуюсь видом из окна. Тень с нашими душами скользит по облакам всё ещё несколько впереди нас. Наш самолёт, объятый зарёю, двигается вместе с восходом на запад. Мы уже находимся часа три в полёте, а за окном всё ещё раннее утро. Словно мы замерли на месте, подвешенные в воздухе.

Я и впрямь ощущаю себя подвешенной в воздухе. Я уже полностью оторвалась от моего земного „я“ и куда-то лечу. Но куда? Зачем? Кто я? Кому я нужна?

Для чего я живу? Последние несколько дней я провела в воспоминаниях и только на очень короткое время возвращалась в реальный мир. Мир, в котором осталось всё то, что было когда-то для меня ценным и важным, но что я потеряла навсегда. И вот теперь сижу я тут в самолёте без настоящего, без цели и денег, лечу в незнакомое будущее, которому я, должно быть, также „по барабану“. Вспоминаю прошлое моё, сотканное, казалось бы, из одних потерь. Но в них иногда неожиданные маленькие радости вкраплялись и украшали мне жизнь. Я везу с собой целый чемодан и ещё вот эту коробочку вещественных доказательств моих потерь. Мои потери — это мой капитал.

Когда-то, где-то, как-то... я жила.

Была семья, была работа, вечно

У дел каких-то я в плену была,

Казалось, это бремя бесконечно.

.....

.....

Что будет — будь! Где наша не была!

Не пропаду, я в это твёрдо верю.

С собою я Богатство увезла —

Мои невосполнимые потери.

Было — не было! Была не была!

С этим настроением я достала пакет с тёти Вариной коробкой, что удобно расположился у меня в ногах, и вытащила стопку писем: переписка Дивы Беккер и Олега Карелина. Писем не так много — несколько обычных конвертов и четыре толстых. Первое письмо Дивы я уже три дня назад читала — помнится, оно меня ошарашило: от неожиданности я даже нервно хохотала. Но сейчас настроение у меня совсем другое и, что очень важно, нет абсолютно никаких эмоций, так что почему бы не перечитать? Заняться всё равно нечем. Эх, была не была!

Письма из коробки

Письмо 1: Дива — Олегу

Дорогой Олег, извините меня за мою смелость. Мне, право, нелегко даётся это письмо, но наш вчерашний разговор с Вами у клуба позволяет мне совершить такой безумный поступок. Меня зовут Дива Беккер, мы .....

.....

.....

.....

.....

Вы слышите: я Вас люблю!

Олег! Я люблю Вас!

.....

До свидания.

Ваша Дива,

Алма-Ата 18 апр. 1966.

Бегло пробежала глазами по строчкам этого бессовестного письма и сунула его обратно в конверт. Странно... У меня в руках чужие письма из далёкого прошлого. Читать чужие письма неприлично, но эти письма почему-то должны были быть обязательно мною прочитаны. После того как разбилось вдребзги моё настоящее, я сделала уже один отчаянный шаг — в незнакомое будущее. Так

почему бы мне не сделать такой же смелый шаг в другом направлении — в неизвестное прошлое. Чего я боюсь? Новых разочарований? Ведь я хорошо знала Диву, но совсем не знала Олега. Я его себе придумала, а потом... и встретила. Мы разговаривали с ним только несколько раз. Уже потом, после смерти Олега, я постаралась узнать как можно больше об этом необычном человеке. Я знакомилась с его бывшими друзьями, с близкими ему людьми, женщинами, что любили его, коллегами по работе, и по их воспоминаниям сделала себе портрет идеала. Разумеется, в жизни второго такого встретить было невозможно. И вот теперь у меня в руках письма с живыми строчками человека, давно ушедшего в небытие...

Конверты пронумерованы — наверное, Дивой. Они ей были дороги, иначе она бы их не сохранила. Дива отнюдь не была сентиментальной, насколько я её знала. А может, я её совсем не знала и видела в ней только то, что она мне показывала?

Письмо 2: Олег — Диве

А-Ата, 1 мая 1966 г.

Здравствуйте, незнакомое Чудо-Диво!

Честно говоря, письмо Ваше меня очень удивило, хотя я в своей жизни многое повидал и давно уже привык ничему не удивляться. Ну что мне с Вами сделать, Чудо Заморское, Диво Дивное? Озадачили Вы меня.

Моя хорошая, у меня совершенно нет ни желания, ни времени на подобные авантюры. Я очень занятой человек и уже лет двадцать за маленькими девочками не бегаю. Если Вы заметили, я хромой и старый, ко всему я ещё ужасно злой. Да! Да! Да! Не гожусь я на такую романтическую роль, которую Вы мне определили, хоть, признаюсь честно, Вы мне польстили. Жаль, конечно, что Вы не Татьяна. Хотя... Онегина я в себе давно уже уничтожил. Сегодня во мне спокойно существует Обломов, которому по ночам... Дон Кихот спать не даёт. Да всё чаще Гамлет своим дурацким вопросом мучает.

Вы написали письмо незнакомому человеку, наивно полагая, что это тот самый, которого Вы себе выдумали, но попали ко мне. А я не он. Но я абсолютно уверен, что Ваш герой, тот самый, уже где-то на полпути к Вам. Да не разминутся ваши пути!

Кстати, о дорогах. Я по профессии — строитель дорог: прокладываю новые пути по земле (от пункта А к пункту В). Жаль, что не умею так же соединять сердца.

Вот и всё.

Олег К.

P.S.

С праздником Вас!

Удачи и успеха Вам во всём.

Привет Вашей подруге.

О.К.

Письмо 3: Дива — Олегу

Риск побеждает страх.

Хватит играть в прятки!

Я объявляю: „Шах! —

Вам, принц Датский!

Скрестились, как шпаги, взгляды —

Быть или не быть?..

Быть! Потому что надо.

Надо. Надо жить!

Жить. А не насмехаться.
 Драться! И не иначе!
 „Шах! — Вам, мой принц Датский! —
 В тыл короля прячьте!“

Дива Беккер.

P.S.

Не думайте, что Вы от меня так легко отделались. Предлагаю Вам сыграть со мной партию в шахматы. Время и место встречи — за Вами.

Жду ответа.

Ваша Дива.

5.5.66, Алма-Ата.

Письмо 4: Олег — Диве

А-Ата, 15.5.66 г.

Дива! Прелесть моя! Ну и дела! Не ожидал я от Вас такой реакции. Вы, похоже, из моего первого письма ничего не поняли, а жаль. Повторяю: Дивушка, дорогая, у меня нет ни времени, ни желания с Вами встречаться. Сейчас, когда Вы читаете это письмо, я уже в пути: еду с караваном техники и оборудования разбивать в степи лагерь, куда через месяц приедет отряд студентов для проведения строительства дорожного тракта. У меня, как начальника этого объекта, столько дел впереди, что в ближайшее время я вряд ли появлюсь в Алма-Ате. Но, чтобы Вы не сочли меня трусом, я, разумеется, с удовольствием сыграю с Вами в шахматы, но это будет не раньше, чем через полгода (не пройдёт и полгода, и я появлюсь, чтобы снова уйти на полгода...). А Вы, пожалуйста, не теряйте времени даром — тренируйтесь, тренируйтесь, ибо в шахматах я не такой уж новичок.

Да, кстати, а как Вам Владимир Высоцкий? Мои студенты все от него без ума. Я — тоже.

„Но мне хочется верить, что это не так,
 что сжигать корабли скоро выйдет из моды.
 Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и мечтах.
 И, конечно, спою, не пройдёт и полгода...“

Всё. Отвечать на это письмо не надо, у меня пока ещё нет адреса. Но если вы всё равно захотите написать, то пишите себе на здоровье „На деревню дедушке“ или „Степь. До востребования, Вещему Олегу“.

Пока.

Привет подруге.

Олег.

Письмо 5: Дива — Олегу

Олег Кириллович, дорогой мой начальник!

Я очень спешу, у меня нет времени дожидаться твоего возвращения в лагерь. Я покидаю тебя. Сейчас, когда ты читаешь это письмо, я уже очень далеко. Обещаю написать тебе длинное-предлинное письмо и рассказать обо всём, что я не успела или не хотела говорить, но теперь обязана. Со мной ничего не случилось такого... Я просто счастлива. Я на две недели раньше срока заканчиваю у тебя в стройотряде свою практику и сегодня ночью улетаю в Симферополь. Дяде Лазарю я уже позвонила. Он в курсе. У тебя из-за меня не будет никаких неприятностей.

Олеженька, у меня к тебе просьба. Мой баул со шмотками передай, пожалуйста, с оказией в Алма-Ату Лазарю Семёнычу, ведь у тебя почти каждую неделю кто-нибудь из управления бывает.

И, самое главное, ты уж прости меня, дружище, но у меня не было другого выхода. Я взяла у тебя двести пятьдесят рублей взаймы. Ты ничего не подумай. Я сказала Лазарю, что заняла деньги у тебя, он их тебе переведёт. Лазарь Семёнович Зорин, пока мне не исполнится 18, официально является моим опекуном. У него достаточно денег, что достались ему от моих родителей для нас с Тамилей. Отец с мамой застраховали нас обеих. В конце этого месяца мне исполняется 18 лет, и я получу аж целых две тысячи, а Тамила — в следующем году.

Вот, пожалуй, и всё пока. Я обнимаю тебя, мой самый-самый-самый добрый, умный и красивый Человечище!

Твоя Дива.

1.7.66 г.

P.S.

Привет от меня Ахмету и всем остальным из отряда.

Письмо 6: Дива — Олегу

Дорогой Олег Кириллыч, ну вот, я, как и обещала, явилась — не запылилась. Я опять дома. У меня всё хорошо.

Олег, дорогой мой дружище, как ты сейчас мне нужен!

Пишу письмо и воображаю, что мы сидим с тобой в нашем вагончике в степи. Одни за столом, пьём чай с мятой и беседуем. Только сейчас говорю я, а ты слушаешь меня и не перебиваешь.

Ну, с чего начать?

Кириллыч, ты даже представить не можешь, какая я сволочь! Нет, в самом деле. Злая, завистливая, подлая баба. И это в мои-то молодые годы! Да это я с виду только молодая, а на душе у меня... такое!

Почему так получается? Жила-была хорошая, добрая девочка с необычным именем Дива... Маленькая такая, беленькая, безвинная, чистая. Все вокруг её любили. Родители добрые её теплом и лаской окружали. Помню, жили мы тогда в селе Боровое где-то на севере Казахстана. У нас в доме было как у всех — ничего не было, кроме стола, скамейки и железных кроватей. Родители много работали, а за нами (мною и Тамилей) наша соседка бабка Филатиха присматривала. Она была очень высокая и худая, да ещё вдобавок у неё почти не было зубов, только впереди два, как у зайца, торчали. Ведьма настоящая, ни дать ни взять. Но когда она улыбалась, лицо у неё начинало светиться, а вокруг глаз смешно шевелились весёлые морщинки.

Однажды я сказала ей: „Филатиха, хоть ты и на ведьму похожа, но я тебя нисколько не боюсь, потому что глаза у тебя добрые“. Эти мои слова бабке очень понравились. Она решила, что я хорошая и умная девочка, только невоспитанная, и занялась моим воспитанием. И тогда я узнала, что ведьмы совсем не обязательно должны быть злыми. Филатиху по-настоящему звали тётя Регина Фойерфогель (Жар-птица), а зубы она потеряла от цинги в тайге, работая на лесоповале. А до войны она в городе Энгельсе руководила детским немецким театром. Вот какая у нас была гувернантка!

Пока наши родители отработывали трудодни в колхозе, добрая „ведьма“ Филатиха рассказывала нам с Тамилей сказки, пела немецкие песни и разыгрывала с нами маленькие спектакли. Я была то Золушкой, то Снежной королевой, то Маленькой разбойницей, то Котом в сапогах. Но больше всего я любила роль Феи. Мне нравилось загадывать желания и исполнять их. И знаешь, у меня получалось. Филатиха говорила мне, что каждый человек может стать волшебником. Если сильно захотеть и свято верить, можно добиться исполнения любого желания. Важно только, чтобы желание от чистого доброго сердца исходило. Я тоже захотела стать настоящей волшебницей. Для начала я выучила молитву

„Фатер унзер“ („Отче наш“) и при помощи её загадывала себе всякие маленькие желания, и они почти всегда исполнялись. Перед сном, укрывшись с головой, я долго бормотала „Фатер унзер“. Я обращалась к какому-то всемогущему Фатерунзеру и просила его исполнить моё желание, и этот неведомый Фатерунзер откликался на мои молитвы. Так по моей просьбе нашлась наша бабушка Ираида, мамаина мать. Куда только ни писали родители письма, разыскивая неизвестно куда разбросанных войной родных, но без успеха. Тогда за это дело принялась я. Каждую свободную минуту, когда была одна, я умоляла доброго Фатерунзера помочь найти бабушку, и что ты думаешь? В одно прекрасное утро к нам прибежал почтальон с телеграммой. Бабушка отыскалась!

Вот это была радость! Вскоре бабушка нас навестила, и через некоторое время она добилась для нас разрешения переехать в Алма-Ату. Для начала мы остановились в горном посёлке, жили в небольшом домике. Отец работал сторожем в саду и выполнял ещё какие-то там бумажные дела в конторе.

Началась счастливая пора нашего детства. После той нищеты, что окружала нас в Боровом, мы здесь зажили прямо-таки на широкую ногу. У нас в доме появилась настоящая (не самодельная) мебель. Бабушка подарила нам шикарное трюмо и красивые шёлковые китайские занавески на окна, а также покрывала и наволочки. В нашем посёлке ни у кого такого не было. И ещё бабушка дарила нам с Тамилей всякие очень красивые наряды. Папа ворчал иногда: „Вы бы, уважаемая мамаша, девочек не слишком тряпками баловали, это же не главное в жизни...“. Но бабушка не обращала на него внимания. Она отца недолюбливала, и за то, что он старый и не пара её дочери, и, главное, за то, что он немец. Как будто Алоиз виноват был в том, что Ираидин любимый муж Сенечка — наш дедушка не вернулся с войны.

Мама с бабушкой очень любили друг друга, но иногда бывало и ссорились, особенно если бабуля относилась несправедливо к зятю. Мать с дочерью, разлучённые войной, встретились вновь через 13 лет. Разумеется, дочь за это время очень изменилась. Мы бабушку обожали. Тамилу вскоре вообще жить к бабушке отвезли, потому что у Ираиды в городе были знакомые врачи, а ребёнок нуждался в лечении.

Почему я тебе всё это рассказываю? А с кем ещё я могу вот так поговорить? Ведь у меня, кроме тебя, никого на свете нет, с кем по душам беседовать можно. С сестрой я вижу очень редко, она теперь в Ленинграде у тётки Розалии, маминной двоюродной сестры, живёт. С Тиной у нас, похоже, дружба трещину дала. Нашу с тобой „аферу“ она мне никогда не простит. К тому же она сейчас в Усть-Каменогорске на практике и вернётся только к октябрьским. У дяди Лазаря никогда нет времени на разговоры — он человек занятой, а с его супругой Музой Андреевной, кандидатом исторических наук, можно только о научном коммунизме говорить. Только с тобой, единственным, я могу вот так по душам обо всём на свете беседовать. Продолжаю исповедь свою.

Ну вот, живёт себе ребёнок в благополучной семье, в самой лучшей, опять-таки, стране, а не в каком-нибудь страшном капиталистическом мире. Развивается, мир прекрасный вокруг себя открывает. Всё замечательно, все любят его и радуются ему. Только вдруг, в одно мгновение, всё вокруг изменилось: люди, события, сама девочка. Окружающий её гармоничный мир рушится, и всё летит в тартарары.

Мне лет восемь было, когда в нашем посёлке поселилась семья с огромным количеством детей, наверное, не меньше десяти. Я подружилась с девочкой из этой семьи. Тина была очень начитанная и умная девочка, знала наизусть столько разных сказок и стихов. Я тоже много историй знала, но не из книг, а из рассказов бабушки Ираиды, да и Филатихины сказки ещё не забылись. Однако

Тине я так, между прочим, рассказала, что всё это вычитала в книгах. Зачем я тогда солгала, не помню, но я это сделала сознательно. Перед сном я долго просила у Фатерунзера прощения и пообещала, что никогда больше лгать не буду. А на следующий день по моей вине чуть не погибла моя новая подруга. Тина с самого первого дня нашего знакомства поняла, что я Фея. Как ей это удалось, не знаю, ведь я никому об этом не говорила. В тот день у Тины и её нового знакомого мальчика Вити был день рождения. Они попросили меня исполнить для них желание — показать Лукоморье. У нас во дворе стоял старый дуб, а рядом — с электрического столба свисал оторванный в грозу провод. Чтобы увидеть Лукоморье, я предложила именинникам прикоснуться сухим листиком к голому электрическому проводу. Тогда мне не пришло ничего лучшего в голову. Я продемонстрировала им, как это надо сделать: чуть-чуть притронулась сухим дубовым листиком к кабелю и тут же отдернула руку. А Тина голой рукой ухватила за него. Что тогда было! Хорошо что у нас дома в тот день гости были и среди них один врач. Пока врач делал Тине искусственное дыхание, я плакала и молилась. Я умоляла доброго Фатерунзера не забирать Тину, уж лучше пусть меня заберёт, потому что я во всём виновата.

Фатерунзер и в этот раз услышал меня: я заметила, что Тина начала дышать и открыла глаза. Я была счастлива. Я поклялась себе, что с этого дня буду всегда рядом с Тиной. Что буду оберегать и защищать её — пусть только кто посмеет её обидеть.

Тина мне всё простила. Она, наверное, просто не поняла, что могла умереть. В общем, наша дружба не пострадала. Иногда к нам ещё новенький Витя примыкал, и мы ходили втроём. Мне казалось, что мы с Тиной могли говорить обо всём на свете, но она от меня всё-таки что-то скрывала. У неё была какая-то Тайна. Мне во что бы то ни стало хотелось, чтобы Тина поделилась со мной своей Тайной, но она молчала. Я ей даже про Филатиху рассказала, но безрезультатно. Потом я сделала вид, что это меня перестало интересовать, хотя при этом меня аж распирало от любопытства. Но вскоре у меня у самой тоже стали появляться свои собственные тайны. Да ещё какие! Однажды я подслушала разговор моего отца с другом о том, что у моей мамы совсем другое имя. Что она не Эльвира Робертовна Беккер, а Кира Семёновна Зорина. Из подслушанного разговора мне стало ясно, что ту, что я считала своей семьёй, ложь. Что родителей связывает только взаимопомощь, что они нужны друг другу, только пока не уладят все формальности с восстановлением имени матери. Для меня это был шок. Я рассказала об этом Тине, но она восприняла это гораздо спокойнее меня. Ну конечно, это же не её касается, — думала я. Но вскоре Тина ни с того ни с сего вдруг сделалась ко мне такой добренькой, что даже мне про свою большую, страшную Тайну рассказала. Про цыганку, которая, умирая, ей серьги с тайным знаком подарила. Про мальчишек-двойняшек и цыганёнка Алёшку, про то, что кто-то из них (непонятно, то ли цыганёнок, то ли глухонемой Ваня) потом в проруби утонул. Тина мне одну из этих серёжек показала, вторую ей потом, когда время наступит, принц сказочный вернёт. А пока она должна искать какую-то Истину и прислушиваться к фонарику в сердце. Я была разочарована, услышав такую тайну. Во-первых, я ожидала большего, во-вторых, я как раз начала подозревать людей в том, что они, все без исключения, врут. У меня сложилось впечатление, что Тина меня жалеет, что она что-то знает, чего не знаю я, но не может мне сказать, и это никакого отношения к её цыганской тайне с треугольной серёжкой не имеет. Я озлобилась на всех. Хорошо что появилась бабушка и забрала меня на время к себе. Допишу завтра. Спокойной ночи. 25.7.66.

26.7.66. Дружище Олег! Продолжаю.

Уроки бабки Филатихи не прошли для меня даром. Из меня бы, наверное, хорошая актриса получилась, если б мне не надоела школа и не поступила бы я в этот дурацкий технологический техникум. Ведь я сейчас, когда до диплома полгода осталось, твёрдо уверена, что никогда в жизни никаким технологом не буду. Кем, не знаю. Далеко не заглядываю в будущее, а о ближайших планах напишу несколько дальше, ведь я ещё не дорассказала тебе своей истории.

Так вот, живу я у бабули Ираиды. Маленькой девочкой прикидываюсь, а сама уши навострила и нос всюду, куда не позволяют, сую. С бабушкой гулять не хожу — большой притворяюсь. А пока бабулечка моя по магазину да нужным людям ходит, время даром не теряю — в её архивах роюсь. Вроде про дедушку Семёна Сергеевича Зорина хочу побольше узнать. Так неожиданно наткнулась я на старую довоенную фотографию. На фоне роскошного дворца стоят мама моя, молодая очень, и высокий симпатичный парень. На обороте написано: «Привет из Ялты. Мамочке от нас. Кира и Руслан. 18 июля 1940 г.». Внимательно лицо парня разглядываю, знакомым оно мне кажется. Где-то я его уже видела. Потом дошло: на сестру Тамилу уж очень похож и... на меня тоже... Примостила себе бабушкин парик на голову и к зеркалу. Точно! Вот это открытие! Я бабулечке спектакль разыграла. Вроде, перебирала книги старые, почитать что-нибудь, сказки детские искала, а из одной книги фотка эта и выпала.

Ой, бабуля, неужели это мамочка наша?! Красивая-то какая! А это кто? На Лазаря не похож, у вас что, ещё один сын есть? А где он живёт? Тоже в Москве? Или в Ленинграде? Как на Тамилку похож!

Я задавала столько вопросов, что бабушка не успевала соображать, на который ей начать отвечать. Она стояла бледная и беспомощная... Но я вдруг делаюсь равнодушной и прошу бабулю покормить меня, не то с голодухи прямо сейчас вот и помру. Бабушка облегчённо вздыхает и бегом на кухню. И уже мурлычет песенку, накрывая на стол. К разговору о фотографии я больше не возвращаюсь. Я понимаю, что бабуля, если и начнёт что-нибудь говорить, это будет ложь.

Фотография между тем исчезает с комода, куда я её небрежно так, разыгрывая равнодушие, намерднi швырнула. Вечером того же дня приезжает мама. Мы все едем в больницу, навещаем Тамилу. Я как-то по-новому разглядываю сестру. У неё не было косичек, как у меня. Волосы у неё кудрявые и огненно-рыжие. Голова большая и круглая, поэтому дети в больнице, да и медсёстры тоже — все называют её „Солнышко“.

Я спросила маму с бабушкой, в кого это наша Тамилочка такой красивой уродилась? И какого цвета были у папы волосы, когда он ещё седым не был? Мама сказала, что отца не седым не помнит, а рыжим... был дедушка. Бабушка Ираида, несколько замедленно, поддакнула, однако я уже знала, что они лгут. Дед Сенечка ни рыжим, ни кудрявым не был, ибо был лысым... У бабушки сохранилось очень много его фотографий, но ни на единой из них даже намёка на волосы не было.

Вечером того же дня я, сославшись на головную боль, легла спать пораньше. На самом деле мне необходимо было подслушать разговор мамы с бабушкой. Я научилась очень хорошо притворяться, потому что иначе, понимала я, правды в этой жизни не добьёшься.

Я уже и в самом деле засыпать стала, когда эти две лгуньи наконец заговорили.

— Доченька, нельзя так дальше жить. Ты должна рассказать детям правду. Дива задаёт такие взрослые вопросы, что мне страшно становится.

— Погоди, мама. Рано ещё, пусть подрастут. Руслан давно выпал из моей жизни. Алоиз очень болен, я боюсь, что если девочки узнают, ему ещё хуже станет. Ведь он их вырастил и очень любит, и они его тоже. Мама, он замечательный человек, хоть ты его и недолюбливаешь. А что Руслана касается, мне сейчас только начало проясняться. У нас в доме отдыха недавно один мужчина с юга отдыхал. Ко мне в библиотеку заглядывал, всё со мной беседовал. Выяснилось, что он закончил ту же военную академию, что и Руслан.

Они ещё долго разговаривали, но я уже не слушала, мне было плохо. У меня поднялась температура, и я почувствовала, что умираю. Задыхаясь, я вспомнила молитву и начала в бреду произносить заветное заклинание, чем, вероятно, и привлекла внимание мамы. Она притронулась холодной рукой к моему лбу и впала в панику. Бабушка вызвала «неотложку», и меня увезли в больницу в тяжёлом состоянии. У меня была скарлатина. Несколько дней врачи, как говорится, боролись за мою жизнь. Но вот кризис миновал, и я пришла в себя. Знаешь, Олег, с этого момента я увидела мир другими, уже далеко не детскими, глазами. Я с трудом узнавала себя, так я изменилась. Все вокруг были теми же, но я была уже другая. Я ощущала себя вполне взрослым, умудрённым жизненным опытом человеком, со своим собственным взглядом и собственным мнением на окружающий мир.

А мир вокруг меня был прозрачен: он состоял из голимого вранья. Разыгрывалась какая-то грандиозная комедия. Все люди вокруг были в масках и играли в этом спектакле. И только один человек был зрителем, критиком и судьёй — это была я, маленькая злая старушка с огромным бантом на голове.

Я появилась в классе через две недели после начала учебного года. Дети были наивными и глупыми, учителя — просто смешными. Они вдавливали ученикам в головы всякую чушь, в которую сами не верили, и вели себя так, будто важнее этого ничего на свете не бывает.

На одном уроке внеклассного чтения моя подруга Тина, которую, кстати, я перестала замечать, соловьём заливалась, читая наизусть „Руслана и Людмилу“. Она так сильно старалась привлечь моё внимание, что мне аж противно сделалось. Когда зашла речь о том, что такое Лукоморье, я сказала, что знаю одну девочку, которая побывала в Лукоморье и может об этом рассказать. И что ты думаешь? Тинка, как ужаленная, вскочила, подбежала, со всего размаху вцепилась мне смачную пощёчину и выскочила из класса. Вот это да! Такого я от неё не ожидала. К этому уроку я не была готова. От неожиданности и бессилия я разрыдалась. Дети и учитель кинулись со всех сторон меня успокаивать. Один только Витя Федин, сидевший впереди, обернулся ко мне и спокойно сказал: „Так тебе и надо, злюка-кипятюка!“.

После этого происшествия я очень заужавала Тину и Витю. Я была Тине благодарна за урок. Мы вскоре, не помню уже теперь как, помирились, дружба наша даже крепче, что ли, стала. Тина была всё-таки классной девчонкой, она не играла, она была зрителем. Причём зрителем настоящим, прирождённым. А мне вдруг неинтересно стало наблюдать за всеми и всем и расстраиваться из-за того, что люди лгут. А если это не ложь, а просто игра? Игра в жизнь... Как дети играют в куклы или в войну? Одно мне было ясно, что лгут (притворяются или играют — неважно) все взрослые люди. А зрителями становятся те, кто играть не способен, или такие неисправимые чудаки, как Тина. Насчёт Тины я просто не знала, какую роль ей отвести. Ей лучше всего оставаться при мне моим личным зрителем, поклонником или критиком, пока я в мировом спектакле главные роли репетировать буду. Целью моей жизни стало играть исключительно главные роли. Но не только играть, а ещё и придумывать эти роли, чтобы не было скучно. Но далеко не всё шло так, как я себе представляла. Каждый раз, как

только я придумывала себе новую роль, появлялся кто-нибудь и портил мне игру. И чаще всего это оказывалась моя подруга Тина. Она была лучше меня не только в учёбе. Она чаще выигрывала у меня в шахматы и шашки. Во всех видах спорта она была чуть-чуть проворнее меня. Только в одном ей было до меня далеко. Я всегда выглядела нарядно и опрятно, со вкусом одевалась, спасибо моей бабушке Ираиде. А у Тины не было бабушки, и у них было много детей и совсем мало денег, поэтому она, как и многие другие дети из больших семей, одевалась как попало. Она была какая-то нескладная, угловатая. А я была, как говорила бабуля Ираида, ладненькая.

Когда мы немножко подросли, все мальчишки в классе, за исключением Вити, писали мне записки и предлагали дружбу. Ах эти глупые пацаны! Они из-за меня даже подвиги совершали. Однажды я нечаянно уронила в колодец мой любимый мяч, так один из моих самых преданных поклонников — Валерка Соколов спустился в ведре в колодец и достал мяч. А два других его вытаскивали.

Тину мальчишки не интересовали, у неё была Тайна. Она искала свою Истину и дружила со мной и Витей. А мне не надо было никакой Истины искать, потому что знала уже, что всё в мире только игра и ложь. А посему, в мире никакой такой особенной Истины нет и быть не может.

Тебе не скучно читать? Но я постараюсь покороче. В общем, мне надо подвести мой рассказ к главному пункту, от которого всё в жизни моей пошло кувырком. Из Москвы в Алма-Ату перевели моего дядю Лазаря. Его назначили управляющим того самого строительного треста, в котором ты работаешь. Дядя помог нам получить в городе квартиру, и мы вскоре покинули горный посёлок. Уезжая из посёлка, я украла Тинину Тайну — ту самую серьгу из тайника. Почему я это сделала? Не знаю... Я всё ещё помнила наставления Филатихи: не укради, не убий, не возжелай... Но я тогда уже была пионеркой и в бабкины библейские сказки не верила. И притом я уже успела разочароваться во всех людях и ничего хорошего ни от кого не ждала. И таинственный, всемогущий Фатерунзер покинул меня.

Скорее всего, я ничего не думала, мне просто хотелось освободить Тину от её глупой Тайны, чтобы она нормальным человеком выросла. А может, что тоже не исключено, я на себя роль Тины тогда впервые примерила? Пусть будет так. Потому что совсем недавно, четыре месяца назад, я сделала вторую попытку, да ты об этом знаешь. Я тебе уже пыталась объяснить, почему я написала тебе в апреле первое письмо. Поверь, Олег, я действительно ни о чём не думала тогда. Просто взяла из тайника серьгу и исчезла.

Встретились мы с Тиной снова через пять лет, в позапрошлом году. Она очень выросла, учится, как и я, в техникуме...

У меня за этот период столько катастроф произошло. Я потеряла родителей. Сперва умер отец Алоиз, через год — мама, ей всего-то 36 было... А потом умерла бабушка. Перед смертью бабушка отдала мне письмо мамы, в котором мама всё про родного отца, Руслана Танатарова, написала. В письме был его адрес, но я всё никак не решалась написать ему. Не была готова. Обо всём этом я рассказала Тине. Её несколько не удивил мой рассказ о моём другом отце. Я не напрасно чувствовала в детстве, что она что-то знает. Тина призналась, что действительно из нечаянно подслушанного разговора родителей давно уже ведает о том, что Алоиз мне не родной отец. Она, видите ли, не смела рассказать мне об этом, потому что это чужая тайна... Но уж коли разговор коснулся тайны, само собой, вспомнили цыган, серьгу со змейкой, Царевну-Лебедь.

Тина вдруг уставилась на меня в упор и очень серьёзно спросила: „Ты украла серьгу?“.

Меня поразил её тон. Такого нахальства по отношению ко мне я не смогла вытерпеть и устроила ей такую сцену, что её потом ещё долго совесть мучила за то, что посмела меня, свою лучшую подругу, обидеть таким гнусным подозрением. Спектакль удался! Ай да я! Ай да Дива!

В итоге подруга попросила у меня прощения, и я великодушно простила её. Мы обнялись и поплакали. То есть, плакала я одна, Тина почему-то *не плакать* умеет. После примирения мы сблизились ещё больше. Я ни в коем случае не хотела её потерять и в знак нашего примирения подарила ей её любимую книгу „Сказки Пушкина“. Эта книга была нашей семейной реликвией. Её выпустили в 1937 году к 100-летию со дня смерти Пушкина и очень небольшим тиражом. Она была очень тяжёлой, красивой и дорогой. Её издали в роскошном переплёте с великолепными цветными иллюстрациями. Такой редкой книги в то время ни у кого не было. Бабушка Ираида чудом сохранила её. Помню, в детстве Тина, когда бывала у нас, гладила и прижимала к себе эту книгу. Я хорошо помню, что „Сказка о царе Салтане“ начиналась с репродукции „Царевна-Лебедь“ Врубеля. Для Тины это был бесценный подарок. Она вся сияла от радости. Вот блаженная, сказками Пушкина всё ещё увлекается да ищет свою дурацкую Истину. Странная такая, в жизни ничего не смыслит: уже скоро восемнадцать, а ещё ни с кем не встречалась, даже не целовалась. Я же, знаешь, Олег, так здорово парням головы морочила, что просто удивляюсь, как они мне мою собственную до сих пор ещё не оторвали... Веришь, я умудрялась встречаться с четырьмя одновременно, и один отвозил меня на свидание к другому. Но ни с кем у меня ничего серьёзного не было. Просто спортивный интерес, и только.

А тут, в этот знаменательный вечер, 17 апреля, когда ты подошёл к нам в клубе, моя Тиночка и пропала. Всё то, что я тебе на следующий день в письме написала, это она мне сказала. У неё это было всерьёз. Я совсем не хотела её обижать, просто мне надо было попробовать сыграть её роль. Ну вот, стихи тоже она написала и песни, что я тебе пела, — тоже она. А когда я получила от тебя письмо, в котором ты просишь оставить тебя в покое, у меня возник гениальный план. Я экстерном заранее сдала в мае годовые экзамены и теперь до сентября свободна. Уговорить дядю Лазаря устроить меня в каникулы на твой участок на практику не стоило большого труда. Он не посмел мне, бедной сироте, отказать. До сегодняшнего дня Лазарь Семёнович считался моим официальным опекуном. Так я появилась в твоём стройотряде. Полтора месяца я была вашей поварихой, твоей соседкой и бравой ученицей. Осталось только рассказать, как, почему и куда я исчезла. Но об этом завтра. Спокойной ночи. Дива.

27 июля 1966 г. Продолжаю:

Ура! Сегодня мне исполнилось 18 лет!

Поздравь меня — я стала совершеннолетней!

„В жизни раз бывает восемнадцать лет...“.

Вечером будем отмечать, а пока постараюсь дописать „Послание Вещему Олегу“, или лучше: „Исповедь грешницы Дивы перед алтарём“.

Слушай, дорогой мой, и не задавай вопросов!

Ну вот, теперь пойдёт Тайна, покрытая мраком. Село в степи, на окраине которого твой студенческий лагерь расположен, и есть то самое место, куда Тинина Тайна ведёт. Неслучайно я в село то на почту, то на переговоры, то за чем-нибудь в магазин на Ахметкином велосипеде ездила. А по выходным мы с твоими студентами в клуб на танцульки бегали. Ты с нами не ходил, но всегда ко мне телохранителей приставлял. Спасибо, старина, но что должно было произойти, случилось.

Мне от бабули Ираиды цепочка золотая досталась. Я серьгу Тинину в цепочку вдела и на шею повесила. Словно крючок с приманкой. Стою себе в клубе

сельском и жду, когда Чудо-Юдо рыба-Кит на крючок попадётся. И что ты думаешь? Клынул! Вот это да! Я его сразу узнала... Цыгана... Пригласил меня танцевать, а сам глаз чернющих с подвески моей не сводит.

— У кого серьгу украла, красавица? — вдруг спрашивает.

— Ты об чём, парниша? — прикидываюсь дурочкой, хотя прекрасно поняла, на что намекает.

Парень рубаху на груди распахнул, а у него такой же точно треугольничек на цепочке болтается.

— Ой, цыганёнок Алёшка! Какая приятная встреча! — весело так верещу, а внутри аж всё трясётся от напруги: с огнём играешь, Дива, сама себе думаю, будь благоразумна!

— Позвольте представиться, — вдруг перебивает меня парень, — Иван Краузе. А вы кто будете, мадам?

— Дива Беккер, — говорю как можно спокойнее, — из стройотряда я, студентка, спортсменка и вообще... Работаю поваром в строительном лагере за вашей деревней.

Так мы и познакомились. Ты же, Кириллыч, его видел один раз, когда он меня провожал до самого вагончика. В общем, вся эта история мне так понравилась, что я, Олеженька, просто потеряла голову. Не помню, о чём мы разговаривали, он мне много о себе рассказывал, как долго приходилось глухонемым быть, пока его не вылечили. Потом он после седьмого класса поступил учиться в ветеринарный техникум, потому что очень животных любит. Он только что закончил учёбу и защитил диплом. А через три недели, где-то в первых числах августа, его призывают на службу в армию. Сейчас он гуляет на полную катушку, потому что получил направление на работу в родное село, и ему подьёмные выплатили в размере трёхмесячной зарплаты. Он узнал в конторе, что деньги эти возвращать не нужно, и решил поехать на Чёрное море — отдохнуть по-барски. Ну и меня пригласил с собой. А я и согласилась. У меня только немножко на душе скверно было за то, что я ему в первый вечер целую кучу наврала про то, как ко мне серьга эта попала.

Знаешь, Олег, сначала я и не собиралась серьёзно в него влюбляться, но сама не заметила, как втюрилась.

Ну вот, в первый вечер я ему душераздирающую историю рассказала, про подругу детства Тину, которая умерла у меня на руках от скарлатины и, умирая, мне Тайну открыла и серьгу отдала. Мне сейчас так стыдно, но тогда, в тот вечер, я совсем не думала ни о чём. Врала себе и врала. Всё шло как по маслу, даже поплакала.

В общем, провели мы с ним две недели на море, недалеко от Ялты квартир-ку сняли. Купались, дурачились и любили друг друга... страстно и нежно... Аж целых две недели... Но в одно прекрасное утро я проснулась и... прозрела. Я поняла, что играю. Что это не моя, чужая роль. Иван уже планы строил, как мы вернёмся в деревню, поженимся. Он после службы в армии зоотехником работать будет, к тому времени как раз старик Пахомыч на пенсию уйдёт. А для меня на хлебозаводе место технолога освободится. Как мы хорошо заживём: детей рожать станем, дом построим в два этажа, корову купим и... коня.

Пойми, Олег, я впервые попала на море. Какая красота в Крыму! Сказка! Я раствориться на горизонте между морем и небом готова. Во мне душа поёт, а он меня в степь тащит к коровам. Какая проза!

Я посмотрела на него трезвыми глазами и сказала, что обо всём мы поговорим после того, как он со службы вернётся, стало быть, через три года. Я не полетела с ним назад, потому что мне надо было ещё в Крыму кое-какие личные

дела уладить. Я рассказала ему про отца, которого собираюсь отыскать, и пообещала вызвать его на переговоры сразу, как прилечу домой.

Расстались мы очень нежно, я обещала ждать его, как верная Пенелопа своего Одиссея. Только бы вернулся цел и невредим.

Всё, Олеженька!

Конец романа.

Да, ещё вот что, дорогой друг мой. Я действительно встретила с отцом. Он очень интересный и странный человек. Мы с ним уже виделись однажды, мне тогда десять было. Он отдыхал в доме отдыха, где мама работала. Это уже после смерти Алоиза. Мама нам тогда не сказала, что он наш отец. Но я об этом давно знала. Я тогда ещё шепнула ему, когда мама куда-то отлучилась, что знаю, кто он, и когда вырасту, обязательно приеду к нему в гости. Сейчас он мне очень обрадовался, про Тамилу всё расспрашивал, взял её ленинградский адрес. Он обещал к концу года приехать в Алма-Ату, чтобы поставить маме памятник на могиле и купить мне кооперативную квартиру. Я тебе, дружище, после обязательно про него расскажу.

Олег, дорогой, я собиралась письмо тебе написать, а получается целая тетрадь, а я ещё до главного не добралась. Ты садись, чтобы не упасть, потому что сейчас пойдёт самое-самое...

На следующее утро после моего возвращения домой я сходила к врачу и сдала анализы. А вчера узнала, что беременна. Вернее, я догадывалась уже, но вчера это подтвердилось. И знаешь, Олег, я даже ничуть не расстроилась. Вечером у меня было свидание с Валеркой Соколовым, бывшим одноклассником. Тот от кого-то узнал, что я вернулась, и тут же примчался. Он заявил мне, что отныне и во веки веков будет моим телохранителем. Соколов ещё аж с третьего класса за мной бегать начал. Он себе жизнь без меня не представляет.

Короче, Валера сделал мне вчера предложение. Я ему честно, как на духу, призналась, что маленечко, ну совсем чуть-чуть, беременна и что отец ребёнка разбил на мотоцикле. При этом я даже всплакнула на его широкой груди. Мне вдруг очень жалко Валерку стало. Теперь-то уж точно, думаю, отвалит от меня насовсем. А ведь была я ему звездой путеводной столько лет. И чего он только в своей жизни не вытворял, чтобы внимания моего добиться, но я всегда над ним только издевалась и мучила его, бедняжку. Соколов в детстве таким маленьким и бледеньким замухрышкой был, но потом вдруг как начал из кожи лезть и тренироваться. И, представь, превратился в настоящего великана. Я против него Дюймовочка — до плеча на шпильках не достаю.

Кириллыч, дорогой мой, я отвлеклась, вернёмся к Соколову, которому я во всём призналась и даже для правдоподобности немножечко порыдала на его широкой груди. Ты даже представить не можешь, как этот балбес среагировал?! Он... обрадовался! Да ещё как! В общем, мы с ним сегодня утром были в загсе, и через месяц наша свадьба. Осенью Соколова в армию должны призвать, но теперь всё отменяется, потому что при беременной жене, у которой нет родителей, положена отсрочка на два года. А за это время (он надеется) мы ещё одного родим, а с двумя детьми от армии вообще освобождают, вот.

Олеженька, милый мой, никто, кроме нас с тобой, про отца ребёнка не знает, и пусть так и останется. За меня не переживай. Я за Валеркой как за каменной стеной. Он — добрый. И если я к нему хорошо относиться стану, всю жизнь меня на руках носить будет. Но я так далеко в будущее не заглядываю. Хорошо что хоть из роддома будет кому меня забрать. Видишь, какая я расчётливая и практичная баба, а ты... говоришь — „детский сад“...

Напоминаю: сегодня мне 18 стукнуло. В загсе тётка аж ахнула, когда в паспорт мой заглянула, но заявление приняла, всё чин-чинарём. Мы с Валеркой ей

понравилась, такой красивой пары она давно не регистрировала. Будь её воля, она нас хоть сегодня бы расписала, но по закону надо месяц ждать.

Олеженька, если сможешь, приезжай на свадьбу. Ну а на крестинах ты уж непременно будешь, потому что я надеюсь, что ты не откажешься крёстным отцом моему сыну стать. А что у меня сын будет, в этом я не сомневаюсь. Я назову его Олегом.

Вот и всё, дорогой мой Человечище. Я тебя крепко обнимаю и люблю ещё пуще прежнего. Ой! Из окна вижу: вон Валерка с огромным букетом роз ко мне мчится. Не иначе как клумбу перед Домом правительства обобрал — такие красивые розы только там растут.

Всё. Бегу встречать.

До свидания! Твоя навечно.

Дива. Алма-Ата, 25–27 июля 66 г.

Письмо 7: Олег — Диве

Степь, 7 августа 66 г.

Сегодня был тяжёлый день. Мы вернулись в лагерь за полночь. Хотел побыстрее отключиться, потому что от усталости еле на ногах держался. Но как только переступил порог своего вагончика и увидел на полу конверт, усталость как рукой сняло. Ты не представляешь, как я обрадовался твоему письму!

Дива! Девочка моя, что ты вытворяешь!

У тебя ещё есть время, подумай хорошенько, чтобы не пожалеть потом. Ведь ты играешь не только своей и Валериной жизнью, но ещё и жизнью ребёнка. Не так всё просто в жизни, как ты себе это рисуешь. Но ты у нас смелая, как я погляжу.

Очень жаль, но на свадьбу я приехать не могу. У нас сейчас самый разгар работы. Приехал ещё один отряд студентов. Повар Ахмет очень часто тебя вспоминает. Такой хорошей помощницы у него никогда ещё не было.

Дивушка, я от всей души желаю вам с Валерием счастья. Но если вдруг что-то будет не так, не забывай, что у тебя есть верный старый друг. Честно говоря, я и не думал, что так смогу к тебе, маленькой нахалке, привязаться. Ты так украсила мой досуг в степи, я этого не забуду.

Мне тебя тут не хватает, ведь мы „в ответе за тех, кого приручили...“.

А ты — мой остроглазый Лисёнок (или Маленький Принц?) — ещё вопрос, кто кого больше приручил...

Как время летит! Вроде только вчера это было: вызывает меня шеф телеграммой на переговоры. Мчусь в ближайшее село на почту. Что там, думаю, стряслось? Вроде всё было решено, никаких проблем не предвиделось. А здесь такое...

— Что случилось, Лазарь Семёнович? — спрашиваю.

— Дело у меня к тебе, Олег Кириллович, сугубо личное. Очень прошу, отнесись со всей ответственностью. К тебе в лагерь едет одна молоденькая дамочка, ей ещё 18-ти нет, учти. Не перебивай. Эта девочка — моя племянница: студентка, спортсменка, красавица... Она круглая сирота, тяжело ей приходится. Ей надо с месячишко у тебя практику пройти. Поставь её помощницей повара. Если дольше остаться пожелает, придумаем что-нибудь. Куда её поселить? Ну и что, что палатки только на мужчин рассчитаны? В вагончике у тебя, поди, место найдётся, обойдётся пока без кабинета. Ну что ты переживаешь, она девка самостоятельная, умная, серьёзная. Ну, в общем, я на тебя надеюсь. Кстати, я нормировщикам уже задание дал ещё одну рабочую единицу для кухни прокаливать. Ну будь здоров. Я тебе доверяю.

Ох, и зол я тогда был! Поздравляю тебя, Олег — сам с собой, возвращаясь в лагерь, разговариваю. — Только нянькой ещё не работал. Выехал за село, гляжу: на обочине парень в жёлтой кепке стоит; машет, подвезти просит.

— Куда тебе? — спрашиваю...

— В студенческий летний лагерь.

Ну дальше ты и сама всё знаешь.

Дива, а Лазарь Семёныч, дядя твой, про свадьбу уже знает?

Уже три часа ночи, извини меня, допишу завтра. Спокойной ночи, Чудо-Юдо Заморское!

8 августа.

Освободился только что. Продолжаю.

Весь день я находился под впечатлением твоего письма.

Дивочка, послушай, это очень важно.

Сегодня ко мне в лагерь приезжал из деревни брат твоего цыгана — Андрей Краузе. Он получил письмо от Ивана, из армии. Тот находится пока в карантине где-то под Алма-Атой, на Семидесятом разъезде. Ещё не решено, куда его после карантина определяют служить. Иван поручил брату разыскать тебя во что бы то ни стало.

Я не дал Андрею твоего адреса, хотел сначала с тобой поговорить. На всякий случай, вот тебе номер части, где сейчас находится твой цыган.

И вот что ещё, моя хорошая девочка. Ты сама себе всё очень усложняешь, не понимая того, что творишь. Я, на правах твоего друга и старшего брата (не ты ли просила меня им стать?) настоятельно советую, нет, я умоляю тебя! Дива, дитя неразумное, напиши Тине письмо и расскажи всё-всё, что ты мне рассказала. Уверен, она поймёт и простит тебя. Тина добрая и хорошая девочка, и вы друг другу нужны. Чего ты боишься? Напиши ей письмо. Лично я в этой несколько странной истории не вижу ничего криминального, за что тебя наказывать. Ты себя уже достаточно сама наказала. Так что, Дивушка, будь умницей, напиши Тине и... встретиться с Иваном.

Ты увидишь, все только от этого выиграют.

Я всё сказал! Ха-О!

Олег К.

Письмо 8: Дива — Олегу

Олег, дорогой мой Человечище, получила твоё письмо. Слушай, мне даже неловко, что причиняю тебе столько забот.

Олеженька, это очень мило с твоей стороны, но ты преувеличиваешь. Я сейчас только вертелась перед зеркалом — свадебное платье примеряла. Бабушки покойной знакомая швея платье шила. Ох и красивая я на свадьбе буду! Жаль, ты не увидишь.

А Валера, жених мой, так просто обалдел от счастья.

Его родители хотели, чтобы мы у них поселились, — помощь свою в обустройстве „гнёздышка“ семейного предлагают (другими словами, — кровь молодой снохе портить). Но мы отказались. У меня же есть однокомнатная бабушкина квартира. Много ли нам пока надо? А Валерка и рад из-под мамашинного ига вырваться, да с огромной радостью — под мой каблучок (шутка!).

Олег, как хорошо, что я тебя встретила и могу вот так откровенно с тобой обо всём говорить.

Меня просто умиляет, как трогательно ты о моём будущем заботишься. Другие только жалеют меня, бедную сироту, чем сильно меня раздражают, а ты за меня переживаешь... И я тебе так за это благодарна!

Дорогой Олег! В прошлом письме я вывернула себя наизнанку, чтобы показать тебе, какая я сволочь, но ты совсем не изменил своего отношения ко мне. Почему? Удивительный ты человек.

Кириллыч, дорогой, зря ты меня такой легкомысленной считаешь. Я ведь не сразу, с бухты-барухты, согласилась за Валерку замуж выйти. Если хочешь знать, я ещё аж до следующего утра думала. В памяти всех знакомых мужчин перебрала. И знаешь, не так уж много приятных и интересных мне мужчин там оказалось. Кроме моего отца Алоиза, тебя, Соколова да ещё одного парня из детства, Вити Федина, никого больше не обнаружила. Ах, чуть не забыла, ещё два очень важных для меня мужика. Это два сказочных героя: Иван (Царевич или дурачок?) и Руслан (родитель мой, то есть производитель). В память мою они прописались недавно и в конкурсе не участвуют. Они оба играют в моей жизни очень важные роли, но роль жениха досталась моему верному поклоннику Соколову. И у моего сына тоже будет фамилия Соколов. Понимаешь, не Беккер, не Краузе, а Соколов. Мой сын никогда не будет немцем! Так что: „Кто может сравниться с Валеркой моим?“ — я эту арию сегодня с утра распеваю. Это значит, что я счастлива.

А теперь, Олег, шутки прочь!

Я хочу с тобой совсем на другую тему поговорить. Мне необходимо рассказать тебе о моей встрече в Крыму с Русланом. В общем, мне повезло, у него как раз отпуск был. Встретились мы с ним в городе, долго гуляли, в ресторане посидели. Он очень высокий и довольно симпатичный. Вначале у нас разговор несколько напряжённым был. Он попросил меня рассказать, чем я занимаюсь и какие планы у меня на будущее. Ему не совсем, видать, понравилось, что я в техникуме учусь. Он так и спросил, почему я не поступила в университет? А я в ответ спросила его, почему он не женился на маме?

Представляешь, он даже не понял, какая связь между этими вопросами. Пришлось объяснить: „Если бы ты на маме женился, тогда бы в паспорте у меня в графе „национальность“ не „немка“ стояло, а „татарка“. Это же так просто. Между прочим, ректор университета — друг нашего Лазаря Семёновича. Он ничего не мог сделать. Лазарь сыночка своего Авенира с таким трудом в университет пристроил, что на меня у него уже ни сил, ни денег не осталось. С Авениром проще — у них мама по паспорту русская“.

Руслан заметил, что он не татарин, а караим. Потом добавил, что в жизни всё совсем не так просто, как нам кажется. (Тоже мне — Америку открыл! Я это ещё с малолетства знаю).

Он просил меня называть его по имени-отчеству. Как будто я сама до этого не догадалась бы. Неужели он рассчитывал, что я брошусь ему на шею и стану папочкой называть? Чужого дядьку? Отцом моим был и навсегда останется в памяти добрый старый Алоиз.

Как я и думала, у него семья есть. Всё как положено: жена Людмила (ничего другого я и не ожидала), сын Арслан и дочь Сара. Дом у моря, дуб у дома... Когда мы подошли к особняку, у меня было такое впечатление, будто я тут уже была.

— А где кот учёный? — спрашиваю.

Руслан улыбается: „Мама твоя нашу усадьбу тоже Лукоморьем называла. А вот и Людмила!“.

Хозяйка появилась.

— Милочка, у нас гостя из Алма-Аты, внучка Семёна Сергеевича Зорина, бывшего хозяина этого дома, — знакомьтесь...

Милочке лет тридцать, не больше. Двойняшкам по семь недавно исполнилось. Надо отдать должное, приятных детишек папаша производит...

В первый вечер, после ужина, мы долго гуляли с отцом. Он мне показывал любимые места, где они с Кириой встречались. Я спросила, любил ли он маму и за что?

Я заметила, как у него глаза повлажнели, он как-то поник, долго раскурил сигарету... С какой-то неподдельной, очень искренней нежностью он поведал мне о своей первой любви, с которой расстался незадолго до начала войны, когда им по семнадцать было. А встретились они вновь в сорок седьмом. Он тогда служил на Севере — охранял заключённых, которые из Германии вернулись. Вот тут в одной из „немецких шпионок“, Эльвире Беккер, он и узнал подружку свою. Кира была очень больна и не выдержала бы долго этой каторги. Когда она ему рассказала свою историю, Руслан обратился к начальнику за помощью. Генерал Иван Ерофеевич Плишкин очень уважал Руслана и поэтому помог добиться перевода Киры из лагеря на вольное поселение. Её отправили в Казахстан, а Руслана генерал через год забрал с собой на Кавказ и потом направил учиться в военную академию.

Да, он любил её. Они выросли вместе. Руслан учился в какой-то специальной школе для сирот в Москве, куда его Семён Сергеевич устроил, и жил у Зориных. А на лето вся семья уезжала в Крым. Жили они в этом самом особняке у моря, где и сейчас проживает семья Танатаровых. Руслан был совсем маленьким, когда погибли его родители. Его воспитывали бабушка и дедушка. Русланов дед и бабушка Киры были друзьями детства. Так что не удивительно, что Семён и Ираида Зорины, у которых своих было двое, приютили ещё и Руслана Танатарова. (Кстати, слово „Танатар“ в переводе с караимского означает „заря“).

В пятнадцатилетнем возрасте Руслан и Кира полюбили друг друга... Кира Зорина была созданием неземным. Она чудесно играла на рояле и флейте, замечательно пела и прекрасно рисовала акварелью.

Для меня не было новостью, что мама играла на рояле и рисовала, но... я долго не могла этого осознать умом. Сколько я маму помню, она никогда ничего не делала руками. У нас в доме всю домашнюю работу выполняли Алоиз или бабушка. Алоиз как-то очень умело втянул и меня в это дело. Помню, что в детстве я очень любила гладить и наводить в доме порядок. Алоиз говорил мне: „А давай-ка, доченька, устроим в доме праздник, пока мама на работе, вот радости-то будет, когда она появится“. И мы устраивали праздники и радовались. Потом, когда у меня был первый переходный возраст, меня стало злить, что мама ничем в доме не занимается. Отец тогда долго лежал в больнице, и вся домашняя работа ложилась на меня. У мамы были некрасивые руки с кривыми пальцами... Я не любила этих рук и вздрагивала, когда они ко мне прикасались. А у отца были очень добрые и красивые руки. Я много тогда ещё не знала, а мама мне вообще никогда ничего не рассказывала.

Я уже говорила тебе, что мне оставался только один путь, чтобы добраться до какой-либо информации — это подслушивать. Однажды... я подслушала такое!

В тот день хоронили Алоиза... Был вечер, мы все вспоминали нашего доброго и умного папу. Это он (не мама) укладывал нас спать. Он рассказывал перед сном русские сказки и немецкие „мэрхен“. Сказки Алоиз рассказывал по-русски, а „мэрхен“ — по-немецки. И каждый раз спрашивал нас, что же сегодня барышни желают услышать: „мэрхен“ или сказку? До семи лет я просила всегда рассказать „мэрхен“, но потом, когда пошла учиться, стала чаще сказки заказывать.

В тот вечер, после похорон Алоиза, я вновь подслушала разговор мамы и бабушки Ираиды.

— Кира, доченька, смотреть больно, как ты душу себе надрываешь. Он отлучился. Он так страдал, сердешный, пусть земля ему пухом будет.

— Мама, а почему он страдал, как ты думаешь? Ведь он не был старым, ему ведь только пятьдесят два года исполнилось. Ты же знаешь, что тогда, в начале войны, он мне жизнь спас. Он для меня тогда был всем: и отцом, и матерью, и

другом. Так нежно заботился обо мне, хоть сам ещё в большей мере нуждался в поддержке. Знаешь, мама, мне порой даже страшно становится от мыслей, что приходят мне в голову. Я всё чаще думаю, правильно ли мы сделали, что вернулись в сорок шестом на родину? Не лучше ли было нам там остаться?..

— Что ты такое, доченька, говоришь? Не заболела ли? Как у тебя только язык повернулся такое сказать?

— Мама, мама, а что ты вообще знаешь о нашей жизни там? Знаешь, чем мы там занимались? Нас забрала к себе одна семья на юге Германии, у них не дом, целый дворец, по нашим меркам, был. Они узнали, что мы немцы и учителя, и взяли нас в дом прислуживать. Алоиз выполнял всякую работу, ни от чего не отказывался. Я же занималась с детьми хозяйскими музыкой и рисованием. У них четверо детей было: три мальчика и девочка в возрасте от 6-ти до 12 лет. Нам выделили две комнаты. Одевали и кормили нас очень хорошо. Мы за всё время, что у них пробыли, со старыми хозяевами очень подружились, дети тоже нас любили... А наши мучения и страдания начались тут, дома, на родине.

С каким нетерпением и трепетом в сердце мы подъезжали на поезде к Москве. Мы Дома! Но на вокзале нас уже встречали. Нас увезли в тюрьму. Там сразу же, не откладывая, нас принялись допрашивать и пытать. Это был настоящий ад, мама. Мы честно отвечали на вопросы, рассказали всё с самого начала, что и как с нами произошло. Но они нам не верили, стали выпытывать, на кого мы там работали, как продавали родину? Ты бы видела лицо этой сволочи следователя, который на моих глазах так жестоко избивал Алоиза. Сперва в лицо, потом — сапожищем в пах. Алоиз корчился от боли на полу и только просил увести меня. А меня умолял не смотреть, но я от ужаса не могла даже глаза отвести. А этот изверг так старался, что чуть сам от усталости не свалился. Еле на ногах держась, он приблизился ко мне: „А теперь твоя очередь, рассказывай, сука фашистская!“.

Я плюнула ему в лицо. Такой наглости следователь не ожидал. Он вдруг обмяк, развалился в кресле; вызвал помощника и велел убрать Алоиза и закурил вонючую сигару. На столе у него, кроме мраморной пепельницы и бронзовых статуэток Ленина и Сталина, ничего не было. Когда мы одни остались, он вдруг ласково спросил, верно ли, что я музыкантша? Попросил показать руки. Этот изверг долго разглядывал мои руки, восхищался тонкими пальчиками. Мне было омерзительно, и я попыталась освободить руки. Он силой придавил одной рукой мои руки к столу, другой ухватил бронзовую статуэтку вождя и стал ею колотить по пальцам. Я потеряла сознание.

Потом нас отправили в Сибирь на лесоповал. Алоиза вскоре куда-то в другую тюрьму перевели, где военнопленных немцев держали. У них там переводчик умер от тифа. Меня оставили на лесоповале. Я там с перебитыми пальцами не прожила бы долго, не пошли мне Бог Руслана. Его очень генерал Плишкин уважал, у которого он служил. Меня поместили в госпиталь. Руслан каждый день навещал меня. Иван Ерофеевич Плишкин был добрым: он оставил меня работать при госпитале медсестрой и через пару месяцев добился моего перевода на вольное поселение в Боровое. Тяжело было с Русланом расставаться. Я была тогда Дивой беременна. Руслан сказал, что генерал обещал помочь в нашем с Алоизом деле. Перед моим отъездом Иван Ерофеевич пригласил меня к себе в кабинет и долго расспрашивал. Я ему всё рассказала. Тот записал фамилию следователя, допрашивавшего нас в Москве, и твёрдо пообещал разобраться. Но потребовал от меня выполнить тоже кое-что, так сказать, „за услугу“. Этим кое-чем было условие оставить, забыть, вычеркнуть из моей жизни Руслана. Он долго объяснял мне, как он дорожит Русланом, с которым он два года на фронте провёл и жизнью ему обязан. Генерал просил меня, во имя любви к Руслану, не

мешать его карьере. Ни на немке, ни на еврейке Руслану нельзя жениться, ибо его готовят для очень важной и ответственной работы. Он направляется на учёбу, куда берут только с безупречной анкетой. Так что он очень надеется на моё благоразумие. Ведь в противном случае... Я не стала слушать, что будет в противном случае, а сразу же пообещала „благодетелю“ быть разумной и не портить карьеру и жизнь Танатарову Руслану. И ещё генерал Плишкин попросил меня, словно о родной дочери заботясь, никогда никому не рассказывать о Германии того, что я ему рассказала. Я пообещала.

Мама и бабушка, обнявшись, плакали, когда я прошла мимо них в туалет. Они не поняли, что я подслушивала. Начиная с этого дня я стала к маме лучше относиться, у меня впервые возникло чувство жалости к ней. И вместе с этим, чувство ненависти к извергам. Я ненавижу с тех пор бронзовых вождей и генералов, и...

Олег, наверное, за такие мысли меня тоже когда-нибудь в тюрьму посадят. Из комсомола меня ещё на первом курсе вытурили за то, что я нарисовала мелом на доске морду лица одной очень симпатичной свиньи и подписала „Поздравляем с семидесятилетием!“.

Преподавательница истории и обществоведения, войдя в аудиторию, чуть инфаркт не получила. Она мгновенно узнала Никиту Сергеевича, чей юбилей вся страна в эти дни отмечала. Что было тогда! Хорошо, дело вскоре закрыли, потому что Хрущёва на пенсию „ушли“. Со временем меня весьма активно порывались восстановить в комсомоле, но я ни на какие уговоры не польстилась.

Ну ладно, закроем пока эту опасную тему и вернёмся в Ялту. К встрече с отцом Русланом.

Я ещё раз спросила его, почему же он всё-таки не женился на маме? Он вздохнул, посмотрел мне прямо в глаза и сказал: „Она категорически отказала. Я много лет разыскивал её. Находил и снова терял. Я писал письма, она не отвечала. Тогда я обратился к Лазарю и Ираиде Ильиничне и через них пробовал уговорить её, но всё было напрасно. Потом я женился... Людмила — дочь моего бывшего шефа. Она в меня влюбилась ещё в 46-м, когда я в первый раз у них дома с её отцом появился, ей тогда десять было. Я для неё храбрым витязем Русланом был. Она тоже Пушкиным, как и Кира в детстве, бредила... После женитьбы я почти всё время в зарубежных командировках проводил, потому вас не навещал. О смерти Киры я узнал через год. Я тогда только что из Китая вернулся. Соседка вручила мне прошлогоднюю телеграмму от Лазаря...“.

„А, знаешь ли ты, Руслан Танатарович, на чём мир держится? В чём смысл жизни? Скажи мне, для чего ты живёшь? Нет, ничего не говори. Хочешь знать, что такое Истина?“ — спросила я. Он кивнул.

Дорогой Олег, мы сидели с ним в беседке, в той самой, где он впервые двадцать пять лет назад целовался с мамой, и я рассказала ему всё, о чём тебе написала выше. Он плакал. Когда я ему про благодетеля-генерала, тестя его, рассказала, он заскрежетал зубами и только простонал: „Ссособака, Ерофеич!“.

... Благодетель Ерофеич недавно умер. А про следователя того сказал, что его один из допрашиваемых опередил: схватил со стола бронзового Ленина — и по голове! Подсудимого того судили за убийство следователя. Ему повезло: за убийство давали срок меньше, чем за измену Родине. Он отсидел пять лет и после смерти Сталина был амнистирован.

Я провела у Танатаровых всего три дня. Встречать рассвет мы с отцом выезжали на катере в море. Он показал мне Крым во всей его красе. Руслан много рассказывал об истории Крыма, водил меня по знаменитым местам и музеям. Ещё, оказывается, он очень любит поэзию. Он мне маленький томик стихов

поэта Максимилиана Волошина подарил. (При случае дам почитать, в библиотеках его почему-то нет). Мы за эти три дня так много успели посмотреть. Честно говоря, мне даже жалко было тех двух недель, что мы с Иваном на пляже провалялись. Я с удовольствием бы ещё погостила в доме Руслана у самого синего моря, но его срочно вызвали в Москву. Я тоже решила возвратиться домой и поехала вместе с ним на его служебной машине в Симферополь.

Провожая меня в аэропорту, Руслан очень серьёзно просил меня научиться держать язык за зубами. И он не за себя, а за меня переживал. Он держал меня за руки и полусёпотом торопливо говорил: „Спасибо, доченька, за то, что ты есть у меня. Ещё не поздно что-то изменить. Появлением своим ты облегчила душу мне. Помогла прозреть. За эти три дня жизнь моя обрела другой смысл. Теперь я знаю, для чего стоит жить. Прости меня за прошлое. Я думаю, что скоро в нашем будущем наступят перемены. Если услышишь обо мне что-нибудь худое, не верь. Я — караим. Караимы всегда были людьми порядочными и надёжными. Прощай, ласточка моя!“.

Я чувствовала, что он чего-то недоговаривает...

— Ты можешь со мной откровенно говорить, Руслан Танатарович, я хоть и воспитывалась в пионерской организации имени Павлика Морозова при школе № 88 имени Дзержинского, доносить на отца родного куда *следует* не стану. Будь спокоен. Ведь, как говорил Киплинг: „Мы с тобой одной крови: ты и я“ — караимской, — попыталась я его успокоить. Он обнял меня и долго не отпускал. Потом, заметив чей-то любопытный взгляд, подмигнул мне и громко произнёс: „Прощай, племяшка! Привет Лазарю! Счастливого полёта!“.

„Прощай, дядя Руслан! Приезжай на мою свадьбу! Спасибо за всё!“ — громко, чтобы все слышали, протараторила я и побежала на посадку. Про свадьбу я ляпнула так, наобум. В тот момент я ещё про замужество не думала.

Вот, Олег, и всё, что я тебе рассказать хотела. Пойду разогревать ужин — скоро мой сокол ясный с работы прилетит. Чувствую, во мне кровь караимская заиграла. Ничего раньше про караимов не знала. А тут любопытство заело. И, представь, порылась я у себя в доме, в бабушкином книжном шкафу, и нашла ведь! Караимский народный эпос. На досуге, после свадьбы, почитаю, потом сыну перед сном буду сказки караимские рассказывать.

Пока. Дива. Алма-Ата, 29.8.66.

***

Я аккуратно сложила письма обратно в коробку, прикрыла глаза и... совершенно обессиленная, погрузилась в сон, из которого меня вернул в реальность трезвый голос бортпроводницы, сообщавший пассажирам, что самолёт пошёл на посадку.

Ганновер

Наконец мы у цели. Самолёт идёт на посадку. Я с любопытством наблюдаю в окно за приближающейся незнакомой мне землёй. Позади десять часов полёта. Тень всё ещё впереди бежит... Я наблюдаю в иллюминатор, как распаивается брюхо лайнера и со скрежетом выпускаются шасси. Вижу: наш самолёт и тень его потянулись друг к другу и... слились воедино. Лайнер задрожал всем своим тяжёлым корпусом и засеменил по бетонной дорожке к стоянке.

Мы приземлились. 350 человек дружно вздохнули — к пассажирам вернулись их тени и души.

И опять... объятья, слёзы, чемоданы... чемоданы...

Я рассеянно осматриваюсь.

Здравствуй, Германия!
Здравствуй, моё самое что ни на есть настоящее Будущее! Вот она я, вернулась.

Будем знакомы! Я — ?

Я...?

Кто я такая?

Что я тут делаю?

Где мои вещи?

Где моя сумка с рукописями?

Кто-то тормозит меня — надо куда-то спешить. На площади перед вокзалом ждут автобусы. Мы ещё не дома. Нас повезут дальше, в лагерь... Вещи давно в автобусе. Побежали!

Куда бежать? Какой ещё лагерь? Не хочу ни в какой лагерь! Хочу домой!

Ещё несколько часов нас куда-то везут...

Лагерь оказался шикарным отелем на берегу Балтийского моря. Две недели с нами нянчились, как с малыши детьми. Встречали улыбками, кормили, словно на убой, учили уму-разуму по-немецки, регистрировали в разных кабинетах. Всюду вокруг нас чистота и порядок. Одним словом, Германия. Одно меня несколько огорчало. Кто-то перепутал багаж. Ко мне вместо сумки с рукописями попала такая же точно, чужая... С потерей рукописей очень усложнилось вхождение в новую стадию моего пребывания здесь, на земле. Необходимо было с начала до конца разобраться с прошлым, где всё ещё оставались открытыми очень важные вопросы. Мне нужно было освободиться от груза воспоминаний, чтобы с лёгким сердцем и радостью в душе войти в будущее...

Новая жизнь началась у меня с поиска... рукописей, работы, друзей, родственников, смысла жизни, самое себя — моего „я“. И на каждом шагу меня здесь ожидали сплошные ошарашунги. (Слово „Ошарашунг“ — моё личное изобретение. А что — нельзя? В немецком языке есть слово *Uberraschung*, что переводится как неожиданность, сюрприз, удивление. А ежели этим *Uberraschung*’ом да по башке ошарашить, что получается? Ошарашунг!).

Ошарашунги. Германия — страна ошарашунгов

В отеле нас расселили по две семьи в номер. Мне повезло, со мной в номере оказалась та самая тётя Фрида (Ульянова) из Джамбула, с которой мы в очереди за билетами сдружились. Она была одна, поскольку её супруг добирался в Германию какими-то окольными путями, по гостевой визе и через Чехию, и прибудет сюда только через три дня. Тёте Фриде удалось договориться с администрацией лагеря, чтобы к нам пока никого не подселяли. Она, оказывается, неплохо разговаривала на смешном немецком диалекте (так разговаривали у нас в деревне, там, в Сибири, где я родилась и где моё первое детство осталось).

Тётя Фрида оказалась очень интересной собеседницей. Мы скоро выяснили, что являемся землячками, — она тоже до 56 года жила в Сибири, в Кемеровской области. А посему тётя Фрида настоятельно предложила перейти на „ты“, а то... „нашлась тут мне племянница, у меня ни сестёр, ни братьев нет“, — сказала Фрида и неожиданно... заплакала. Я решила не выяснять, что с ней стряслось, принесла воды и стала ждать, пока она успокоится. Захочет, расскажет сама.

И действительно, Фрида вскоре пришла в себя и начала рассказывать мне о своём детстве. Она, оказывается, родилась на Волге, в немецкой республике. (Мои родители тоже жили там до войны). Родители Фриды были учителями в немецкой школе. Они жили с бабушкой и маленьким братом Эдиком. Фриде

исполнилось 13 лет, когда началась война. Она хорошо помнила довоенную жизнь в Энгельсе. У них был огромный тёплый дом. У родителей было много друзей, они часто собирались у них в доме на вечеринки. Отец был учителем математики и пения. Дома у них стоял старинный рояль. На вечеринках обычно отец играл на рояле, а мама и ещё одна женщина пели очень красивые песни. Среди друзей был даже один самый настоящий поэт. Фрида заслушивалась всегда, когда этот человек с необычной внешностью читал свои стихи. Он был всегда в центре внимания, и его все обожали. Фрида тоже иногда по просьбе гостей исполняла на фортепьяно своего любимого Шопена. Отец говорил, что у неё талант. (Ничего себе, я-то думала, что она простая бабка-колхозница.) Да... но недолго длилось счастливое детство Фриды. Началась война. В конце августа был издан указ о депортации немцев в Сибирь. В середине сентября семью Фриды вместе с другими отправили в телячьих вагонах на Север. Отца с ними не было, его призвали служить переводчиком.

Фрида рассказывала, а я видела перед глазами всю картину, словно в кино. Я слышала уже не однажды рассказы о том, как отправляли немцев в телячьих вагонах. Мои родители тоже вспоминали об этом не раз. Рассказ Фриды ошарашил меня.

В вагоне было много народу, все сидели или лежали на полу. Вещей не разрешили много брать с собой. Еды тоже не хватало. В вагоне ночью было очень холодно, а днём душно и противно воняло. На каком-то разъезде не было воды питьевой и кто-то из охраны притащил ведро воды из речки, что рядом со стоянкой протекала. Наверное, вода была нехорошей. В вагоне у многих людей поднялась температура, начались рвота и понос. На вторые сутки почти все лежали и бредили. Не смолкали ни на минуту стоны и детский плач. Люди стали умирать. Из вагона никого не выпускали, чтобы не заразить других. На одной большой станции в вагон вошёл мужчина в белом халате и маске. Он сказал, что началась эпидемия тифа. Потом поезд долго стоял, куда-то вдоль вагонов мимо пробегали солдаты из охраны. Из вагона за ноги выволакивали мертвецов... Бабушка молилась не переставая, а маленький Эдик на руках у матери жалобно просил пить. Фрида была ещё ходячей, она протиснулась к двери, переступая через тела людей, чтобы попросить у солдата воды для брата. Но тут подбежал к охраннику другой и прошептал, что отправляемся, а на следующем разъезде вагон этот отцепят от поезда. Врач сказал, что уже поздно что-то делать, некого и нечем спасать.

Охранник показал на Фриду: „А что с этой делать?“.

— Давай её сюда! Пойдём, девочка, со мной, я тебе лекарства дам, — сказал солдат и, сняв Фриду с поезда, спросил: сама идти сможешь? — Девочка кивнула. — Тогда быстренько за мной!

Они добежали до первого вагона, солдат посадил девочку, поднялся сам и стал закрывать тяжёлые двери. Фрида испугалась, хотела вырваться, но охранник сказал негромко: „Не бойся, девочка, тебя не обидят, а на следующей станции мы твоих найдём. — Он провёл плачущую Фриду в глубь вагона и остановился около женщины с подростком. — Генриетта Артуровна, присмотрите, пожалуйста, за девочкой, вот для неё лекарство, пусть обязательно выпьет этот порошок, а я ещё принесу. Она из последнего вагона, того самого“, — он протянул пакетик женщине, спросил у Фриды, как её зовут, и, дружески потрепав по плечу, быстро удалился в направлении выхода. Растерянно озираясь, Фрида вытерла рукавом слёзы и присела рядом с Генриеттой Артуровной на солому. Женщина достала фляжку с водой и заставила выпить порошок, потом одной рукой обняла Фриду, другой — сына. Мальчик был такого же возраста, как и Фрида, очень бледный и худой, звали его Антон.

На этом месте Фрида прервала свой рассказ, сказала, что за один раз слишком тяжело, ведь начинаешь всё переживать заново. Пообещала, что завтра продолжит, а сейчас надо поспать. Было уже далеко за полночь, а в Казахстане вообще уже утро наступило... После перелёта нам действительно следовало отдохнуть. Я закрыла глаза и... в трясущемся на рельсах поезде покатила в Сон...

Первые дни в Германии были очень напряжёнными, не дав нам очухаться, нас старались срочно приучить к строгому распорядку лагеря. Каждый получил программу действий, напечатанную на 3-х листах и, конечно же, не по-русски, и мы помчались выполнять. В регистратуре нам выдали по солидному пакету с формулярами, которые следовало незамедлительно заполнить, ибо от этого всё наше будущее зависело. В лагере было очень много народу. Перед обедом у входа в ресторан выстраивалась огромная очередь, но, как ни странно, всех очень быстро обслуживали и вкусно кормили. И, разумеется, бесплатно. Стоя в очереди, всегда можно было услышать какую-нибудь душераздирающую историю из уст пожилых людей про судьбу российских немцев. Слушая их, мне осталось только глубоко сожалеть о том, что я не успела записать воспоминания моих родителей, переживших весь этот кошмар. Только во времена Перестройки они отважились рассказать нам обо всём, что они пережили. А у меня, как правило, никогда не было свободного времени дослушать или записать подробности. А теперь уже поздно. Год назад они выехали в Германию, и сейчас уже оба покинули нас...

Как только мы с Фридой вновь встретились у себя в номере, я стала уговаривать её продолжить рассказ, но Фрида была не расположена к этому, у неё были другие проблемы. Она только что дозвонилась до внучки, и та сообщила, что Фридин муж уже завтра прибудет в Германию. Фриде надо было посему успеть получить на него документы и продовольственную карточку, чтобы на выходные не остаться без еды, ведь денег ни у кого из нас не было, разве что оставленные *на память* советские *бумажки*. Фрида вся сияла от радости, что с мужем всё наладилось. Я спросила Фриду, как долго они женаты и неужели можно всё ещё так радоваться собственному мужу, на что она, загадочно улыбнувшись, сказала: „Ещё как можно, ведь он моя первая любовь. И, кстати, это тот самый солдат-охранник, который тогда, в том проклятом поезде, спас мне жизнь. Но женаты мы только четыре года. Он мой второй муж. А первым мужем и отцом моих сыновей был мальчик Антон, тот самый, сын Генриетты Артуровны. Антона и сыновей моих уже давно нет в живых, вот только Алина — дочь сына Андрея, у меня и осталась. И если бы не появился в моей жизни Ульянов, не знаю, как бы я всё это пережила, но это такая длинная история, и я тебе обязательно её расскажу, только, извини, не сегодня. Не хочу сейчас о грустном, понимаешь?“ — Фрида смотрела на меня такими ясными, удивительными глазами, и мне показалось, что не бабка она, а молодая, красивая женщина. Ну подумаешь, 66 лет. Это я в свои сорок с хвостиком уже старуха.

Жизнь в лагере переселенцев мчалась по накатанной колее. Мы успевали только автоматически проглатывать поставляемую нам информацию, но усвоить такие огромные её порции практически было невозможным. После двух дней марафона по кабинетам мы были до отвращения перекормлены новыми знаниями, и поэтому, когда в пятницу после обеда нам объявили до понедельника Фойерабэнд (выходные, то бишь), впервые с момента приезда в эту замечательную страну, мы были по-настоящему счастливы. Ко многим приехали на машинах родственники и забрали их на выходные к себе. Меня никто не забрал, потому что вся моя родня живёт где-то совсем в другом конце Германии, в другой Земле, я где-то записала мудрёное название этой Земли, чтобы внести в анкету, но наизусть не выучила. К вечеру в пятницу все разбрелись по номерам, даже у

телефонов-автоматов никого не было. Мы с Фридой очень рано расположились ко сну, дабы завтра выглядеть хорошо, а то за эти два дня чувствовали себя загнанными лошадаками. Однако заснуть оказалось не просто, потому что отовсюду стали раздаваться пьяные голоса и русские застольные песни, такие родные и такие близкие. Фриде тоже не спалось. Мне хотелось поговорить соседку, но, чтобы она не отмахнулась от меня сразу, я начала издалека. Я сказала ей, что у меня есть электрические бигуди, и я охотно утром сделаю ей причёску. И накраситься помогу. И вообще, у меня такое ощущение, что мы уже сто лет знакомы, но я просто не могу вспомнить, где и когда мы встречались. Может, вообще в прошлой жизни она была моей мамой... Фрида повернула ко мне счастливое от собственных мыслей лицо и сказала: «Ладно, Бог с тобой, всё равно не отвяжешься, слушай». И стала рассказывать продолжение своей печальной повести.

После того как девочка приняла лекарство, она успокоилась в объятиях Генриетты Артуровны и уснула. Проснувшись, спросила женщину, что с её родными, когда она сможет их посетить. Та сообщила ей траурное известие: бабушка и маленький Эдик умерли, а маму в Семипалатинске увезли в госпиталь, и когда ей станет лучше, её отправят следом за дочерью. А Фрида пока будет жить с ними. Молодого охранника звали Драгомир Ульянов, но Генриетта Артуровна называла его просто Ульян. Он занимался у Генриетты Артуровны в Доме народного творчества: танцевал и пел цыганские романсы. Ему в мае исполнилось 18 лет. С первых дней войны его призвали в армию и сразу направили сопровождать депортированных в Сибирь немцев. Ульян жил на окраине Энгельса в цыганском переулке, дружил с немецкими ребятами и посещал немецкую школу, и поэтому хорошо говорил по-немецки. Генриетте Артуровне просто повезло, что он их с Антоном заметил и взял к себе в вагон. До самого Кемерово он сопровождал их, приносил им кипяток на станциях и делился с ними пайком. Фрида так больше никогда не увидела своей мамы, она стала жить в семье Генриетты Артуровны. У них была очень тяжёлая жизнь. До самого окончания войны все трое работали на лесоповале. После победы Антона послали учиться в район на кузнеца, а Фрида стала работать на молочно-товарной ферме. Генриетте Артуровне разрешили работать в школе, до которой надо было добираться 5 км. Идти приходилось по бездорожью пешком. Антон вернулся, стал работать кузнецом. В сорок седьмом Фрида с Антоном поженились. Колхоз помог им выстроить на хуторе, где располагалась кузница, настоящий деревянный дом. Через год Фрида родила двойняшек... Они прожили на том месте до снятия комендатуры с немцев. И в апреле 56 года уехали в Казахстан.

На этом Фрида поставила точку. „Теперь спать, и никаких вопросов, *ист дас кляр?*“ — тоном, не терпящим возражений, произнесла она, отвернувшись к окну и, словно малый ребёнок, засопела. А я не могла уснуть. Что-то в её рассказе было мне до безумия знакомым. Но что?

В субботу утром, как и обещала, я помогла Фриде с причёской, но она долго сопротивлялась, пытаясь, как обычно, закрутить косу дулькой на голове, но мне на помощь пришла соседка из номера напротив, Галя, которая оказалась профессиональным парикмахером. В общем, Фрида сдалась нам на милость, и была вскоре сама приятно удивлена, созерцая себя в зеркале. „Ну, девки, вы даёте! Меня же Ульян мой не узнает, — удовлетворённо ворчала Фрида, — бросит ещё, скажет, подавайте мою старуху!“ У всех было хорошее настроение. Вдруг дверь нашего номера растворилась, и с громким возгласом „*Ueberraschung!*“ влетел малыш лет пяти-шести. У него были длинные до плеч чёрные локоны, глаза горели, он остановился, посмотрел на нас по очереди и спросил очень серьёзно: „И где тут моя Ома-Фрида?“

— Ой! Цыганёнок Алёшка! — невольно вырвалось у меня.

— Никакой я не цыганёнок Алёшка, мам, скажи ей!

На пороге показались очень красивая молодая женщина и высокий парень с рыжими, до плеч (как и у малого), локонами и в тёмных очках. А за ними прятался седоусый и седовласый, широкоплечий пожилой человек. Но тут всё завертелось, закружилось! Они узнали-таки свою Ому-Фриду, кинулись обнимать её, целовать. Мы с Галей вышли потихоньку, чтобы не мешать родственникам насладиться встречей. Перед обедом мне понадобилось зайти в номер — взять продовольственную карточку. Фрида познакомила нас. Теперь я смогла получше разглядеть гостей. Внучка Фриды, Алина, была блондинкой с голубыми, как у бабушки, очень добрыми глазами. Я не могла долго оторвать от неё глаз: в поле моего зрения попали её серёжки. Не может быть! У меня по спине пронёсся лёгкий хлодок. Треугольник с бирюзовым глазком в середине, знак бесконечности у основания треугольника, змейка... Девушка смутилась и спросила: „У меня что-нибудь на лице?“ — и полезла в сумочку за зеркалом. — „Нет, нет, — пробормотала я, — просто это ваши серьги, можно я посмотрю на них?“. Алина сняла серьги и протянула мне. — „Смотрите, пожалуйста, это необычные серёжки, они у нас имеют особое значение, они принесли нам счастье“. — Алина многозначительно посмотрела на мужа, ища у него подтверждение сказанному. Тот утвердительно кивнул. Я с таким жадным любопытством разглядывала серёжки, что Фрида с Ульяном тоже примкнули к разговору. „Это правда, — промолвила Фрида, — нам с дедом они тоже принесли счастье, не правда ли, дед?“. — „Совершенно справедливо, у этих серёжек очень интересная, но довольно странная история...“ — Ульян замолчал и начал старательно крутить ус. Я выглядела, должно быть, очень странно, потому что все вдруг замолчали и выжидающе смотрели на меня.

„А как они попали к вам?“ — спросила я девушку, но Фрида, не дав внучке раскрыть рта, сказала: „Одна из них хранилась у моего сына, Ивана. Он с ней никогда не расставался. Ваня не вернулся домой из армии, он погиб в 1968 году. Нам прислали только его комсомольский билет и эту серьгу...“ — Фрида закусила губу, Ульян молча встал и бережно обнял жену за плечи. „А другая, — сказал муж Алины, — досталась мне на память от моей матери. Она разбилась в 80 году в Алма-Ате на самолёте... А когда я впервые встретил Алину, я сразу понял, что она моя суженая. У неё висела на цепочке серёжка. А у меня оказалась другая. Это судьба“.

— Ты — Олег? Сын Дивы Беккер? А ты — тётя Фрида Краузе с хутора Солонный? А вы — Ульян, Алёшки-цыгана отец, и Венера — Царевна-Лебедь была вашей женой? — Я ошарашенно разглядывала всех, а они с нескрываемым любопытством смотрели на меня. — Вот это история! Дорогие мои земляки! Серёжки эти... эти самые серёжки, они принадлежали мне. Мне подарила их перед смертью Венера, мама моего друга Алёшки-цыгана...

Фрида с Ульяном наперебой стали меня тормозить и задавать вопросы. Я рассказала им, кто я, про нашу с Алёшкой тайну, про то, что сказала мне, умирая, Венера: „Бог дал тебе, девочка, светлую душу и доброе, умное сердце. Постарайся сохранить этот подарок, не испачкать душу, несмотря ни на что. Жизнь твоя лёгкой не будет. Много трудных дорог на пути твоём, но огонёчек ясный в сердце твоём горит, и он поможет тебе в трудную минуту — дорогу к Свету, что людям любовь и радость даёт, покажет. И как бы плохо тебе в жизни ни было, никогда не держи зла на людей. Ищи Истину, но не забывай, что путь к ней через сердце твоё лежит. Прислушивайся к нему, и оно подскажет тебе правильную дорогу. И ещё, возьми эти серёжки и сохрани их в тайне до того времени, когда тебе исполнится тринадцать лет, затем носи их на счастье. Это не простые серьги, на них знак стоит, по которому тебя узнает нужный человек. Он появится в

твоей жизни и сделает тебя счастливой. Эти серьги я получила от матери, она — от своей, мне же Бог не дал дочери, и поэтому я отдаю их тебе. Ты дружишь с Алёшенькой, не оставляй его, когда я уйду“.

Все слушали меня, не перебивая. Я рассказала про свою лучшую подружку Диву. Не стала вдаваться в подробности, как серьга попала к Диве, сказала, что отдала ей на хранение. И... поведала присутствующим, что только три дня назад, в полёте, совершенно случайно, из писем двух друзей, которые я получила перед отъездом в Германию, сама узнала ещё одну очень важную тайну этой семьи. Рассказала, что в 1966 году Дива была на практике где-то в Джамбульской области, и на танцах в сельском клубе познакомилась с Иваном Краузе. Поводом для знакомства послужила эта самая серьга.

У Дивы с Иваном был роман, очень бурный, но не продолжительный. Ивана призвали в армию, а Диве было страшно оставаться беременной без мужа, и она вышла замуж за Валеру Соколова, который её страшно любил аж с самого детства. Соколов знал, что Олег не его сын, но любил его и считал себя отцом...

В нашем помещении стало вдруг очень тихо. Все переваривали услышанное. Прервал паузу Олег. Он вспомнил, что вскоре после того как ему сказали о случившемся с матерью, ему в Москву пришла бандероль от мамы. Там были кой-какие вещи и серьга. В письме Дива написала ему на тот случай, если с ней что-нибудь случится (будто предчувствовала), что Соколов не его родной отец, и что при помощи этой серьги сын когда-нибудь узнает, кто его отец, и что серьга эта принесёт счастье...

«Выходит, я правильно сделал, что перед отъездом в Германию фамилию „Соколов“ на „Краузе“ сменил, — обнимая жену и растерянно улыбаясь, сказал Олег, — но, стало быть, ты, моя дорогая жёнушка, мне двоюродной сестрой приходишься? А вы — моя бабушка», — он посмотрел на Фриду.

Снова воцарилась тишина... На сей раз нарушила её Фрида. Она подробно рассказала, что после того как утонул в проруби её глухонемой сыночек Ванечка, они с Антоном, проплакав всю ночь, наутро решились на такой очень рискованный для них шаг: заявили, что в проруби утонул цыганёнок Алёша, которого, по слухам, на днях должны были отправить в колонию для малолетних преступников. Этим спасли они другому мальчику жизнь. Обстоятельства сложились так, что все поверили в это, потому что все жалели бедного Алёшу, особенно дети. Родители утешали их, утверждая, что он теперь на небе, рядом со своей мамой. „Алёшу“ похоронили рядом с Венерой. Краузовские мальчишки всю зиму проболели воспалением лёгких, потому что, пытаясь спасти Ваню, тоже искупались в проруби. Ну а как только обнародовали указ о снятии комендатуры с российских немцев, семья Краузе сразу же уехала в Казахстан. Фрида рассказала также, что Алёша быстро выучил язык глухонемых и очень старался быть для них настоящим Ваней. Где-то через год в семье Краузе произошло как бы чудо: Ваню „вылечил“ от глухоты один старый уйгур лечебными травами. Ребёнок вскоре заговорил. Слава о народном целителе молниеносно разлетелась по всему Союзу, и поток паломников к нему не прекращался до самой его смерти. Этот эпизод развеселил компанию, все вышли из оцепенения. Ульян обнял внука, губы у него дрожали. Вот такие ошарашунги!

Я протянула Алине серёжки, но она категорически отказалась принять их назад, сказав, что они по праву принадлежат мне, родственники её поддержали. Они свято верили в то, что эти серьги уже сыграли в их жизни свою роль, осветлив их, а мне они ещё могут пригодиться. Я не стала возражать, хотя никакой надобности в них не видела. Ведь своего „принца“ я уже давно встретила и даже успела потерять. И всё ещё верила, что „потерянный“ был *тем самым*, моим суженым. И к тому же я напонила, что Венера говорила про 13 лет... Стало быть, магия серёжек на меня не подействует. Дядя Ульян, услышав это,

ухмыльнулся в усы и пояснил, что „13 лет“ — это условное понятие, оно не возраст означает, а момент взросления, когда человек находит свою душу. Другими словами: когда человек находит Бога. Можно сказать и так: когда человек находит себя, своё „Я“ или Истину. Так что серьги остались у меня.

Этот день не кончался. Молодые люди остались ночевать, поскольку были перевозбуждены и не рискнули в таком состоянии тронуться в путь. В воскресенье молодая семья покинула нас. А мы с Фридой и Ульяновом ещё долго говорили и не могли наговориться. И нам было о чём рассказать друг другу. Ведь от последней нашей встречи с Фридой и Ульяновом прошло уже без малого сорок лет. Целая жизнь. Рядом с ними я чувствовала себя снова маленькой девочкой, и было огромное желание заново начать открывать для себя новый огромный мир, наполненный приключениями и страданиями, победами и поражениями, горькими потерями, яркими вспышками любви и мгновениями счастья. Короче, меня ожидали новые ошарашунги — так сказать, строительный материал, кирпичи для закладки новой книги. А с этой пришла пора расставаться. Осталось только поставить точку.

Рождение книжки

Дописана последняя глава.
 В порядке строгом собраны листы.
 В колоды строф уложены слова...
 В итоге у отведенной черты
 Поставить надо точку и проститься...
 И вот уже попали в переплёт
 Событья, годы, города и лица.
 Осталось только в памяти пройти
 Ещё один, последний, поворот...
 Перо ещё раз просто обмакнуть
 И провести черту под эпилог.
 Ещё раз проследить нелёгкий путь —
 Пройти назад, против течения строк
 К истоку небольшого ручейка,
 В страну ещё невысказанных слов,
 Где робкому дыханию стиха
 Противоречит бодрый звук рожка —
 Настойчивый, тревожный, странный зов
 Вершин, что мною не покорены...
 Из переулков памяти звучит
 Мелодия рассветной тишины.
 Но здесь у нас расходятся пути.
 И отправления час уже пробит:
 В реальный мир от памяти уйти...
 Пора уже, как это ни печально,
 И на прощанье прошлому махнуть.
 Пора. Пора.
 Звучит свисток финальный.
 — Ну, в добрый путь!
 — Не забывай! Пиши!
 Пора уже закрыть обложку — крышку.
 И... Крик души!
 И... С днём рожденья, Книжка!

Виталий ДУНАЕВ

“Я снова задыхаюсь от любви...”

Сентябрь

Ничего не попишешь:
уже не тюльпаны,
а последние астры
и поздние канны
оставляют на жухлой траве лепестки.
А в горах созревают еловые шишки,
и совсем повзрослевшие за год мальчишки
на портфели сменили свои рюкзаки.

Ничего не попишешь.
Но трудно смириться,
Если смотрят на юг перелётные птицы
и для летних эстрад
не готовят афиш,
если больше у речки не ищешь прохлады
и сухой шелестящий огонь листопада
разгорелся на спинах балконов и крыш.

**Виталий
Михайлович
ДУНАЕВ**

– ветеран войны и труда, доктор экономических наук, почётный аудитор Палаты аудиторов Казахстана – многим казахстанцам известен как крупный учёный-идеолог и основатель абсолютно инновационной науки о гармонизации налоговых отношений, концептуальных и методологических основ Налогового Кодекса РК, автор целого ряда монографий.

Родился Виталий Дунаев в городе Харькове. Окончив с золотой медалью среднюю школу, высшее образование получил в Воронежском архитектурно-строительном институте.

Со студенческих лет активно занимался литературным творчеством: писал и продолжает писать стихи, фельетоны, очерки, новеллы.

Без отрыва от производства Виталий Дунаев окончил заочное отделение факультета журналистики КазГУ. До сих пор является старейшим в стране действующим профессиональным журналистом. В настоящее время – президент творческого объединения «Факсинформ», главный редактор трёх республиканских экономических изданий.

В семье Дунаевых 2012 год завершает знаменательное событие – «золотая свадьба» Виталия Михайловича и его главной Музы и верной подруги, которую он ласково называет Жанночка.

Золотые рассветы туманами стыннут,
 все базары пропахли арбузом и дыней.
 Небо, какется, выжжено солнцем до дна.
 И осенние тучи сгущаются где-то...
 Ничего не попишешь:
 окончилось лето.
 Но в земле сохраняются его семена.
г. Алматы, 29 сентября 1983 г.

Я привёз тебе запах дубового леса

Через улицу вашу, одетую в осень,
 я иду не спеша мимо дома, где ты.
 А в полях за околицей зреют колосья
 и снегами вдали голубеют хребты.

Всё почти как у нас: журавлиные крики
 да осеннего неба дождливая муть.
 Только тихо грустят вдоль дороги арыки
 и на солнце блестит тополиная грудь.

Лишь серебряный иней тончайшей чеканки
 на арче по утрам зажигает заря...
 Я не зря не сошёл на других полустанках,
 я себя по пути не растратил не зря...

Для студента не нужно особого места.
 Для студента не надо удобных плацкарт.
 Столько разных дорог уходило из детства,
 что совсем я не знал, как тебя отыскать.

Инженерный диплом и желание дела.
 Все пожитки — в один небольшой чемодан.
 Тихо плакала мать: отпускать не хотела,
 и смотрел сиротливо уютный диван.

Я привёз тебе запах дубового леса,
 нить тропинок, что в сердце моё проросли.
 Подари же мне горы в туманах белёсых,
 подари мне степей бесконечных разливы.

Ну, так что ж, если листья арыки заносят
 и цветы догорают последним огнём?
 Мы с тобой нашу первую общую осень,
 как весеннюю песню, в дорогу возьмём.
г. Воронеж — г. Фрунзе, 10 ноября 1960 г.

Пусть повторится чудо Воскресенья

Когда дорогу закрывает мрак
и кажется: крушение неизбежно,
твои глаза мне светят, как маяк —
неугасимо, страстно и мятежно.

Пока горит он, я не одинок,
А если сил не хватит для спасенья,
на перепутье судеб и дорог
пусть повторится чудо Воскресенья.

Пускай дрейфуют в Завтра облака,
и звёздный ветер пусть штормит и вьюжит,
я знаю: зло не сбудется, пока
хоть кто-нибудь из нас другому нужен.
г. Алматы, 2 августа 1972 г.

Женщине

Я знаю: ты всего первоначало —
высокой Веры и Любви святой.
Недаром соревнуются кристаллы
с твоей неповторимой красотой.

Напрасно к звёздам тянутся вершины:
величия тебе не занимать.
Ты и в грехах своих всегда невинна.
Мадонна наша, Мученица — мать.

Неведомая сила в хрупком теле.
Ведь таинство рожденья скрыто в нём,
стремленье слиться с детской колыбелью,
согреть её души своей огнём.

И если создал Бог когда-то Еву,
то вряд ли из Адамова ребра:
он сотворил из плоти Королеву,
источник вдохновенья и добра.

Не зря ей поклоняются мужчины,
«Ищите женщину», — недаром говорят:
Жизнь без неё — бесплодная пустыня
и только вместе с ней — цветущий сад.

Его-то мы и называем Раем,
а потому так бережно храним.
и ежегодно щедро собираем
плоды Любви, возделанные им.
г. Алматы, 1995 г.

Новогоднее

Ни с неба звёзд, ни королевской власти,
ни прочих привилегий или льгот —
простого человеческого счастья
желаю Вам на каждый новый год.

Чтобы здоровье было безупречным,
чтоб всё на свете радовало Вас.
Любви взаимной Вам и дружбы вечной,
и чтобы денег было в самый раз.

Чтоб были Вы нужны родным и близким,
не тратили себя по пустякам,
чтобы своей от сердца Божьей искрой
не жалко было поделиться Вам.

А главное — найти свою дорогу:
ни к золоту, ни даже к серебру,
чтобы она была дорогой к Богу,
и значит, — только к свету и добру.

г. Астана, 01 января 2001 г.

Брак

Известно: брак — искусство компромиссов,
умение друг другу уступать.
Он, как дуэль актёра и актрисы,
где в утешенье — общая кровать.

Но, если всё-таки на ней им стало тесно,
друг другу больше нечего сказать,
хоть говорят, что брак — союз небесный,
его развал не трудно предсказать.

Что ж, брак был с браком. Значит, слава Богу,
его останки незачем хранить.
А жизнь свою и к ней свою дорогу
ведь никогда не поздно обновить.

Но так, чтоб не споткнуться на мякине,
как лох, чтоб не попасться на блесну
за женские прозрачные бикини,
за лидерства бессрочную возню.

Не обольщайся пением Сирены,
не дай кликушам сбить тебя с пути,
не повторяй надуманные сцены,
а тех, кто обижал тебя, прости.

Не верь осатаневшим лжепророкам,
не следу́й злонамеренным жрецам.
Ищи всегда везде свои истоки —
Путь праведный тогда найдёшь ты сам.

Держи удар. При трудностях не охай.
Для счастья в браке формула проста:
не называй любовью страсть и похоть.
Любовь ведь бескорытна и чиста.

г. Астана, 23 августа 2012 г.

Всё чередом

Как здорово устроена планета:
у нас прощальный клёкот журавля,
и в то же время расцветает где-то
со всей весенней щедростью земля.

Здесь гаснут облетающие листья
и слепнет солнце, вросшее в туман,
а где-то ночь раскрыла бескорыстно
свой необъятный звёздный океан.

Всё чередом: разлука перед встречей,
за тьмою — свет, за стужей — летний зной.
Рождённая в борьбе противоречий
жизнь поражает вечной новизной.

Она для тех, кто понимает ветер,
не дорожа насиженным теплом...
Как здорово устроена планета
во всём многообразии своём!
г. Алматы, 10 сентября 2011 г.

Я перед Господом в долгу

С Тобой мы встретились случайно.
Сначала просто, как друзья.
Тогда ты мне казалась тайной,
которую постичь нельзя.

Непредсказуемым торнадо
или видением в бреду,
от Бога посланной наградой
или от чёрта на беду.

Тебя, как Инопланетянку,
я, охмелев, воспринимал
и, как от гусеницы танка,
в тебе спасение искал...

Отпела юность, отплясалась,
всё отстоялось, улеглось.
И понял я — ты мне досталась,
чтоб всё сложилось, всё срослось.

Чтоб ты была не только Музой,
но также Совестью моей.
И, уж конечно, не обузой,
а доброй Феей всех родней.

Хоть наши годы — неизбежность,
я перед Господом в долгу
за ту к тебе любовь и нежность,
что я так свято берегу.

г. Астана, 08 октября 2010 г.

Я снова задыхаюсь от любви

Хоть кажется: все страсти улеглись,
и, вроде бы, признанья неуместны,
я снова задыхаюсь от любви,
как будто ты по-прежнему невеста.

Как будто ты прекрасна, как тогда,
хоть время нас, конечно, не щадило,
как будто обходила нас беда,
как будто нам всегда комфортно было.

На самом деле всюду и везде
ты, словно ничего не замечая,
не оставляла шансов быть беде,
как счастье, каждый день встречала.

Твой Божий дар — делиться добротой —
тебе присущ, наверное, с рожденья.
И если назовут тебя святой,
не отрицай такое утвержденье.

Да, щедрой красотой твоей души
все годы наши лучшие согреты.
Ты их списать со счёта не спеши,
чтоб продолжалось вечно бабье лето.

Мы были, есть и будем заодно:
ведь друг без друга жизнь не представляем,
любовью нашей всё освящено —
она нас и хранит, и окрыляет.

И нет богатству этому цены:
пока любовь жива — и мы бессмертны.
И тем любые грозы не страшны,
кто любит до конца и беззаветно.

г. Алматы, 1 октября 2011 г.

Лариса МАРКИЯНОВА

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Рассказ

Наступила последняя ночь истекающего года.

Она сидела за скромным праздничным столом. Смотрела на огонёк зелёной свечи. В углу светился экран телевизора. Вот и закончился ещё один год. Пролетел мгновенно, промелькнул, пропорхнул. Остались считанные минуты. Кажется, что чуть ли не вчера тоже была новогодняя ночь, так же горела свеча на праздничном столе. Правда, тогда напротив сидел сын Коля. Когда пробили куранты, открыли шампанское, чокнулись, поздравили друг друга, выпили. Потом сын убежал к друзьям, праздновать наступление Нового года. У неё хороший сын, заботливый. Ему не терпелось уйти к друзьям и раньше, но он не оставил её в одиночестве. Потому что у них в семье изначально так было заведено, что Новый год надо встречать в узком семейном кругу, дома, за праздничным столом. Сначала их было трое – муж, она и сын. Потом осталось двое. А сегодня она за столом одна. Конечно, есть ещё один член семьи – персидский кот Вася. Но тот сидеть за столом категорически отказался. Так и получилось, что сидеть за столом в новогоднюю ночь ей придётся одной.

Подруга Маша настойчиво звала к себе, беспокоясь за близкую подругу. Но она отказалась: Новый год надо встречать в семейном кругу, даже когда этот круг сузился до точки.

Вот и сидит теперь в совсем не гордом одиночестве, смотрит на огонёк зелёной свечи. Ждёт боя курантов.

Звонок в дверь прозвучал так неожиданно, что она даже подскочила на стуле. Наверняка сосед Аркадий Смирнов с пятого этажа. Он за вечер уже три раза к ней прибежал, одалживал то стулья, то тарелки, то вилки – гостей полон дом, а у неё всё равно никого нет. Интересно, что он сейчас попросит? Может, скажет: уступите на ночь вашу квартиру, у меня полон дом гостей, тесно, а вы можете прогуляться на улице.

За дверью стоял Дед Мороз – в красной шубе, расшитой серебристыми снежинками, отороченной белым мехом. В шапке и рукавицах, с мешком через плечо.

– С Новым годом! – пробасил Дед Мороз.

– Спасибо, – сдержанно ответила она, – и вас тоже. А я вас не заказывала.

– И слава богу, что не заказывали. Пожить-то ещё хочется.

– Я вас не заказывала в том смысле, что не приглашала. Вам, должно быть, в квартиру напротив, у них двое детишек. Или к Смирновым на пятый этаж, у них сегодня гости гуляют.

– Нет, милая, я не ошибся. Мне именно к вам. Войти-то можно?

Поколебавшись несколько секунд, она всё же распахнула дверь: «Входите».

– Я – настоящий Дед Мороз, я вам известие принёс, что Новый год уже в дороге и скоро будет на пороге! Вы чуда ждёте? Чудо будет! Ведь Дед Мороз не забудет: подарок каждому положен, заботливо в мешок уложен... – нараспев задекламировал Дед Мороз басом, едва переступил порог.

– Послушайте, как там вас, – перебила она, – повторяю: вы ошиблись адресом. Либо не в тот дом вошли, либо не в тот подъезд, может, этаж не тот. Проверьте по заявке адрес того, кто оплатил услуги Деда Мороза. Вас там ждут, а вы меня тут стихами развлекаете.

– Дело в том, что я самый настоящий Дед Мороз. И мои услуги не нуждаются в оплате, – и неожиданно запел: – Просто я работаю волшебником. Волше-е-е-б-ни-и-ком!

– Не порите чушь. Если вы ещё сами не заметили, то сообщаю, что мне уже не пять лет.

– А через минуту будут бить куранты. Мы с вами вот тут в прихожей и встретим Новый год?

– Ах, чёрт! Действительно. Быстро в комнату! Надеюсь, хоть шампанское вы открывать умеете, дедуля? – не без ехидства спросила она.

– Что-что, а это запросто! – выкрикнул Дед Мороз и, подобрав полы своей шубейки, рысью ринулся в зал.

Били куранты. Пенилось шампанское в бокалах. Они с Дедом Морозом чокнулись, хором сказали друг другу «С Новым годом!», выпили искрящийся шипучий напиток.

«Апчхи!» – сказала она первое слово в Новом году.

«Будьте здоровы!» – засмеялся Дед Мороз.

«Я постараюсь», – пообещала она.

А гость тем временем не церемонясь уже накладывал в тарелку салат «оливье».

– Это вам. А мне тарелочку? Бокал запасной поставили на стол, а тарелочку не приготовили. Я бы тоже не отказался от салатика. Дорога была дальняя, аж из Великого Устюга. Притомился, оголодал.

– А тарелок нет. Сосед все тарелки забрал, гости у них. Только вот последняя и осталась.

– Так это не беда. Давайте я тогда буду прямо из салатницы есть. Если вы не возражаете.

– Да чего там. Валяйте. Не церемоньтесь, – махнула она рукой. – Однако гость мне достался – ест из салатницы, за столом сидит в шубе, по квартире ходит в валенках.

– Эх, женщина. Романтика вам чужда, похоже, – весело басил гость. – Что за Дед Мороз без валенок? Вы ещё бы предложили мне шапку снять, шубу скинуть, то есть обнажиться до майки, трико и носков, а посох и мешок повесить на крючок в прихожей. Что же тогда получится?

– Ничего хорошего. Ничего хорошего нет в том, чтобы сидеть за столом в верхней одежде, головном уборе и уличной обуви. Вы что же, и рукавицы не снимете?

– Разумеется, нет.

– Делаю вывод, что вы вор или мошенник. Поэтому боитесь руки показать, они наверняка все в наколках, как обычно бывает у рецидивистов. А замаскировались одеждой, париком, бородой и усами, чтобы я потом в полиции ваш фоторобот не смогла составить.

– Точно. Именно по этой причине. Впрочем, мой фоторобот давно составлен и распечатан миллионными тиражами, им сейчас все стены и витрины оклеены, все газеты и журналы украшены, а также праздничные открытки. К тому же его регулярно демонстрируют по телевизору. Так что с этим проблем не будет.

– Ладно. Как говорят в Думе: прекращаем прения. Негоже Новый год начинать с перепалки. Кушайте, дедушка, салат, не стесняйтесь. Впрочем, последнее слово явно лишнее, вы и так, я смотрю, чувствуете себя как дома. Вот вам пирожки с капустой и мясом.

– Вот спасибо. А, кстати, и моя лепта в совместную трапезу, – с этими словами Дед Мороз вынул из мешка огромный пакет с мандаринами, коробку «Птичьего молока», несколько плиток шоколада, ещё одну бутылку шампанского и даже живую алую розу в золотом целлофане, которую торжественно преподнёс ей.

– Надо же, и в самом деле подарки, – улыбнулась она, принимая розу.

– А вы что же думали, там у меня оружие, дубинка, кастет и наручники, что ли? Вот вам мандаринчик. Угощайтесь.

Она взяла мандарин, понюхала его душистую кожицу. С детства Новый год у неё всегда ассоциировался с запахом мандаринов и смоляным ароматом хвои. Новогодняя ночь... Самая прекрасная ночь в году. Так она всегда думала. Ещё две новогодние ночи назад было именно так. Теперь всё изменилось с точностью до наоборот: теперь новогодняя ночь – самая грустная ночь в году. В эту новогоднюю ночь она одна. Совсем одна. Хотя, как же одна? Вон напротив сидит не кто иной, как сам Дед Мороз. Разве не чудо? Тогда почему нет ощущения праздника и волшебства?

– А что это вы так внимательно мандарин разглядываете? – поинтересовался Дед Мороз.

– Да вот смотрю, нет ли на коже следов от шприца. Вдруг вы в него снотворное вприсунули? Съем фрукт, закамарю, проснусь первого января к вечеру, а квартирка обчищена подчистую. Здрости, дети, – Новый год!

– А вы знаете, итальянцы, к примеру, специально под Новый год всю ветхую мебель выбрасывают и вообще стараются избавиться от хлама и старья. Так сказать, расчищают место под обновы. А вам и выбрасывать не придётся.

– То есть вы сейчас чистосердечно мне признались, что пришли меня грабить?

– Ни в коем разе! Просто я вместе с вами пытаюсь рассмотреть наилучший вариант развития событий и прихожу к выводу, что даже в этом случае ничего страшного не произойдёт, а напротив, получатся сплошные плюсы и преимущества: во-первых, вы без хлопот очистите пространство от ненужного, а во-вторых, отлично выспитесь.

– Философ, – усмехнулась она, – но позвольте мне самой решать, что у меня лишнее, а что нет. Это, во-первых. А во-вторых... а, была не была,

сьем ваш мандарин. Но только после вас. – Ей пришлось помочь ему очистить мандарин: в огромных рукавицах это было сделать непросто.

Мандарины были сладкими, сочными и ароматными. «Из Испании?» – спросила она. «Из Лапландии», – уточнил он.

Пили чай с домашним печеньем. Горела зелёная свеча, в хрустальной вазе посередине стола стояла красная роскошная роза. Было хорошо – уютно, празднично и немного грустно.

– Вот и год Дракона наступил, – размышлял вслух Дед Мороз, – китайцы очень любят и почитают это существо. В Китае считается, что люди, рождённые в год Дракона, просто обречены на счастье, фантастическое везение и всяческое благополучие. Потому что дракон у китайцев – символ добра, мира и процветания.

– Ну, не знаю. Дракон – что-то в этом есть агрессивное, устрашающее, по сути, это огромное пресмыкающееся. У китайцев он может быть и символ добра и мира, а в русских сказках драконы, то есть Змеи Горынычи, всегда были отрицательными персонажами в конфликте с окружающими: то они кого-то жаром своим испепеляли, то им головы отрубали. К тому же наступивший год високосный, то есть несчастливый.

– Ещё забыли про календарь мая упомянуть, который заканчивается как раз 2012 годом, и про конец света.

– Точно! Конец света неминуем! Я сама недавно видела передачу по второму каналу, там один очень авторитетный учёный, кажется, академик РАН – забыла фамилию – говорил об этом так убедительно, на фактах всё стопроцентно доказал.

– Эх, вы... Поверили глупостям. Подумаешь – академик РАН... Я, главный волшебник, говорю вам наиавторитетнейше, что всё это чушь собачья. Вы же умная женщина, с университетским образованием...

– Стоп! Молчать! Руки вверх! Вот я вас и поймала! Проколу вас, Дедулечка Морозушко! Откуда вам известно про моё образование, а? И не вздумайте врать, что вам, как главному волшебнику, всё известно. Итак, откуда такая точная информация?!

– Так я это... вообще имел в виду. Да сейчас практически у каждого высшее образование. К тому же сразу видно, что вы женщина интеллигентная, с высшим образованием.

– Не врать! В глаза смотреть! Вы не сказали «высшее», вы сказали «университетское», а это совсем не одно и то же. Стало быть, вы точно проинформированы, что я закончила именно университет. По наводке работаете, Дедушка Отморозушко?

Он вздохнул, покаянно развёл руки в красных рукавицах, опустил седую головушку:

– Не велите казнить, велите миловать. Ваша правда. По наводке.

– Так! И кто наводчик? Отвечать быстро!

– Ваш сосед.

– Это который? Смирнов, что ли, с пятого этажа? То-то я смотрю, он ко мне весь вечер бегал: то ему то, то ему сё, а сам глазами так и шарит вокруг, примечает.

– Да нет, не Смирнов. Это Пал Палыч из шестидесятой квартиры.

– Не может быть! – изумилась она. – Не может быть, чтобы Пал Палыч... Такой милый, приятный человек. Такой интеллигентный, эрудированный. Такой приветливый, всегда первым здоровается.

– И что с того? Такие вот приветливые и милые – самые отъявленные. Скажу по секрету, Пал Палыч – наш мозговой центр и главный организатор. В смысле, в нашей банде.

– И всё же я отказываюсь верить, – качала она головой, – чтобы Пал Палыч – и вдруг бандит.

– И совершенно напрасно. Я вам чистосердечно признался, а вы не верите. Странная вы женщина.

– Но Пал Палычу на днях стукнуло 87 лет!

– И что с того? Седина в бороде, бес в ребро! Это он с виду такой смиренный да дряхленький. Он ещё ого-го! Видели бы вы, как этот божий одуванчик в совершенстве приёмами восточного единоборства владеет, да из маузера в десяточку со спины с закрытыми глазами шлёт. Вот и к вам сюда заслал. Дамочка говорит, одинокая, безмужняя, сынок в армии отслужил, но дома его не будет – к друзьям укатит, кот кастрированный, то есть не мужик, сопротивления не окажет. Вот я и явился к вам. А попробуй не прийти – мигом шею мне свернёт! У нас дисциплина похлеще, чем в армии.

– А что он ещё сказал про меня?

– Что деньги и драгоценности хранятся в шкатулке в верхнем ящике комода. Разрешите проверить? – с этими словами Дед Мороз-бандит подошёл к комоду, выдвинул верхний ящик, вынул деревянную резную шкатулку, продемонстрировал ей в доказательство своих слов.

– Да какие там драгоценности и деньги, – отмахнулась она, – так, по мелочи. Колечко обручальное, цепочка, дешёвенькая бижутерия да четыре сотни.

– М-да. Негусто.

– Так что надул вас ваш мозговой центр. Дезинформировал. И всё же я никак не могу поверить, что это Пал Палыч.

– А давайте сходим к нему? Прямо сейчас. Спросите сами его в лоб.

– Да как-то неловко... Поздно уже. Он спать рано ложится, старенький всё же. Мы его побеспокоим.

– Ничего, ничего. Сегодня можно. Всё же Новый год. К тому же он собирался ночью поработать – план ограбления центрального банка составить.

Неудобно было идти в такую ночь с пустыми руками, хотя бы и к главарю бандитов. Взяли с собою несколько мандаринов, бутылку шампанского и нераспечатанную коробку «Птичьего молока».

Пал Палыч дверь открыл сразу. Не спал. Может, и в самом деле работал над планом. Удивлённо прищурился на Деда Мороза, заулыбался приветливо соседке, узнав её.

– Томочка, деточка, с Новым годом.

– И вас с Новым годом, Пал Палыч. Вот решили заглянуть к вам на минутку, поздравить. Не помешали?

– Что ты, милая. Я очень даже рад. Такая приятная гостья, да ещё и с Дедом Морозом. А то всё один да один. Входите, гости дорогие.

Прошли к столу. Выложили свои гостинцы. Тамара по просьбе хозяйки достала фужеры. Выпили по бокалу шампанского. Съели по мандаринке. Замаскированный под Деда Мороза бандит кивнул ей: спрашивай, мол, задавай свои вопросы. Но у неё никак язык не поворачивался.

Хозяин квартиры между тем открыл коробку конфет, угостил гостей, угостился и сам.

– Сто лет не едал «Птичьего молока». Мои любимые конфеты с детства ещё. Правда, если честно, то вкус уже не тот. Нет, далеко не тот. Раньше и конфеты были вкуснее, и праздники веселее, и зимы морознее. Правда, Дедушка Мороз?

– А то! Знамо, морознее.

– Странное всё же название: «Птичье молоко», – задумчиво сказала она.

– Имеется в виду, что это нечто необычное, удивительное, чего не бывает в жизни, – пояснил Пал Палыч.

– Тогда надо бы произвести конфеты с названием «Свиные рога», «Бараньи перья», – предложил Дед Мороз.

– Не хочу «Бараньи перья», лучше «Птичье молоко», – не согласилась она.

Уходя от Пал Палыча несколькими минутами позже, она в прихожей замаялась, мельком глянула на Деда Мороза, и всё же решительно спросила соседа:

– Пал Палыч, хотела спросить вас. Извините меня, конечно, но... Я насчёт.. наводки.

– Ах, вы об этом, Томочка, – тепло улыбнулся сосед, – да-да, милая. Конечно. Надо взять полкило грецких орехов, вынуть из них перегородки и настоять на водке. Только на хорошей водке. Первое средство для повышения иммунитета. Только на нём и держусь.

Вернувшись домой, она расстелила на столе бумажную салфетку, переложила в неё из шкатулки золотую цепочку, четыреста рублей, янтарные бусы и металлическую заколку для волос в виде розы, аккуратно сложила концы, протянула Деду Морозу: «Возьмите. Чем богаты».

– А кольцо?

– Кольцо не дам. Это память. Да оно и недорогое, за него много не выручите. Возьмите сами ещё что вам надо. Только кольцо не дам, альбом с фотографиями сына и Ваську.

– Какого Ваську?

– Кота моего, Василия.

– Его же Оккупантом зовут.

Она застыла. Медленно подняла лицо, широко раскрытыми глазами впилась в глаза Деда Мороза. Он смешался, отвёл взор.

– Вася, ты?

– Ну я...

– Эх, ты. Вот как значит. Знаешь кто ты после этого? Оборотень в бороде. Вот кто.

Она резко повернулась и ушла на кухню, плотно закрыв за собою дверь.

... Пила кофе чёрный, крепкий. Вошёл он. В отсутствии бороды, усов, шубы и прочих дедоморозовских признаков это был мужчина немного за сорок, среднего роста, средней комплекции, средней внешности, с первыми признаками мужского возрастного облысения. Она кинула на него быстрый взгляд. Взгляд был строгим и сердитым. Поджала губы, нахмурилась.

Он покаянно стоял перед нею.

– Прости, Тома.

– Бог простит.

– А ты?

– Забирай салфетку и уходи.

– Какая салфетка? Тамара, неужели ты и в самом деле подумала, что я пришёл тебя грабить?

– А зачем тогда?

Он вздохнул, переступил с ноги на ногу. Робко попросил:

– А можно и мне кофейку?

Она равнодушно пожала плечом. Он налил себе кофе, сел за стол напротив неё. Пили молча. Молчание было напряжённым, тягостным.

– Так зачем же ты пришёл, Вася? Да ещё в таком законспирированном облике?

– Просто так. На тебя посмотреть.

– Я не Джоконда, чтобы на меня смотреть.

– Ты лучше.

– Вона как заговорил. Два года назад совсем другое говорил.

– Дурак был.

– Сейчас поумнел?

– Поумнел.

Опять повисло молчание.

– Зачем Оккупанта в Ваську переименовала? Мне в отместку?

– Зачем? – она подняла на него печальные глаза. – Затем, чтобы хоть имя твоё со мною осталось. Чтобы было кого Васей окликнуть. Был рядом дорогой человек с дорогим мне именем. А потом – раз! – и нет ничего: ни человека, ни имени... Как ты жил это время, Вася?

– Плохо, Тома. Очень плохо. Так плохо, что чуть себя не порешил. А вчера подумал: пойду, хоть посмотрю на неё. Как она? Счастлива ли? Спокойна? Хоть услышать. Увидеть. Поговорить. Как прежде. Всё же новогодняя ночь. Авось да не прогонит. А чтобы уж точно не прогнала, вот приделся Дедом Морозом... Знаешь, Тома, я в последнее время о будущем стал задумываться. Какое оно будет? И понял, что не так важно, что там будет, а главное – чтобы ты там была. Ты и Коля. А если вас там нет, то и будущего нет. Прости меня, Томочка. Прости в эту новогоднюю ночь. Нет мне жизни без тебя. Ты – моё единственное солнце, – он говорил и говорил. Она кивала в такт его словам. Она его не слышала.

Она слушала песню по радио: «Счастье вдруг... в тишине... постучится в двери. Неужель ты ко мне? Верю и не верю. Падал снег, плыл рассвет, осень моросила. Столько лет, столько лет где тебя носило?!».

г. Чебоксары.

Юлия КОТОВА

***

Бескрылым хочется летать, —
 Но так приземисты вершины!
 Молчите! Дайте помечтать
 О посудомоечной машине.

Когда весь мир, сложенный ловко
 (Вот гуттаперчив, акробат!),
 Весь помещается в коробку, —
 Ничтожность — это твой стандарт.

Все годы разменять на знаки,
 С ума сходя от безответной.
 Все силы за кусок бумаги,
 И всего чаще — туалетной...

А если на колготках стрелка?! —
 То что там, по ЧС сигналы...
 Легко ль не умереть подделкой,
 Родившись всё ж оригиналом...

Бескрылым хочется летать.
 Мне б ввысь махнуть обыкновенно!
 И всем друзьям привет послать,
 Освободившимся из плена.

Детство

Посвящается моей бабушке

Зинаиде Дмитриевне Андрусенко

Хруст белых чистых простыней
 И луч в оконце.
 И запах хлеба из полей
 В рассвет вольётся.

Картошка в кухне зашкварчит
 От лука с салом.
 И кошка жмурится, урчит,
 Довольной стала.

А на крылечке, как всегда,
 Дед с сигаретой.
 И в умывальнике вода
 Уже согрета.

Соседей слышится возня —
Петух и куры..
А вот и бабушка моя:
«Ну, с добрым утром!»

А зайчик солнечный зачем
В окне искрится?
И плавно переплыл на печь..
«За стол садиться!»

Капусты квашеной с лучком
Стоит тарелка.
И сало для меня потом
Порежут мелко.

В окно смотреть и молча пить
Чай с пирожками.
... Что, интересно, может быть
За тополями?..

Уплыло детство... и Степняк..
Но буду сильно
Всегда, всегда любить тебя
И бабу Зину.

***

Здравствуй, мой неудавшийся грех,
Моя сила, бессилье и смех.

Среди множества этих и тех
Здравствуй, мой несложившийся грех.

Первый мною заученный аз
Выдаст мысли сияние глаз.

В этом мире все смотрят на нас,
Здравствуй, мой дорогой Ловелас.

Не трави мою душу, не бей,
Ты стал выше, умнее, грубей.

Пусть не будет мне места в судьбе, —
Я здоровья желаю тебе.

Здравствуй, мой неудавшийся грех,
Моя сила, бессилье и смех.

Среди множества этих и тех
Здравствуй, мой несложившийся грех.

Мягкой поступью шагов

Мягкой поступью шагов
В сны твои войду сквозь ночи.
Сколько я ждала веков,
Чтоб найти тебя из прочих.

Я искала тебя, милый,
Вопреки дождям и ветру.
Я прошла босая мимо
Миллиарды километров.

А теперь с тобою рядом
Я не в силах наглядеться.
Согреваю нежным взглядом
И огонь пылает в сердце.

Только утром я исчезну,
Стану вдруг прозрачным пеплом.
Солнца лучиком прелестным
Или дымом сигаретным.

Буду я всегда с тобою,
От несчастий сберегая,
Словно ангел над судьбою,
Что хранит тебя, летая.

Помню, покидали силы,
Снегу вопреки и стуже
Я искала тебя, милый,
Потому, что ты мне нужен.

Мягкой поступью шагов
В сны твои войду сквозь ночи.
Сколько я ждала веков,
Чтоб найти тебя из прочих.

***

Пугает первая морщинка,
Пугает первый жёлтый лист,
Выходит, жизнь всегда новинка?
Выходит, ретро — модный твист?

Мы оглянуться не успели:
Весна отпела, отцвела,
Виски любимой побелели —
Выходит, жизнь уже прошла?

Но ты не бойся жить грядущим,
Спиною к прошлому не стой.
Тропа откроется идущим,
Поманит новой красотой.

Нам пригодится эта зрелость,
Пусть сыплет жёлтая листва,
Ведь в каждом времени есть прелесть,
А в сердце добрые слова:

«Люблю. Жалею. Рядом вечно.
И ветер грусть твою уносит,
А солнце светит бесконечно...
Вдвоём встречаем эту осень.

Родина

На небе блеснуть кого-то манила
Бессмертная слава.
Влево свернуть искушение было,
Но мне надо вправо.
Так много у жизни путей и ходов.
Эй, люди, не спите!
Я боюсь заблудиться в пафосе слов
И в их лабиринте.
Кто отзовётся об Отчизне больней?
Здесь сыро и гадко?
Из огромного неба — наше синей,
И воздух здесь сладкий!
У нас дождь со снегом в апреле идёт
Ветреный, хлёсткий.

С букетом цветов парень девушку ждёт
На перекрёстке.
В чужой стороне я безумно грущу –
Закаты иные...
По телевиденью каналы ишу:
Где степи родные...
В Чикаго сейчас тепло и приятно:
С небоскрёба смотрю.
Только я, почему – непонятно
Дождь со снегом люблю!
По асфальту летят машины легко –
Он ровный и гладкий,
Но только на Родине, что далеко,
Воздух вкусный и сладкий.
Подснежников скоро начнётся пора...
Вернуться б скорее,
Где птицы поют с утра до утра,
Где небо синее!

Хамелеон

Осторожно! Это он –
Человек-хамелеон.
Не доверяй ему секрет –
Его узнает целый свет.
Ты не проси его помочь –
Обязан будешь день и ночь.
Осторожно! Это он –
Человек-хамелеон.
Он и плачет, словно лжёт,
На сделки с совестью идёт.
Он несчастьем друга рад,
В жизни ценит результат,
И не важно как идти –
Всех сметает на пути.
Краску может он менять –
Маску друга надевать.
Осторожно! Это он –
Человек-хамелеон.

Но не надо забывать –
Его трудно распознать.

г. Кокшетау.

Григорий ГОРНОВ**Футбол**

Футбольный матч в предгорьях Балкан.
Четыре осветительные вышки
Построены из списанных цистерн
И освещают больше облака,
И городские сросшиеся крыши,
Лишая их фундаментов и стен,

Чем поле стадиона «Нови-Сад»,
Из недр чьих не выкопаны мины,
Что сеет ужас в головах гостей,
Лишает их способности играть
И делает ахиллы уязвимей
Во Стиксе прополощенных костей

Хозяев, мотивированных тем,
Что могут их казнить за поражение
(На том же поле завтра расстрелять),
И потому матч — лучшая из тем,
И оттого с крестами схожи тени
Совсем ещё молоденьких ребят.

Вот взгляд случайный чьей-нибудь жены.
Туман набился ватой в колокольню.
И на полнеба скрипнет чья-то дверь.
И словно все мы здесь разобщены,
Какой-то тьмой, хотя едины кровью,
Судьбой, святыней, памятью. Но где

Опять идёт Троянская война,
Ни Кастор не узнает и ни Поллукс.
И именно поэтому футбол —
Главнейшая деталь веретена.
И время трансформируется в голос,
Когда славяне забивают гол.

Горшок

Слушая Баха, глиной найтись в пещере,
Сложиться в корзину, отнестись на гончарный круг,
Упорядочить форму и в толчее кошерной,
Споткнувшись о руки, рухнуть в воловий круп.

Говорили камни: не ходи на рынок,
Стой на балконе у поэтессы скал,
Среди мешков, кастрюль, полотенец, крынок —
Ты появился и, стало быть, опоздал.

Теперь остаётся лететь, проклиная воздух,
 Поворачиваясь горлышком на живую речь:
 Время замедлилось, и поэтому запах розы,
 Что остался внутри, я пытаюсь в себе сберечь.

И последние выпуклые секунды
 Чувствую горлышком, выпячивая загар.
 Мария с младенцем спят посреди закуты,
 И волхвы приносят последний дар.

Но неволью жалко лишь лик богини,
 Что справедливо вывели мастера
 На моём боку, разлетающийся с другими
 Черепками, как греческая стена.

Цветаевой

1

Твоя могила на границе сосен.
 Я поменял кольцо на котелок.

– Ты знаешь сколько будет вёсен
 и сколько строк?
 – Ты будешь чай? Я вскипячу, пожалуй...
 (достала огонёк из-за скулы).
 Так кто ты – нечестивец иль глашатай?
 Пришёл куды?
 – Не помню точно... Помню: шёл на голос.
 – Тебе чего – халву иль козинак?
 – И то и то.
 ... Наверное, твой волос.
 – Молчи, дурак!
 – Твой город тих. А знаешь я откуда?
 – Я догадалась. Голубых кровей?
 (смеётся).
 Глянь, у ос в гнезде собралась
 толпа бровей.
 – Я помню миг, когда ты появилась:
 ленивый взмах небесного тряпья,
 когда в груди моей остановилась
 петляющая Яуза тебя.

2

Твой левый глаз – спелёнатый Феб.
 Твой правый глаз – разогнанная фреза.
 Выпей, странница, чёрный хлеб,
 Опусти глаза.

Мы не жили в том городе, где костры,
 Где в садах стоят корабли плюща.
 Я дарю тебе нежность своей сестры
 В тишину плаща.

Я знаю больше твоих богинь,
И всегда рифмую: грудь и будь.
Ты по кронам флокс тишину раскинь,
Запахни ей грудь.

Здесь над живыми парят мосты.
И ворочается ленивый день.
Подари Раифский мне монастырь,
Подари мне тень.

Оживают линии на руке.
Оживают звёзды в сетях лесов.
Мы с тобою будем в одной реке —
Груз одних весов.

Я сегодня жив, я сегодня шёл
К самому красивому кораблю.
Несговорчив рок. Непременен дол.
Я тебя люблю.

Тахикардия

Когда ты уехала,
вороны столпились вокруг меня
и, когда я делал шаг,
поднимали шум.
С карнизов привокзальной гостиницы
капал свет.
Лицо твоей героини
погружалось в глянecь озера.
И в эти же секунды
по обложкам всех стоявших в киосках журналов
пробежала косая волна.
Когда ты уехала, засветились сосны по берегам рек,
и звено истребителей взяло курс
на Утреннюю звезду.
Мой отец нашарил в кармане рубашки пачку сигарет.
Моя мать подошла к окну и увидела
возвышающегося над гладью городского парка
огненного Голема, жонглирующего гробами.
Вороны расступились,
и я пошёл туда, где стучало сердце пленной:
к старому советскому радиотелескопу
за тысячами озёр.
И я сказал: «До свиданья, вороны!
Шейте подвенечное платье и саван: ей и для меня».

Венчание

Лампадным конусом подсвечена,
Сказать боюсь — освещена —
С младенцем маленькая женщина,
С царицей отождествлена.

И мы стоим в нарядах свадебных:
Ты в белом свитере, я в той
Рубашке в бархатных заплатинах,
Что твой отец носил весной.

Псалмы читаются венчальные —
Какая радость для невест!
Глядят свидетели случайные
На нас, Евангелие, крест.

Стоим пред алтарём, нетканые,
И всё уже завершено.
Над золотистыми лиманами
Мигает звёздное пшено!

По свежавыпавшему крошеву
Идём сквозь город суеты.
И отлетает глина прошлого
От Ахиллесовой пяты.

Земля застроена здесь дачами,
Как и в прибрежных областях.
Проводниками предназначено
Нам быть на местных поездах

До дальних зим, до самой старости.
До самой атомной войны,
Когда на нас набросят саваны
Легчайшим краешком волны.

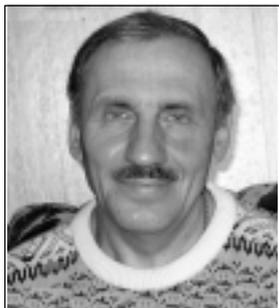
Когда нас понесут воздушные
Потоки в белом ватном сне
Мы — как дымки свечей потушенных —
С тобой вплетёмся в этот снег.

Метаморфоза

Я потерял номерок от камеры хранения, куда сдал ключи.
 Ключные зазубрины, дорожки
 заменило забытое мной целое число.
 Лица деревьев удлинлись и исказились,
 при каждом моём движении они прятались друг за друга,
 поэтому их точное число (нужное мне) я мог узнать
 только у демона Огня.
 Их глаза добры, безучастны.
 Они не могут, поэтому перестают хотеть,
 и непрерывный рост искажает лица,
 форма которых застыла когда-то в прошлом.
 Так девочка сдавливает голову кукле.

Алексей БОЧАРОВ

В объятиях Ульбы и Иртыша

Родному городу Усть-Каменогорску посвящается
 Родные города нам помнятся и снятся,
 Даются только раз, твою судьбу вершат,
 Любимый Оскемен – отечество и братство
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Так много на земле есть городов прекрасных,
 Для каждого из нас отчизна хороша,
 А в сердце ты один – и все слова напрасны
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Судьба нас, город мой, надолго разлучала,
 Метелицею жизнь слегка припороша, –
 Но здесь, у наших гор, лежит моё начало –
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Неправду говорят: весна неповторима,
 Перебираю память нежно, чуть дыша –
 Мы вместе снова с ней, так трепетно и зримо,
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Пройдёмся молча, друг, мы с юностью в обнимку
 По улицам твоим знакомым не спеша –
 Здесь отчий дом, и все свои на снимках
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Улыбками детей, трудом своих отцов
 Любуюсь и горжусь, поёт моя душа,
 И встречами друзей, и счастьем земляков —
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Алтайская заря разбудит утром горы,
 Неси добро и мир, названьем дорожа,
 Мой милый Оскемен, зелёный, в устье город,
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

Так будь благословен, родной красавец-город,
 Где труд и слава есть, есть юность и душа,
 С тобой, земля моя, я и влюблён, и молод,
 В объятиях Ульбы и Иртыша.

г. Евпатория, Крым.

Александр БАЛТИН

Люблю

Мне б любить уютную и тихую,
 Ладную страну, а я люблю
 Русь мою, невытую и дикую,
 И за всё её благодарю.

За закаты, золотом текущие,
 За восходы в алом серебре,
 За стихи, в которых бьётся сущее,
 И за скудный дождик во дворе.

За изгибы рек, шатры смородины.
 За грядущий необычный свет —
 Ибо верю в силу вещей Родины,
 В силу, что мудрей на свете нет.

Россия. Поэзия...

Россия. Поэзия. Смычка
 Понятий — надёжная связь,
 Связь огненно-яркого смысла —
 Ни время не тронет, ни грязь.

Россия — поэзии космос.
 На солнце сверкает река
 Живая — не может быть косной,
 Живые её берега.

Всё живо — трава, даже камни,
Поэзией всё прозвучит.
Услышишь то облако как ты?
Как сгусток умелых молитв.

Россия. Поэзия. Солнце.
И тройственность не разорвать.
И зло понапрасну смеётся —
Победы ему не видать.

Триада

Злато июня в окне
Переходит в закатную медь.
Триада — моя вполне —
Литература, Бог, смерть.

Бог? Но его не понять.
Все мы — я чувствую — в нём.
Литература сиять
Солнечным может огнём.

Смерть — а врата страшат —
Новый представит июнь.
Редко туда спешат —
Не хочется — стар или юн.

Медь заката в окне.
Триада — дала её твердь —
Совершена вполне —
Литература, Бог, смерть.

г. Москва.

Валерия ДРОБИЛКО

Карты врут

Мне кажется порой, что карты врут.
Что мир на самом деле не огромен.
Что души — все, которые живут,
Как спички помещаются в ладони.

Что врёт намеренно мне толстый календарь,
Что не прошло в нём тысячи столетий.
И никогда не кончится февраль,
И никогда не постареют дети.

Не верится, что миг необратим.
Что не срастается мы после перелома.
Что знаю многих, но всего один,
С которым я действительно знакома.

Мне кажется, что могут говорить
Животные и чердаки, и книжки.
Что между нами тоненькая нить,
Но просто люди разучились слышать.

Мне жаль деревьев, что не зацветут.
И лепестков увядших жаль немного...
Мне кажется порой, что карты врут.
Что в этом мире лишь одна дорога...

Милая Девочка

Милая Девочка, я уже очень стар,
Старше твоих вопросов годков на двести.
Зря привыкаю к твоим неземным устам,
К запаху кожи. Нам не дано быть вместе.

Чистая Девочка! Чистая, я грешил.
Чёрное мне к лицу, а тебе не очень.
Самое страшное – НЕГ У МЕНЯ ДУШИ!
И под моим крылом твоя жизнь короче.

Думаешь, ты зажмуришься – я исчез?
Глупая, между нами не всё так просто!
Я не сошёл, я рухнул с седых небес.
Сердце твоё тащило меня по звёздам.

Милая Девочка, я у тебя один.
Врал и твердил: «Пожалуйста, мне не верьте!»
Я так хотел не вечной, земной любви!
Ты же нашла другую, что дольше смерти.

Жаль, что в твоей руке не моя рука.
Милая Девочка, кажется, стала взрослой.
Знаешь, любимая, ангел и глуп, и стар,
Старше годков на двести твоих вопросов.

Титры

Дикие кошки царапали вены, мурлыча.
Впрочем, порою казалось, не кошки, а тигры.
Где бы достать этот ключ или просто отмычку
К дверце стальной, за которой кончаются титры?

Снова луна! В ней отгрызен изрядный кусочек.
Держит за ниточки звёзд умирающих души.
С каждой секундою лента моя всё короче.
Вы же хотите лишь плакать, ругаться и кушать.

Помню, при входе вручили четыре копейки
И золотой – на особый и редкостный случай.
Вот и сижу на далёкой холодной скамейке,
Где живут ветры да эти угрюмые тучи.

Я не хочу разменять на фальшивую люстру
Свечи, они пусть малы, но действительно греют.
Там, среди пёстрой толпы слишком горько и пусто.
Слышишь, луна? Твои звёзды... Они пожалеют.

Если уж дружба, то пусть без зеркал и перчаток.
Если любовь, то чтоб сердцу и гибнуть не страшно.
Хватит побелки и ножниц, замков и заплаток!
Пусть забирает другой, кому выпало дважды

Встретить рассвет. Распахнуть заметённые ставни,
Снегу позволив упасть на горячие плечи.
Я на последнем ряду размышляю о главном.
Жаль, мои кошки и тигры не будут ждать вечно...

г. Актобе.

Ахмет ДЮСЕНБАЕВ

Гулистан

*Шёпот ли, шорох иль шелест – нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде месяца желтая прелесть,
нежность, как песни Саади.*

С. Есенин

«Розовый сад» («Гулистан») – величайшее произведение персидского поэта Саади, творения которого входят в золотой фонд классической литературы, по праву занимает одно из почётных мест в сокровищнице мировой культуры. На страницах этого произведения, важнейшего памятника литературы XIII века, нашли яркое отражение все стороны жизни общества того времени.

Прославленный поэт-лирик, мастер газели Саади на склоне лет обратился к дидактическому жанру, желая, подобно автору «Кабуснаме» Кей-Кабусу, дать наставительное для жизни руководство, кодекс житейской морали. Он стремился нанизать на нитку изящного слога жемчуг целебных увещаний, а мёдом шутливости приправить горькое снадобье наставлений.

Саади родился в Ширазе в 1203 году. В детстве лишившийся отца, он испытал немало горя и унижений, о чём в 1257 году упоминал в своей поэме «Бустан» («Плодовый сад»). Ему удалось устроиться в багдадское медресе «Низамия», построенное Низамом ал-Мульком – автором «Саясатнаме». Учителя-наставники – суфийские шейхи – старались привить юноше идеи отречения от всего земного и стремление к потустороннему миру, но не смогли затушить в нём пламя любви к жизни.

Жизнь Саади совпала с катастрофическими событиями в истории Востока: войны с крестоносцами, монгольское нашествие, неурядицы в Фарсе. Более 25 лет Саади провёл в поучительных скитаниях: исходил почти весь мусульманский Восток. Он совершал неоднократно паломничество в Мекку, побывал в Индии, Сирии, Южной Аравии, Малой Азии и Азербайджане. Долго жил в Дамаске, где проводил диспуты на богословские темы с учёными. Из Дамаска направился в Иерусалимскую пустыню и там попал в плен к крестоносцам, заставившим его работать на строительстве оборонительных сооружений города Триполи. Из плена его выкупил один купец, чтобы женить на своей дочери. От неё поэт сбежал.

К путешествиям его подтолкнули любознательность, стремление узнать об условиях жизни и обычаях народов разных стран. Его интересовали поступки и побуждения людей. Ему хотелось сравнивать разные страны и народы, как М.Ганди, который 20 лет жил в Африке. Из своих путешествий и странствований, во время которых он близко познакомился с представителями различных слоёв общества, вынес огромный опыт и знание жизни, уважение к подлинным творцам её.

Исследуя жизнь различных народов, сословий, профессий, характеров, Саади пришёл к выводу о социальном неравенстве. Отсюда его поучения, обращённые к сильным мира сего, его идеал – справедливый монарх.

Чтобы охранять покой подданных, шах должен устанавливать справедливые законы, наказывать вельмож, покровительствовать учёным, ибо в просвещённых мужах монарх нуждается больше, чем они в нём. Поэт часто приводит в пример современным властителям идеализированных правителей: Нуширвана Справедливого, А. Македонского.

В 1250 году Саади оставил свои скитания, обогащённый знаниями и жизненным опытом, вернулся в Сирию и обосновался в Дамаске. Здесь он приступил к написанию «Бустана» и работал над ним до 1255 года, то есть до возвращения в родной Шираз.

В 1258 году Саади создал своё второе крупное произведение «Гулистан». Забавна его история: почувствовав приближение старости, Саади стал думать, что минувшие годы прошли даром, и решил остаток своих дней провести в уединении и молитвах. В это время его навестил близкий друг и уговорил отказаться от этого безрассудного решения. Ему удалось вызвать Саади на беседу, и они отправились за город, где им пришлось ночевать в саду своих близких.

«Утром, когда желание вернуться домой одержало верх над отрадой пребывания в саду, – говорит Саади, – вижу я, что друг мой собрался в путь, полу свою наполнив розами. И я промолвил:

– Тебе ведь известно, что недолговечны розы в садах и не всегда кусты роз в цветах. Мудрецы же говорят: «Что непостоянно, то любви недостойно!».

– Что же тогда мне делать? – воскликнул он.

Я сказал:

– Для развлечения читателей и отрады всех желающих я могу написать книгу «Розовый сад» – от жестокого дыхания осеннего ветра лепестки этого сада не облетят, его радостную весну круговращение времени не обратит в унылую осень».

Поэт тотчас же приступил к исполнению своего обещания. Когда розы в саду начали осыпаться, книга «Розовый сад» уже была готова. Саади удалось написать этот шедевр в течение трёх месяцев, так как большинство стихов, рассказов и афоризмов «Гулистана» было написано задолго до возвращения на родину, ещё во время скитаний и странствий. В своих проповедях Саади приводил примеры из жизни. Бытовые картины, поговорки и пословицы он тогда облекал в форму увлекательных художественных рассказов, поэтических афоризмов. Наиболее удачные из них он записывал. Они и явились основой «Гулистана». В заключение своей книги автор указывает, что вопреки обычаю его современников ничего не заимствовал из афоризмов предшественников.

После появления «Бустана», который сразу обратил на себя внимание ценителей, отношение к Саади изменилось. Если в предисловии к «Бустану» автор говорил, что его стихи не ценят в Фарсе, то через год во время написания своего другого произведения – «Гулистана» – гордо заявляет, что добрая слава о нём ходит в устах у народа, молва о его красноречии распространилась по земле.

«Гулистан» состоит из восьми глав, введения и заключения, написан ритмичной прозой «садж», порою рифмованной и обильно пересыпанной

стихотворными вставками. Рассказы связаны общей темой и не объединены сюжетной рамкой. Саади превратил эту форму в самостоятельный жанр.

Творец «учебника жизни» выдвигал критерий в оценке личности не по сословному признаку, как того требовала феодальная мораль, а по уму и знаниям. В этом он сближается с автором «Кабуснаме» Кей-Кабусом, который также ратовал за признание достоинства независимо от социального и имущественного положения. В рассказах о мудрецах он приводит примеры их нравственного превосходства над знатными глухцами. Много говорится о науке, знании и учёных. Человеку для усовершенствования необходимо, считает автор, изучать науки, а полученные знания использовать во благо людям.

Великий гуманист считал, что истинная ценность человека заключается в его личных качествах. Человек должен быть сострадательным к бедам слабых, иначе его нельзя считать человеком: «В дни засухи голодной години не спрашивай у изнурённого бедняка о том, как живётся, если не положишь пластыря на его рану».

В книге прославляются щедрость и бескорыстие, дружба и добродетельность, скромность и умение довольствоваться малым. Осуждаются жадность, стяжательство и эгоизм, даются наставления о нормах поведения. Смысл человеческой жизни, по его мнению, в полезной деятельности на общее благо: «Если от тебя нет пользы другим, то это всё равно, что если драгоценный камень уподобится граниту». А ценность личности – в памяти о добрых делах.

В «Гулистане» говорится о высоком назначении человека. Основу общения людей поэт видит в их единстве: «Одно сынов Адама естество, Ведь все они от корня одного...». * Неслучайно эти золотые слова великого гуманиста Саади в здании ООН, в Нью-Йорке, указывают людям на истинный смысл их бытия. Поэт был же свидетелем того, как одна часть общества трудилась, но вместе с тем нищенствовала, а другая – присваивала плоды её трудов, жила в роскоши и разврате. Вот эту основную сторону жизни своего времени Саади чрезвычайно рельефно запечатлел на страницах «Гулистана».

Саади отказался от предложения правителя Фарса войти в круг придворных поэтов и остаток жизни провёл в уединении, в работе над своими лучшими книгами, которые повествуют о жизни, о путях её улучшения, о человеке и человеколюбии. Подлинная причина отказа Саади от придворной службы становится ясной из «Гулистана» и его других многочисленных высказываний на этот счёт. «Есть свой хлеб и спокойно сидеть лучше, чем золотой пояс службы надеть!».

*Саади в мировую художественную литературу ввёл понятие «гуманизм» («адамият»), которое затем вдохновило европейцев, в том числе и социалист-утопистов Сен-Симона, Шалья Фурье, Роберта Оуэна. Далее учение об идеальном обществе развивали К. Маркс, Ф. Энгельс, Д. Неру, В. Ульянов, М. Торез, Г. Плеханов, А. Бокейханов и др.

По гуманным соображениям, одной улице или скверу Астаны (на левобережье) можно было бы дать имя Саади, чтобы проводить там поэтические вечера, литературные чтения и встречу мастеров слова Центральной Азии и СНГ.

Отказ вступить в ряды придворных поэтов навлек на Саади немилость двора. На страницах «Гулистана» он упоминает своих врагов и завистников, которые причиняли ему немало беспокойства. Саади до конца своей жизни был верен себе и говорил только горькую правду, обличал пороки общества, в котором жил.

«Гулистан» – первый памятник персидской литературы о жизни средневекового восточного города. Автору социальная среда города была наиболее близкой. Он выступает как выразитель интересов и идеологии ремесленников и купцов, защитник ремесла и ремесленников, которые являются частыми персонажами его произведения. Проповедует и советует всем учиться ремеслу, которое, по его мнению, является самым надёжным источником жизни. Так, в одном из рассказов он ставит людей, владеющих ремеслом, выше вельмож, ничего не умеющих делать.

Он советует правителям оберегать купцов, развивать торговлю, ибо страна без торговли не может успешно существовать. Призывает эмиров не подвергать насилию, притеснению и обидам народ, на труде которого зиждется государство, народ, который и есть корень общества.

В «Гулистане» поэт призывает к справедливости, угрожая божественными карами тем, кто творит обратное. На основе подобных призывов, проповедовавших непротавление злу и призывавших людей бросить мирскую суету и обратить свои взоры к потустороннему миру, востоковеды объявляли поэта суфием. Саади не был суфием в указанном смысле этого слова. Он был одним из тех суфиев, которые смысл своего учения и жизни видели в служении ближнему, людям и в конечном итоге – своему народу.

«Гулистан» стал примером для подражаний. В 1487 году Джамии – учитель и наставник гератского везира Навои – тоже на склоне лет обратился к прозе и создал другой шедевр – «Бахаристан» («Весенний сад»). В предисловии поэт отмечает, что написал «Бахаристан» в подражание «Гулистану», и примером для него служил стиль Саади, чьё произведение уже тогда считалось образцом художественной прозы.

«Гулистан» был переведён на латинский язык в 1651 году, во французских переводах издавался в 1704-м, в немецком – в 1654 году. Его первый перевод на русский язык был выполнен с немецкого перевода Адама Олеария в XVII веке. Первое подражание «Гулистану» в России появилось в 1796 году – «Восточная баснь славного Саади. Государь-Дервиш-Мудрец». Интерес к «Гулистану» в России возрос в XIX веке, когда востоковедение окрепло. Самым переводимым из всех персидских авторов в XIX веке в России был Саади. В 1824–36 годах Н. Коноплёв опубликовал переводы десяти глав из «Гулистана», подчёркивая глубокий гуманизм Саади.

Под обаяние этих строк попал и А. С. Пушкин, когда создавал стих «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». А. С. Пушкин проявлял большой интерес к литературе Востока и в частности к творчеству Саади. Известное выражение «*Иных уж нет, а те далече*» Пушкин заимствовал из поэмы «Бустан» Саади. В его домашней библиотеке было два сборника стихов Саади во французских переводах: «Панднаме» (Париж, 1828), «Гулистан» (Париж, 1834).

В XIX веке в России вышли два перевода «Гулистана» – «Розовый кустарник» С. Назарьянца (М., 1857) и «Гулистан» – «Цветник роз» И. Холмогорова (М., 1882). И. Холмогорову принадлежит и диссертация «Саади Ширазский» (Казань, 1865). Он также отмечает социальную направленность этики великого персидского поэта: «Шейх Саади неуклонно говорит истину, и в параллели между людьми влиятельными и бедным классом всегда стоит за правду в пользу народа, защитником которого он является». В 1922 году был опубликован перевод Е. Бертельса, отличающийся исключительной точностью и правильным толкованием текста.

«Гулистан» возник на основе фольклора и связан с культурой и традициями народа, что отвечало его чаяниям. Никто из персидских поэтов не владел так мастерски рифмованной прозой, как Саади. Афоризмы, изречения и стихи «Гулистана» вошли в народную жизнь и сделались поговорками и пословицами. Помимо художественного значения книга представляет интерес и как источник, содержащий большое количество историко-географических и автобиографических сведений.

Язык «Гулистана» высокохудожествен, прост и понятен. С гениальным мастерством поэт умеет индивидуализировать мысли своих героев. Его слово отличается лаконичностью и экспрессивностью. Скупыми, но исключительно выразительными штрихами он воссоздаёт целые картины жизни, предстающие перед взорами читателя почти с физической осязательностью. Речи шахов выпрени, шейхов – схоластичны, а разговоры обычных людей просторечивы.

Творчество Саади – замечательное явление в истории культуры персидских народов. Оно оказало огромное влияние на последующее развитие литературы не только на Востоке. В одном стихе Абай перечисляет имена персидских поэтов: «Физули, Джами, Навои, Саади, Фирдоуси, Хафиз». Это говорит о том, что он был хорошо знаком с наследием Саади.

Основная цель Саади – преподавать советы и наставления нравучительного значения. Поучения он высказывает в форме живых картин и увлекательных рассказов, в проникнутых чувством человеколюбия изречениях. В этих полных тонкого юмора рассказах Саади оставил нам целую галерею образов, яркую реалистичную картину жизни, и не только Персии. В «Гулистане» заключается его бесспорное преимущество перед иными, занудно многословными, но малосодержательными романами. Саади немногословный, занимательный и остроумный рассказчик. Слог его при всей изысканности доступен и прост.

Семь веков «Гулистан» остаётся основным учебным пособием по персидскому языку и литературе в иранских школах и в тех странах, где изучаются персидский язык и литература. Книга переписывалась и распространялась в большом количестве в Иране, Средней Азии, Турции, Египте, Индии и других странах. «Бустан» и «Гулистан» – произведения новаторские, где автор впервые в практике дидактического жанра так часто использовал случаи из собственной жизни.

Умер поэт в 1292 году в Ширазе, где до сих пор находится его гробница. Яркая и содержательная жизнь Саади сама послужила автору основой для его главной книги – «Гулистан».

Ирина СТРУГОВА

Архипелаг Гудлак

(Окончание. Начало в №№ 7-11 за 2012 год)

27 февраля 1998

Сегодня был мой второй день на новой работе. Опять что-то непонятное, но по крайней мере моя начальница русская и очень приятная дама из Ленинграда. Сначала я её испугалась, но оказалось всё не так плохо. И даже наоборот, проведя два дня среди русских (не украинцев-пятидесятников и не заевшихся евреев), а среди нормальных образованных русских (одна армянка), я почувствовала, как мне этого не хватало, а кроме того, поняла, что можно и здесь (может быть, будем надеяться) найти свою маленькую Москву, как ни убого это звучит, но здесь у многих есть свои маленькие Одессы, маленькие Пекины, маленькие Токио, маленькие Мехико. Маленькая Москва вроде бы есть в Нью-Йорке и называется маленькой Одессой. Вот какие парадоксы, как смешно и грустно.

Что случилось с нашей Родиной? Что случилось со всеми нами? Вот эта русская, которая армянка, сегодня довела и меня и себя почти до слёз. Рассказывала, как они мучились во время переселения из Баку. А сначала она просто обрушилась на меня, и с такой ненавистью, что мне даже плакать хотелось. «Вот вы скучаете о Москве, а я ненавижу вашу Москву. И не говорите мне ничего, не навязывайте ничего. Америка – страна закона. Здесь всё по закону, и люди здесь счастливые и свободные. Москва душила и угнетала всё и вся. Не говорите мне ничего». Ну вот, опять американская патриотка. Живёт здесь один год, сидит на госпомощи, явно имеет деньги из России (уже купили новый автомобиль), и ненавидит Россию, и любит, ох как любит Америку. Её агрессивность ко мне была вызвана моими неосторожными замечаниями типа: «Будьте осторожны, здесь тоже много беззакония, много нищеты». Сразу вспышивает: «Не говорите, не говорите. Такая замечательная страна! Такие образованные, культурные люди!». Боже мой! И это говорит женщина, которая была юристом, имела отца врача, дядю дирижёра Большого театра. Судя по правильности речи и цитатам из Пушкина, Есенина и Сахарова, весьма интеллигентная дама. Вот она скоро увидит, какие культурные люди здесь. И вот что интересно, слушая её, я вспомнила себя в первые годы. Я была под таким же наркозом, в такой же эйфории. Как это американцам удаётся? Меня всё занимает этот вопрос. И вот что пока я поняла.

Во-первых, они воспитаны в духе – Америка – самая богатая страна в мире. Во-вторых, Америка всем помогает и всех спасает.

В-третьих, все здесь счастливы, особенно вновь прибывшие просто должны и обязаны быть благодарными и счастливыми. Быть счастливым – здесь есть долг.

В-четвёртых, этот миф о богатстве Америки помогает им быть счастливыми, поэтому всякое разоблачение мифа причиняет им боль унижения, а они привыкли терпеть боль, но не унижения. Они привыкли унижать. Поэтому, например, они не любят, когда им задают вопросы типа: «Где вы учились? Сколько вы заплатили за учёбу? Сколько вам стоило родить ребёнка? Сколько вам осталось выплачивать за ваш дом? Вам легко жить?». Однако они всегда и без церемоний, буквально с первой минуты знакомства, спрашивают: «Вам нравится Америка? Где вы работаете? А где вы работали? У вас здесь семья? Вы замужем?» и т.д. Удивительные люди. Удивительная нация.

Я читаю сейчас очень интересную книгу "Ark of empire" by Dale van Every. Это про первопроходцев, американских поселенцев, уже после революции. Автор правильно пишет, что после 1784 года американцы начали расселяться по территории, по дикой земле, на которой практически было невозможно жить. Он правильно пишет, что эта нация была рождена из катастрофы и жила в постоянной катастрофе. Если французы, он отмечает, старались жить как индейцы, если испанцы старались овладеть английскими поселениями, то американцы шли напролом против индейцев и сражались с ними. Иными словами, отбирали у них землю и строили свою жизнь на свой, особый лад. Надо представить себе огромные, почти непроходимые пространства, заросшие дикими лесами, пустыни и камни, чтобы понять, как невероятно трудно было им выживать. Они не расставались с ружьями, их жёны и дети делали то же самое. Им надо было пробиваться через леса, расчищать места под посевы кукурузы, надо было строить дома (вот и пошёл этот шалашный стиль), надо было лечиться, надо было как-то развлекаться и т.д. Всё то, что в других странах накапливалось веками, здесь возникало в лесу, в раздробленности и разобщённости (от места до места были сотни миль). Один из путешественников писал своей жене, побывав в одном из новых американских поселений, что он никогда не видел более убогой дыры. Такое и у меня мнение об американских жилищах и даже городах. Вот что он написал: «The most wretched and miserable vile hole ever man dwelt in». (Чрезвычайно разрушенные. Жалкие и отвратительные дыры, в которых когда-либо жил человек). Однако здесь же он пишет, что так возникла новая нация, возникла почти мгновенно, и что этому явлению нет равных за пределами мифов. Разумеется, можно восхищаться их выживаемостью, что мы и делали, те, которые сюда стремились. Но мы забывали одну простую вещь, что можно восхищаться и пьяницами в канаве (я помню, один человек в Москве однажды сказал мне, что пьёт, потому что среди пьяниц гораздо больше порядочных людей, чем среди так называемых порядочных. Я с ним готова согласиться), но жить среди них омерзительно. Так случилось и с нами. Мы рвались в Америку, потому что нас привлекала такая необузданность страстей (якобы) и такая свобода (якобы). Надо пожить в канаве, чтобы узнать, что канавная жизнь имеет гораздо более жёсткие и непререкаемые правила, чем наша убогая цивилизация. Это законы смерти, законы крысиной грызни. Законы не львов и тигров, а шакалов и крыс.

Когда была сегодня на учении, тренировке для работы с больными и престарелыми, не удержалась, конечно, от спора с преподавателем. Преподаватель – молодой мальчишка, очень слабо осведомлённый и в медицине, и в жизни вообще, заявил, следуя инструкциям, что мы всегда должны удовлетворять желание клиента, даже если он просит выкупать его в серной кислоте. Он не только настаивал на этом глупом замечании, видимо, перепутав медицину с торговлей, что здесь очень популярно, но ещё и утверждал, что это американская философия. Вот это и есть главное, что я поняла. В Америке нет понятий добра и зла. Есть выбор, что они и называют свободой. И что-то я не слышу слов протеста. Пока я удивляю слушателей, когда говорю: «А нельзя ли сначала попробовать объяснить больному, что серной кислотой умываться нельзя? Нельзя ли рассказать ему немного о последствиях?». Оказывается, они никогда такого поворота мысли не слыхали. А не слыхали потому, что тем первопроходцам, которым удавалось выжить, вовсе не хотелось делиться с соседями своим опытом. Их опыт – это было их достояние, их собственность, к тому же лишний соперник на территории – лучше скрыть от него, что там за поворотом яма со змеями – авось тот туда свалится – больше места на земле будет. Это была философия одиночек, так она и осталась. И опять мне

вспоминается высказывание, кажется, Декарта, что одиночкой может выжить либо зверь, либо Бог.

4 марта 1998

Сегодня был такой радостный и счастливый день, что страшно поверить, потому как говаривала мама: “Боюсь, боюсь, я не привыкла к счастью”. Не только боюсь, но и думаю, как же это я умудрилась прожить здесь 10 лет и так и не найти приличной работы, хотя бы и горничной, да в другом месте. Мой отель, где я проработала 7 лет, видимо, наихудшее место, какое только можно было найти. Недавно я послала заявление в самый первоклассный отель в Сиэтле, который называется “Four seasons” (Четыре сезона). Возможно, потому, что меня все здесь запугивали, особенно с первых дней, мне и в голову не приходило обращаться туда за работой. Но вот когда я была в бюро по трудоустройству, одна дама там сказала мне: «Попробуйте в «Четыре Сезона». И вдруг я смирилась – ничего мне больше не светит. Хватит сидеть в этом мерзком «Кемлине» (моём отеле), будь что будет, и я оставила своё заявление в этом роскошном здании на 5-й авеню. Сегодня я была там на собеседовании. Начальник отдела кадров – молодой человек с умными глазами, не противный, не заштампованный, как наш Крис. Говорил со мной пять минут, потом пригласил начальника отделения, где работают горничные. Говорил он со мной так: «А почему вы раньше к нам не пришли? Это ваше место. Вы будете довольны. Сколько вы получаете в «Кемлине»? 7, 60 в час? У нас это будет вам для начала, через шесть месяцев будет 9 долларов в час». И т.д. и т.п. Конечно, со мной и на прежних собеседованиях так говорили, а потом отказывали, но меня обнадеживает, что он чёрный, а они так редко врут. К тому же, если он работает в таком престижном отеле, значит это место, где нет дискриминации. В нашем отеле, я слышала, говорили, что чёрные должны быть только на кухне и там, где их не видно. Ну да посмотрим. Я думаю бросить всё к чёрту и работать у них, если возьмут. За стариками буду ходить, чтобы накопить денег. Этот чёрный начальник, его зовут Кевин, сказал, что у них не бывает так, как в «Кемлине», чтобы по несколько месяцев сидеть почти без работы. Подумать только, я семь лет, каждую зиму думала, что пойду по миру. Посмотрим. Возможно, будет труднее, чем в «Кемлине», особенно сначала. Но, может быть, станет полегче с деньгами. Я так устала биться и бояться.

12 марта 1998

Вчера я одержала маленькую победу над собой и над ситуацией десятилетнего отвержения. В Брайн-школе состоялась встреча с суперинтендантом Стенфордом. Я писала ему письмо год назад и осталась без ответа. После того как узнала о предстоящей встрече, истерзалась, как Гамлет, выступить перед ним или не выступить, решила выступить. Накануне написала небольшое письмо с основными положениями своего протеста и просьбы. В школе весь день голова была абсолютно пустая. Вечером в гимнастическом зале школы собралось не меньше 200 человек – родителей, учителей и разных работников образования. Появился Стенфорд. Лет 45, не больше, а то и меньше, чёрный красивый человек. Говорил он о бессмысленных тратах в школьной системе, о трудностях с деньгами и с помещениями. Потом начались вопросы. Кто-то что-то говорил, я почти не слушала, голова опять была удивительно пустая, но я чувствовала, что буду говорить хорошо. В определённый момент я подняла руку. Извинилась за свой английский. Сказала, что русская, имею учёную степень, равную степени мастера в Америке, имею стаж около 18 лет в преподавании и что не могу 10 лет получить соответствующую работу, как и сотни других высоко образованных иммигрантов, вынужденных наниматься дворниками и горничными. Сказала, что глубоко сочувствую американским учителям и школьникам из-за отсутствия

хороших условий в образовательной сфере. Сказала, что считаю всех учителей героями и мучениками. Сказала, что в Союзе было очень хорошее образование, и так как холодная война закончилась, то не пора ли начать обмениваться опытом. Почему бы американским поборникам образования вместо того, чтобы держать русских учителей в уборщицах, не попробовать нанимать их на работу как учителей. Может быть, мы имеем что-нибудь положительное и полезное в наших правилах обучения. Зал слушал в безмолвии. Стенфорд стоял близко ко мне и смотрел на меня. Когда я закончила, он сказал, что знает о том, как далеко впереди русские в образовании и спросил: почему? Я тут же вставила, что могла бы помочь ему понять почему и что одной из главных причин отставания американской системы есть игра и расслабленность тела ученика, которая приводит к расслабленности ума и мышления.

Потом он долго говорил, что надо постараться поднять стандарты в школе, что надо ввести иностранные языки в младших классах и т.д. И один раз во время своей речи, уже после всех вопросов и ответов, почему-то показал в мою сторону и сказал: "Как мой русский друг и коллега, я понимаю это". А что он понимает, я не слышала, потому что сидела в полнейшей прострации после своего выступления. Когда встреча закончилась, я подошла к нему и отдала свой конверт с обоими письмами. Он пожал мне руку и сказал: "Мы ещё вернёмся к этому". Я ушла. Сегодня в школе наблюдалось заметное изменение учителей ко мне. Я чувствовала, что они растеряны и не знают, как меня теперь расценивать. Это не охлаждение и не дружелюбие, а какая-то настороженность. У всех, кроме моей Чан Ван, которая мне всё больше и больше нравится, и завуча. Завуч – вполне образованная и приятная дама, которая всегда мне улыбалась и разговаривала со мной без всякой надменности. Сегодня она долго стояла со мной в коридоре, где я по заданию Чан Ван развешивала картинки, и говорила со мной. Расспрашивала про советскую систему образования, вполне одобряя её.

13 марта 1998

Вчера было последнее собеседование в отеле Four Seasons. Сначала со мной беседовала Сюзи, она заместитель начальника отдела уборки, бойкая дама, очень профессионального вида. Потом со мной говорил так называемый Брэд (точно произносится как слово «хлеб»). Этот Хлеб с виду очень противный, какое-то желе розового цвета с крапинами голубого студня на месте глаз. Но по разговору оба они мне понравились, и они меня приняли на работу.

Сегодня сообщила Френ, что увольняюсь. По-моему, она была в шоке.

Звонили из нового отеля и сказали, что я должна выйти на работу 26 марта к 9 часам утра. Начнём новую жизнь. Справлюсь ли?

17 марта 1998

Сегодня объявила в школе о своём уходе. Долго объясняла, что нужны деньги, что нужна какая-то определённая и т.д. Во время всех этих разговоров заметила: во-первых, что некоторые из учителей желали бы тоже пойти убирать комнаты в отеле, только бы не мучиться изо дня в день на нелюбимой работе. Довольно много учителей, попавших на это столь тяжкое поприще случайно. Во-вторых, поняла, как много я сама потратила времени и сил (10 лет), чтобы получить работу в школе. Два года назад получила место репетитора, но вместо повышения получила понижение и ухудшение условий, потому что им не нужны такие, как я, надолго, им не нужно стараться удержать нас – найдут, и весьма легко, других.

Сегодня в классе Чан Ван ученикам было дано задание, уму непостижимое. Она раздала им большие листы бумаги с таблицей вопросов, на которые надо ответить. Вопросы такие: название страны, из которой ты приехал, в каком

полушарии находится страна, на каком континенте, площадь страны, границы, океаны, моря, ландшафт, народонаселение, история, политический строй, экономика, искусство, питание, разница между США и твоей страной. Это для 10-11-летних детей, плохо владеющих английским языком. Я старалась помочь одной совершенно очаровательной девочке Стефани из Мексики. Разумеется, она ничего про свою страну не знает, так как живёт в Штатах большую часть своей жизни. Кроме того, она понятия не имеет даже о терминах таких, как полусфера, плато, полуостров, народонаселение, экономика. Она никогда этих слов не слыхала. Ей никто ничего не объясняет. Я стала объяснять, но тут же столкнулась с невозможностью объяснить за 45 мин. все эти понятия, а кроме того мне противно смешивать в кучу всё это для ребёнка и дать ему возможность и дальше учиться подобным образом, ухватывать куски информации с поверхности знания и никогда не углубляться. Вот так они здесь все, включая учителей, нахватались терминологии, не больше, и берутся преподавать. Поэтому и не объясняют ничего, потому что, чтобы объяснять, надо глубоко знать предмет или быть по крайней мере хорошо и широко образованным человеком. Так что моя помощь закончилась тем, что я довольно долго объясняла Стефани, что ей надо проделать большую работу, чтобы заполнить эту таблицу. Что, конечно, она может поставить разные цифры и слова в таблицу, но будет гораздо лучше, если она пойдёт сегодня в библиотеку и почитает какую-нибудь книгу про Мексику. Она слушала с интересом, будто впервые слышала подобные предложения. Они ничего не читают. Совсем не читают. И не понимают, что информация с телеэкрана идёт медленно, значительно медленнее, чем информация при чтении. Не понимают, что телевизор убивает мышление и воображение.

18 марта 1998

Сегодня был второй день обсуждения моего ухода из школы, и я получила ещё пару предложений работать в моей школе, если организую таковую. Так что теперь я чувствую некоторую обязанность перед этими людьми, которые смотрят на меня с надеждой. Фактически, чтобы открыть школу, не так уж и много надо от госучреждений. Не такую школу, где выбрасывают деньги в мусор с тоннами непонятно зачем истраченной бумаги. Такую школу мне не надо. Я хочу доказать, что качество школы определяется не количеством компьютеров в ней, а квалификацией учителей и систематической программой обучения.

Сюзанн Хантер, чрезвычайно умная и приятная учительница, была безмерно удивлена, когда я сказала ей, что меня по существу воспитывала вся страна. Долго восклицала и ахала.

24 марта 1998

Мой сын становится взрослым и, кажется, пойдёт вслед за Валериком по компьютерной стезе. Вот сейчас пришёл домой сверху, где его контора находится, чтобы установить какую-то новую программу на наш компьютер. Говорит, что ему будут давать работу на дом. Он работает сейчас три часа в день в архитектурной мастерской, в нашем же доме на 25-м этаже. И не просто подай-принеси, как я думала, а вот уже и чертить начинает. Интересно и так приятно. Понемногу приходит спокойствие в мою жизнь.

Сегодня был последний день в Брайн-школе. Чан Ван подарила мне блокнот и открытку с подписями. Подписей немного, только четыре. Это интересно, потому что прощались со мной все очень трогательно и искренне.

5 апреля 1998

Что же случилось за последнюю неделю? 26 марта я начала ходить на работу в новый отель. Это ещё не работа, а так называемый тренинг. Как они это делают? Много помпы, разумеется. Собрали нас, новых работников, в очень

красивом банкетном зале, поставили около каждого табличку с его или её красиво написанным именем, графин с водой и льдом, бокал. Всё белое, абсолютно белое. В этой же комнате буфет со множеством разных вкусных вещей: пирожные, соки, фрукты, кофе, чай. Всё в красивой посуде, приборы под серебро. Почти как было в Морозовке у Куликовых в однодневном доме отдыха, только немного поскромней. Вообще, конечно, русской (или, может быть, восточной) роскоши здесь не встретить. Но в нашем случае, если учесть, что среди нас наиболее высокий ранг – это менеджер ресторана, всё обставлено очень демократично и заманчиво.

Посадили нас за столы и началось обучение. Тонкая, худощавая дама, с мужеподобными манерами представилась нам как наш инструктор по имени Крис. Подпрыгивая и выбрасывая поочерёдно то левую, то правую руку в такт словам и ударениям по тексту, она сообщила нам, что мы перво-наперво должны запомнить, что работаем в одном из самых первоклассных отелей США и мира. Последнее есть явное преувеличение, что подтверждается моими дальнейшими наблюдениями. Однако в первые дни Крис только и делала, что вспрыгивала и выкрикивала: «Мы должны помнить, что работаем в одном из самых лучших отелей мира!». Она очень старалась вбить нам в голову эту идею и требовала, чтобы мы отвечали ей хором.

На следующий день она проверяла наши знания и выдала вопросы, на которые нам было трудно ответить, потому что в процессе муштры мы их никогда не касались. Вопросы, однако, были интересные, например: «Где находится аптечка первой медицинской помощи? Где находится на этаже огнетушитель? Кому надо сообщать о несчастном случае?». Когда мы спрашивали её где же всё это найти, оказалось, она в затруднении, когда спросили другого инструктора, Майка, он также не знал как ответить. Это удивительно, но для меня уже закономерное, так как я заметила, что здесь основные, жизненно важные элементы информации принято скрывать. Это просто их стиль – всё важное продавать. Хочешь спасти свою жизнь – плати специальным службам – вот и всё. Ещё один день был посвящён так называемым играм обучения. Первая игра заключалась в том, что нам выдали разные листки с таблицами. В каждой клеточке таблицы написан вопрос типа: «Как фамилия и имя главного менеджера устричного ресторана или сигарной комнаты? Кто ездит на голубой машине? Кто знает, что значит химическая опасность?». Крис зачитывает вопрос, а мы, по типу лото, находим в своём листке такой вопрос и бежим к кому-нибудь, кто, например, знает имя главного менеджера, чтобы он или она поставил в нашем листке свою подпись. Очень глупая игра, потому что никто не давал никаких ответов, просто суетились и бегали, но это у них тоже система – бегать и суетиться – значит учиться. Им неведом факт обратного действия – суета лишает человека раздумий, лишает концентрации, да и вообще способности мыслить. А может быть, всё так и задумано. Вот что меня тревожит: может быть, всё так и задумано – отбить всем мозги, совсем отбить.

На другой день была игра, которая меня практически вывела из себя, и я почти рискнула возможностью остаться в этом отеле. Крис принесла нам собранную из (лего) кубиков фигурку человека, положила на стол, разделила нас на две команды, выдала каждой команде разобранные кусочки и сказала, что мы должны собрать точно такого же человечка. При этом из каждой команды был выбран человек, назначенный наблюдать и записывать свои наблюдения (разумеется, не свои, а отмечать галочками уже приготовленные наблюдения). Собирать должны так: можно посылать одного человека в одно время смотреть на фигурку, чтобы сообщать команде как собирать. Ни трогать фигурку, ни поднимать нельзя.

В нашей команде, как на грех, было двое очень инициативных ребят: девушка с длинными ногтями, как у Маруси, и парень из Японии, очень шустрый и нахрапистый. Оба они мгновенно набросились на куски пластмассы, длинные ногти и сухощавые руки японца замелькали перед нашими глазами. Аменда, женщина из Боснии, бывший инженер, быстро сообразила, что надо сначала знать как складывать, а потом складывать. Она пошла и стала рисовать кубики, но эти двое не давали ей и слова сказать. Я несколько раз тоже что-то вякнула по поводу системы, но это слово не входит в концептуальный словарь местных, да и не местных, но современных пробивных людей, которые по непонятным причинам без всяких систем всегда впереди и всегда выигрывают.

Короче говоря, мне просто плохо сделалось после двух часов наблюдений за длинными ногтями и жёлтыми тощими руками, мятущимися в неправильных попытках собрать человечка из пластмассы. И надо же было мне произнести следующее: “Я просто не рождена складывать головоломки. Если они наняли меня делать подобные вещи, пусть увольняют”. Крис имеет острый слух, как и положено, она услышала и ответила мне довольно угрожающе: «Ты очень резка, Ирина».

С тех пор она смотрит на меня с подозрением. Её подозрение, конечно, увеличилось и после того, как я вслух и при всех спросила директора коммерческих связей, который благодушно предложил нам задавать вопросы на очередной лекции, будут ли они развивать связи с Россией. Кроме того, я добавила, чем, вероятно, очень их всех обидела, что русские сейчас имеют деньги, а хороший вкус они имели всегда.

В четверг мы работали с горничными, которые нас должны были учить как правильно убирать комнаты. Мне досталась Марион, женщина лет 45 с прекрасными чёрными волосами и прекрасными голубыми глазами. “Американка?”. – “Да, я одна здесь американка”. Все остальные филиппинцы, китайцы, индусы, вьетнамцы. Русских не встретила, показала на одних, но оказалось – из Боснии опять же. Пошли мы с этой Марион убирать. С места в карьер она заставила меня чистить ванну, мыть стаканы и менять занавески в ванной. Проверять мою работу, она каждый раз находила волос где-нибудь. Я проверяла после того, как заканчивала с очками на носу, стоя на коленях, и всё равно она находила. Один раз я заметила, как волос с её собственной красивой головы упал на занавес в ванной, а потом в ванную. Сказать невозможно – будет врагом на всю жизнь. Лыстила ей как могла. Лесть, разумеется, действует безупречно. К концу нашей работы в пятницу она была мне почти другом. Сообщила, что Кэвин (наш босс) – совсем необразованный и очень завидует любому образованию. Будь осторожна, сказала она мне. В одной из комнат, цена которой за ночь составляет 800 долларов, нижний подзор на кровати выпачкан кровью. Марион сказала, что она сообщала об этом много раз, но воз и ныне там. Вот тебе и лучший в мире отель.

8 апреля 1998

Уже несколько дней ползаю на коленках – чищу туалеты в новом отеле. Буду называть его для краткости (это его другое название) «Олимпик». В понедельник Марион была выходная, поэтому ко мне прикрепили какую-то мексиканскую девушку по имени Сюзанна. Она удивительно красивая и удивительно неприятная. Какая-то тупая, а гонору хоть отбавляй. Говорит со страшным акцентом. Замучила меня складыванием полотенец и полированием стаканов. При этом она вытирала пятна на стаканах своим передником, а полотенца складывала на полу.

Встретила двоих русских: Регина и Функус. Спрашиваю последнего – ты русский? Да, я русский. “Что-то я такого русского имени не помню”, – говорю я

ему. Он отвечает: “А это татарское имя”. И что бы сразу сказать, что татарин. А эта Регина, когда я сказала, что ей сам Бог велит пробиваться в «Олимпике», а там, возможно, и в Москву поехать работать, ответила, сморщив нос: “Фу! Я ненавижу Москву! Я была там два дня в прошлом году – вонючий город”. Вот как интересно. Здесь им ничего не воняет, здесь всё хорошо. Здесь ползать на коленках и мыть полы до дыр – это хорошо (здесь никто денег даром не платит), а вот в Советском Союзе им платили, а они всё жаловались. Это новое поколение иммигрантов. Просто нахалы. Их привела сюда надежда разбогатеть. Им всё равно, что здесь воняет в сто раз больше, но, что важно, здесь пахнет деньгами. Это правда, особенно в «Олимпике».

С понедельника занимаюсь с Джоном русским. Он через месяц едет в Киев. Хочет научиться говорить свободно за 10-20 часов занятий. Чисто американский стиль. Я натаскиваю его на терминах и выражениях типа: “Дамы и господа, разрешите приветствовать вас на заседании нашей секции”. Потом ему нужны такие слова: параметры, крепёжные детали, гайки, шайбы, рамы, план, ось, разрез, чертёж и т.д. Когда я ему объясняю значение инженерных терминов, мне очевидно, что он не очень грамотен в подобных понятиях. Так, например, когда я сказала, что слово «параметры» может быть применено при описании не только размеров окон и дверей в здании, но и в характеристиках отопления или электроснабжения, он был озадачен и не понял меня. Я всё чаще убеждаюсь: то, что я слышала по поводу своего собственного образования в Лесотехническом институте – чистая правда. Из нас готовили инженеров широкого профиля по дореволюционному стандарту. Нас научили думать и искать то, что нам нужно для решения той или иной задачи. Нам показали разные стороны науки и техники, но в их единстве. Поскольку леззаготовительные работы – это диапазон знаний от ботаники до строительства мостов и железных дорог, от строительных конструкций до техники управления, от геодезии до экономики, от лесоповала до приготовления мыла и нейлоновых чулок.

13 апреля 1998

Сегодня мой второй выходной день после невероятно трудной недели в «Олимпике». Там меня так терзала одна филиппинка по имени Латиша (супервайзер-надсмотрщица), что я в пятницу не выдержала и восстала. Заранее зная, что ни к чему хорошему это не приведёт. Но, как индейцы чероки, – лучше умереть достойно, чем жить в рабстве. Так вот, в очередной раз, когда эта самая Латиша вернула меня в уже сделанную комнату и начала мне показывать, как надо складывать полотенца, разворачивая уже сложенные и складывая точно так, как было: “Моя милая, вот так надо складывать полотенца, вот так, чтобы ни один маленький кусочек не выглядывал из-под другого, вот так, моя милая. Надо меня слушать, если не будешь слушать, опять будешь делать ошибки”. Я сказала ей на своём очень формальном английском с тем акцентом, который мы привезли из России и который ближе к британскому, чем американский: “Я слушаю вас, моя милая, но не могу ручаться, что в следующий раз не повторю снова этой ужасной ошибки, потому что я не машина. Но хочу вас предупредить, что если вы будете так проверять мою работу, мне придётся уволиться, а я ведь хороший работник и знаю это, так что ваш отель много потеряет”. Так говорить меня научила Америка, и только недавно я дошла до той степени смелости, которая, видимо, здесь почитается как достоинство, отнюдь не как наглость. Она посмотрела на меня впервые без маски фальшивого дружелюбия и спросила почти с отчаянием: “А как же мне вас проверять – это моя работа?”. На это я посоветовала ей обращать внимание на более серьёзные вещи. В следующих комнатах она хвалила меня

непрестанно и показывала действительно важные вещи. Расстались, благодаря друг друга и улыбаясь менее фальшиво. Что будет дальше, не знаю.

Сегодня Митя уехал с Димой в церковь. Я хотела, чтобы он пошёл со мной погулять к морю, но он предпочёл поехать в церковь. Мне немного страшно, что Дима заразит его этим церковным вирусом, который я не могу назвать иначе как тупоумием, но и препятствовать не могу, так как вижу, что Митя очень любит отца, да и тот любит его.

Американцы – это нация, которая возникла в результате страшных, почти нечеловеческих страданий и борьбы за существование. Первые американцы заселяли совершенно непригодную для жизни землю с постоянными смерчами, бурями, наводнениями и землетрясениями. Они пробивались в одиночку через тайгу и пустыню, переходили с жёнами и детьми через непроходимые места, а поселившись, теряли жён и детей в результате налётов индейцев. Индейцы не давали им покоя, а они в ответ превратились в людоедов, буквально изничтожили индейцев, взяли непомерный грех на душу. Вдобавок нет сомнения, что индейцы проклинали их навеки за то, что они отобрали их дикую землю. Белым людям там не было места. Белые люди должны были считаться с индейцами, ладить с ними, как это делали англичане, подзуживающие всех на драку. В результате индейцы вымерли, а американцы возродились из крови и мук, но не людьми, а людоедами. Об этом фильм Оливера Стоуна “Рождённые убивать”. Это трагедия, но я верю в неуничтожимость божественного начала в людях, даже в американцах, поэтому американцам следует перестать кричать о том, что они самые счастливые, надо перестать улыбаться, а признать, как много страданий выпало на их долю. Признать, что, может быть, ситуация, в которую они попали, возможно, по злому умыслу англичан и испанцев (ох, как верно высказывание о пристрастии англичан таскать каштаны из огня чужими руками), трагедия и беда, то, что они были втянуты в кровавую мясорубку, не совсем их вина, но горе, надо пожалеть самих себя и покаяться. Вот тогда мы увидим в них страдальцев и простим их. Солженицын требовал этого от русских, но у русских покаяние было и есть, поэтому они так жалуются всё время. Русским наоборот надо немного американской самоуверенности.

21 апреля 1998

Эта работа убивает меня. Я так уставала только сначала в «Кемлине», а потом совсем привыкла. Теперь всё по-новой. Руки не слушаются печатать. Сегодня помогла одному мужчине открыть дверь. Он попросил убрать его комнату, пока он будет там. Я всегда с недоверием отношусь к таким мероприятиям. Но обошлось всё благополучно, дал мне пять долларов. Спросил, как мне нравится такая работа. Вот интересно, они дураки или не знают, как повежливей выразить сочувствие? Рассказала об этом Аманде из Боснии, такая милая и явно думающая дама. Красивая (инженер по специальности в прошлом). Она только горько усмехнулась и сказала: “Конечно нравится, я всю жизнь мечтала работать уборщицей в отеле”. Вот так мы изливаем друг другу душу.

25 апреля 1998

И месяца не прошло, как я попросилась назад в Кэмлин-отель. По сравнению с «Олимпик» моё старое место – дом отдыха. Это примерно как то, что случилось с нами, когда нас заманили в Штаты, убеждая в том, что мы несчастны в советской действительности. И мы поверили, поверили, что нам плохо. Попросились в США. Короче, «Олимпик» – это так называемый Sweat shop, потогонная система. Мне не нравилось в «Кэмлине», потому что грязно в коридорах, грязные ковры, потому что некоторые работники (большинство) манкируют своими обязанностями. И вот я решила уйти. И снова, как в случае с США, я не слушалась

своего внутреннего голоса, который мне все эти 7 лет говорил, что лучше не трогаться с места, что в другом месте будет хуже, хотя бы потому, что всё предстоит начинать сначала. Но нет.

Что же в «Олимпик»? 50 горничных, из них только одна говорит свободно по-английски. Остальные безгласные рабы с Филиппинских островов, из ненастоящего Китая, а с Тайваня, из Вьетнама. Убеждённые, или заблудшие по поводу коммунистического террора. Бедные там, бедные здесь. Необразованные там, необразованные здесь. Над ними примерно 12-13 надсмотрщиков, все тоже азиаты.

День проходит так. Утром, за полчаса до начала работы горничные стараются подобрать в свои сумки и рабочие ящики всё необходимое для работы. Это шампунь, средство для полоскания волос, крем для рук, шапочки для душа, карандаши, ручки, блокноты, разные бумаги с надписями Four Seasons, потом две бутылки с моющими средствами, потом надо найти тряпки и так называемые тряпки для лица, которыми здесь широко пользуются вместо мочалок. Процесс поиска лицевых тряпок-мочалок превращён в настоящую охоту. Женщины бегают от одного места к другому с потерянными лицами, стараясь найти эти тряпки. Когда из стирки выбрасывается куча таких тряпок, все как мухи налетают, толкают друг друга, вырывают друг у друга эти тряпки, чтобы набрать себе нужное количество. Если не наберёшь, будет трудно работать, потому что никто не хочет помогать. Собрав тряпки, мы выстраиваемся вдоль стен в проходе в прачечное отделение и ждём, когда наши начальники начнут так называемое утреннее собрание. «Летучка» по-советски. Но перед собранием мы делаем общую зарядку. Кто-нибудь из нас вызывается проводить зарядку и за это получает балл. При набирании определённого количества баллов в будущем он или она может быть получит бонус, т.е. денежную премию. Делаем все дружно зарядку, ну точно как в Китае. Потом перед нами начинает выступать кто-нибудь из начальников. Это уже американцы. Их трое в нашем отделении. Один главный – Кэвин, который мне так понравился сначала, потому что он чёрный, и я решила, что все чёрные хорошие. Я забыла, что худшие начальники – бывшие рабы, выбившиеся в люди и забывшие своё прошлое. Вторая – Сьюзи, шустрая американочка, высывающая постоянно язык, когда говорит. Третий – Брайн. Самый, пожалуй, приличный из них или самый образованный. У Кэвина несколько классов образования, и он очень боится потерять своё место.

Его манеры не выдерживают никакой критики. Он шутит примерно так: «Люси, покажи нам как ты танцуешь, ты такая красавица». Люси – старая китаянка лет 60 и выглядит на свои годы, с бледным отёкшим лицом, толстая и неповоротливая. Когда он произносит эти издевательские слова, все дружно смеются. Он замечает, что кто-то не смеётся. Он смотрит строго, протягивает руку в направлении несмеющейся персоны и спрашивает: «А ты почему не смеёшься?».

Иногда он призывает всех к тому, чтобы радоваться жизни. Это звучит примерно так: «Все хором, дружно скажем good morning. Громче, веселее. Ещё раз. Я не слышу радости в голосе. Веселее. А ну ты, вон там, почему не улыбаешься?». Потом кто-нибудь из заместителей Кэвина, например Брайн, начинает говорить: «Улыбайтесь. Мы хотим, чтобы вы любили то, что вы делаете. Если вы не будете любить то, что делаете, вы не будете хорошо работать».

27 апреля 1998

Недолго музыка играла. Вчера меня уволили из отеля «Олимпик». Вот так, дали проработать в страшных мучениях целый день, и ровно в 4, когда я пришла вниз отмечаться, Брайн позвал меня в свой кабинет. Улыбнулся

своей исключительно кривой улыбочкой и сообщил мне, что несмотря на боль, которую он испытывает, ему придётся сказать мне, что это был мой последний день работы, что из-за моего отношения к работе и к окружающим я не могу оставаться в их штате. Прекрасно! Я и сама хотела уйти. Я понимала, что они не будут терпеть меня после того, как я сказала одной из надзирательниц, что мыть стаканы в раковине, куда плюют, негигиенично и против закона. Короче, я влезла в опасное дело, потому что они явная мафия. Загребают дикие деньги, а стаканы не хотят мыть правильно. Просто не хотят. Им надо нагрузить бедных горничных до предела. Так здесь везде. Много начальников, много разных вспомогательных служб. Никто даже бумажку не поднимет. Всё должны делать низы.

В субботу приезжал Дерик. Он похудел, подтянулся и стал значительно спокойней.

Пришла ко мне новая студентка по имени Арчи. Она из Голландии. Живёт здесь вечность. Лет под 60, тоже как я. Возмущалась тем, что теперь нас, престарелых женщин, вытесняют отовсюду. Говорит, надо организовать общество протеста. Интересная особа. Жаловалась на свою неспособность к компьютеру. Пригласила Митю поработать на неё с компьютером. Спросила, сколько он получает в его архитектурной мастерской. Я сказала, 6 долларов в час. Она предложила платить ему 15. Это странно и необычно. Посмотрим. В следующее воскресенье они договорились поехать к ней работать.

Джон дал мне переводить текст тезисов своего выступления, которое он намеревается сделать на совещании в России. Мне интересно переводить инженерные тексты, поскольку это напоминает мне мою работу в Москве. Сегодня утром опять немного читала мировую историю Мите. Удивительное дело. В кратком перечне событий от 1500 по 1800 годы во всём мире Россия отсутствует. Польша есть, а России нет.

С утра по радио говорят, какая тяжёлая жизнь сейчас у русских работников сельского хозяйства. Один русский с апломбом сообщает американцам на смеси русского и неплохого, между прочим, английского, как хорошо они теперь хозяйничают и подчёркивает, что раньше они работали неизвестно на кого, а вот теперь на себя. Но тут же они, надо отдать им должное, дают слово другому представителю полей. Этот говорит, что их хозяйство остаётся государственным, но не получает той помощи, которую они имели при советском режиме. При этом он подчёркивает, что его коллектив сожалеет о прошлых временах. Вот так. Эти поняли, что раньше они работали тоже для себя, но в масштабе страны. Страна принадлежала им. Нам. Мы работали для страны. Я помню, как я хотела работать для страны, как надо мной смеялись, как большинство не работало... И вот это нас убило. Но, возможно, урок капитализма будет таким же быстрым, как все предыдущие, и русские сбросят и это иго.

Вчера Джон Хоган рассказал, что много лет назад был уволен с инженерной должности за то, что поделился со своим коллегой сожалением, что мало платят. Уволили и написали, что за отношение к компании. Дерик рассказал то же самое. Теперь они мне это рассказывают.

30 апреля 1998

Был короткий урок с Джоном. Иногда он приходит буквально на 15 мин., но платит полностью. Вчера Фейт ждала его в машине около моего дома. Мы же сидели в Конвент-центре и говорили о том, как нас обманывает мир. С тех пор как техника пошла по пути электроники, всё можно подделать с микронной точностью, что означает ликвидацию надёжной информации и документации. Теперь все сидят в тёмных комнатах с компьютерами и комбинируют мир как хотят, для информации. Но всё это тускло и скучно. Я хочу быть среди тех, кто

своими глазами видел настоящее небо и настоящую траву. Русские пока ещё такие, поскольку у них ниже техника и выше мораль.

9 мая 1998

Сегодня в России наверняка празднуют День Победы. Здесь молчание. Правда, может быть, и говорят что-нибудь, да мне не хочется слушать: обычно это глупое враньё.

Тут ко мне приходил сын Гали (сестра Оли Антиповой), Коля. Он вырос в Америке. Сейчас ему 26 лет. Говорили о победе над немцами, так он тоже сказал, что американцы победили немцев, потому что сбросили бомбу на Хиросиму. Что-то я, видимо, недопонимаю. Разумеется, японцев они напугали, но немцы к этому времени уже были полностью разбиты и разбиты русскими.

19 мая 1998

Дети в школе пишут истории о своих семьях и о том, как они приехали в Америку. Мне удалось прочитать некоторые из них. Говорю одной учительнице во время завтрака: «Какие грустные истории, ведь у большинства родители были учёными, врачами, адвокатами, а сейчас моют полы». Она мне сочувственно отвечает: «Америка не принимает других, вот они и лгут как могут». Вот так, и мне никто даже не собирался верить, что я имею образование. Надо его было получать здесь. Надо было забыть всё то, чему училась сорок лет.

Несколько детей из Сомали, описывая, как там умирали люди от голода и как хунта убивала людей, закончили свои сочинения тем, что хотят вернуться в Сомали, потому что там безопасней. Девочка из Франции написала, что они приехали в Америку, потому что её папа не мог получить работу в Париже, так как они говорили, что он старый, но она думает, что 49 лет – это не старый для архитектора. Они уехали ещё потому, что в Париже очень грязно. Только вот еда лучше, и маме не нравится в Америке. Несколько человек написали о разногласиях в семьях. Одному родителю Америка нравится, другому нет. Один хочет оставаться, другой хочет вернуться. Почти все написали, что скучают, и что еда в их странах лучше.

22 мая 1998

Вчера ходила в соседнюю школу переводить русским родителям. Каково же было моё удивление, когда родителем оказался тот самый Саша, с которым мы когда-то здорово повздорили, будто бы из-за сушёной картошки, так это звучало. Но было просто столкновение культур. Или, скажем, культуры с бескультурьем. Он дико растерялся, покраснел, чувствовал себя плохо. Эта встреча напомнила мне анекдот о том, как один тип ехал в автобусе в суд, где должно было рассматриваться его дело, и поругался с одним из пассажиров, причём оскорблял того всячески, но когда приехал в суд, то оказалось, что судья и был тот самый пассажир. Ах как вляпался! Так и этот Саша, потому что в нашем тогдашнем споре он был безобразно груб со мной. Однако теперь сидел смиренно, и я не имею зла на него.

28 мая 1998

Сегодня была в одной из школ по приглашению нашего логопеда. Переводила для одной мамы из пятидесятников. Местные учителя справедливо думают, что семья ненормальная. Дочка явно дебильная. Звать Снежана. Но на её собственную дебильность, разумеется, накладывается весь комплекс их американской дебильности, так прочно и глубоко сидящей в системе общественного обслуживания. Пять лет они не обращали внимания на дефекты речи у Снежаны, а теперь навесили на неё целую систему специального обучения. Практически это означает, что она зачислена в разряд больных детей. Это означает, что за

её счёт будут жить и логопеды, и психиатры, и социологи, и разные другие логи и педы. Рита, это наш логопед, весьма приличная и умная дама, явно замороженная всеми этими правилами, понимающая, что всё это туфта, но и не могущая без этих правил иметь даже то мизерное количество часов, которое она имеет.

Час назад в дверь постучал Педро. Митя открыл. Педро сказал, не заходя в комнату, что хочет говорить с мамой. Я вышла в коридор. Там был Педро с собаками. Я спросила со страхом: «Что случилось?». Он, сияя, ответил, что в субботу приезжают его родители обсуждать со мной все предстоящие свадебные мероприятия. Кольцо он хочет покупать в Мексике в декабре, а сейчас просто объявить о помолвке. Говорит, сейчас подарит ей браслет. Позже я позвонила ему и сказала, что всё-таки лучше купить какое-никакое, но кольцо. Я знаю, что по каким-то там странным соображениям, любая женщина хочет кольцо от любимого человека при обручении. В общем, предстоят большие траты и проблемы.

В тот день, когда Педро сделал Марусе предложение, мы с его родителями пошли в бар. Было три пары. Третья – это мы с Димой. На него как-то жалко смотреть. Он очень постарел и очень несчастлив. Пансиано был одет настоящим ковбоем, в белой рубашке, в белом с чёрным жилете, в белых брюках и в белой широконосой шляпе. Весь сам чёрный и красивый. Дима лопотал что-то ему про бизнес, который он, Дима, советует ему начать в Мексике. Было смешно, потому что Дима прекрасно знает про мощный бизнес самого Пансиано. Мария (жена Пансиано) удивительно примитивна и, по-моему, глупа. Вся увешана драгоценностями. Говорит: «Я без Пансиано никуда». А ещё два года назад Педро говорил, что они собирались разводиться, потому что Пансиано хотел её застрелить. Теперь они держатся за руки, как молодые. Но в отличие от Сони с Майклом и Джона с Фейт, у них это очень естественно. Я думаю, что Педро что-нибудь не понял.

Сегодня была в музее на открытии выставки чешского художника Альфонса Мучо. Никогда не слышала. Здесь он был, видимо, очень известен. Народу в музее было очень много. Картины не понравились. Осталось грустное впечатление от того, что талант этого художника, явно большой талант, пошёл на продажу бисквитов. Его картины стали известны, потому что украшали коробки с печеньем, стены в отелях и т.д. Чем-то он напоминает по технике Васнецова или Кулибина. Такая же филигранная работа, тонкая и изящная. Такие же сказочные сюжеты. Но все лица сладкие, какие-то сусальные. Прямо скажем, апофеоз того самого, чему, как говорят, Набоков не мог найти подходящего слова в английском языке – пошлости. Апофеоз пошлости, но не добровольной, а какой-то вымученной пошлости. Будто мастер понимал, что это гнусно, но всё равно продолжал творить гнусное.

Кстати, приём был оригинальный. Было много шампанского, бутерброды, публика восседала посреди зала, где всё это подавалось, и ожидала новых поступлений бутербродов. Как только они появлялись, приносимые официантами на больших блюдах, все сразу поднимались с сидений и дружно хватали бутерброды. Все наряжённые, в кольцах, в цепях и такие голодные. Бутерброды были из хлеба с тонким слоем тёртой моркови с солью и перцем. Но всё это бесплатно, всё входит в тот ежегодный взнос 20 долларов, который мы делаем, чтобы стать членами музея. Странно. Ели и пили в залах среди картин. Я спросила одну даму, почему они разрешают есть среди бесценных (это было в залах с постоянной, поистине бесценной экспозицией) картин, на что она ответила, что, видимо, они думают, что мы взрослые люди. Сразу же после её мудрого ответа мы услышали, как кто-то разбил бокал с шампанским. Интересно, не попали ли брызги и стёкла на картины? Какие они дураки, и как не могут смотреть немного дальше своего жующего рта.

5 июня 1998

Итак, Маруся выходит замуж за Педро. Вчера отправила 31 письмо только в Сиэтл всем, кто как-то знает Машу и любит её. И это ещё не всем. Несколько писем отправила в Москву. Получается даже это дорого. Хорошо что теперь они оба богаче меня, так что будут сами платить за всё. И ещё, видимо, будет платить Пансиано. Как всё было 30-го?

Маша ничего не знала, и мы, как могли, сохраняли секрет от неё. Педро купил скромное колечко с маленьким бриллиантом. Пригласил Машу в ресторан, якобы праздновать их трёхлетний юбилей. Как она потом рассказала, всё было замечательно и торжественно. Ресторан был дорогой, с белыми скатертями и с настоящим певцом, исполняющим классический репертуар. Её подруга Флена работает в этом ресторане. Она как-то ещё до описываемого события спросила Машу, знает ли она, что такое опера. Маша потом сказала, что там оперой и не пахло, но песни были итальянские. Это почти опера. Короче, их посадили за стол, усыпанный красными лепестками роз, среди которых возлежала одна роза с уцелевшими лепестками. Мне интересно, что бы это могло означать. Так среди этих лепестков они поужинали с вином, а потом когда пришло время десерта, Педро вытаскил коробочку с кольцом и сделала Маше предложение. Тут же, одновременно с тем, как он вытаскивал кольцо, к их столику подошёл оперный певец и спел песню про Марию из репертуара Паваротти. Маруся сказала, что он очень старался на верхних нотах, и его было жалко. Поэтому она заставила Педро дать ему 25 долларов. Он был счастлив, и, как Мария слышала, сказал шёпотом своему аккомпаниатору: "Она дала нам 25 долларов". Жаль здешних музыкантов. Этот, например, преподаёт в оперной студии, а по вечерам вот так поёт по ресторанам. Маша, когда мы говорили про это, вспомнила, как она играла на скрипке в ресторане, когда ей было 15 лет, вспомнила, что никто не проявлял к ней никакого уважения, того уважения, к которому она так привыкла в Москве, в музыкальной школе. И этого беднягу, она говорит, даже официанты толкали и грубили ему.

А мы, родители и сестра Педро, Митя и я сидели в это время в Машиной квартире и ели китайскую еду по заказу и думали, что, может быть, Мария и выкинет номер какой-нибудь. Даже я сомневалась. Митя хотел пойти и подсматривать в бинокль. Антония тоже весьма была заинтригована. Наконец, они появились. Такие радостные и красивые. Мы с Митей подарили им дивные розы. А Дима, который тоже появился, ничего не принёс и сказал Маше фразу, за которую его следует убить: "Не обольщайся". Маша очень расстроилась, долго допытывалась, что это значит, хотя прекрасно поняла, отчего и расстроилась. Я, как могла, старалась объяснить ей, что мы другое поколение, что нас никто никогда не учил, как жить в браке, что нам только и твердили со всех сторон: "Не обольщайтесь, брак убивает любовь" и т.д. и т.п. Думаю, что у Маши будет всё хорошо, она очень умная и практичная, но в то же время достаточно романтична, чтобы не превратить брак в кухонную банальщину.

Вот сейчас приходила. Делала на компьютере приглашения на торжество по поводу обручения, которое они собираются устроить 20-го у нас в доме, в мезонине. Народу набирается много. Не знаю, как поместятся.

11 июня 1998

Сегодня в школе наблюдала сцену: девочка лет 11 лежит на полу, пишет что-то в тетради и сосёт большой палец левой руки. Причём лежит она прямо головой на тетради.

Ещё несколько детей полулежат вокруг и царапают в своих тетрадах. Это у них называется самостоятельная работа вне класса. Подозвала Елину и

показала ей. Костя всё время говорит теперь о том, что хочет уехать в Россию и не возвращаться. Там, говорит он, я учился хорошо, потому что понимал всё. “Здесь ничего понять невозможно”. Внизу висят картинки, сделанные первоклассниками: лошадь с выпрыгивающими из её живота людьми. Это они писали сочинение о Троянской войне. Надо видеть, как это написано. Я думаю, что их познания об этой войне так и останутся на этом уровне. И способность писать не улучшится. Их совсем ничему не учат, а просто засыпают информацией, которую они не в состоянии переварить. Плюс телевизор и компьютер. Так они и становятся полусумасшедшими, особенно такие, как Костя, которые не просто как обезьяны живут и повторяют истории про Троию без каких-либо мыслей в голове, а думают. Костя всё время говорит, что у него трудная жизнь. И это правда.

16 июня 1998

Вчера был последний день в Брайн-школе. Опять трогательно прощались. Лорен выдала мне книгу учащихся об их историях прибытия в США. Она молодец, провернула огромную работу. Трудно там работать, потому что всё глупо и неправильно, но у меня уже появилось много тёплых дружеских связей.

Сегодня мой выходной. Надо готовить пирожки для предстоящего торжества по поводу Машиной помолвки. День прекрасный. И прекрасный ещё потому, что Митя внял моим уговорам и не поехал в школу на машине.

О, да! В пятницу ходила на собрание социалистов. Так убого. Окончательно поняла, что убого и глупо. Говорят всё время про борьбу против капитализма и империализма. Но при этом никогда не упоминают куплю-продажу, что и является основой капитализма. Это даже Мите ясно. Я спросила его: “Что есть капитализм?”. Он ответил: “Реклама”. А эти дураки орут и требуют независимости наций, Северной Ирландии, Хорватии, Македонии, Албании. Когда же я спросила собрание, что станет с этими малыми нациями? В состоянии ли они быть независимыми? И от чего и от кого независимыми? Председательствующая дама посмотрела на меня таким твёрдым и злым взглядом, какого я не видывала в Советской стране, и перевела течение собрания в прежнее русло борьбы за независимость. Они говорят о притеснениях в Сов. Союзе, ничего не зная об этом. Их осведомлённость смехотворна, их самоуверенность жалка, их намерения и агрессивность страшны. Хочу послать им свой манифест, а также написать короткую справку о капитализме с призывом ходить на демонстрации не по поводу свободы в Тибете, а по поводу снижения квартплаты в США, прекращения издевательств и волонтаризма со стороны квартировладельцев и работодателей, по поводу ликвидации порнографии и азартных игр, по поводу проституции и глобального одурачивания потребителей. Однако я подозреваю, что такие демонстрации запрещены полностью, даже под руководством полиции, как разрешены все остальные марши.

22 июня 1998

Помолвка была шумная и многолюдная. Приехали из Орегона родители Педро, его двоюродные сёстры и Антуанетта. Его мать всё больше и больше озадачивает меня. И если действительно генетика такая сильная вещь, то Маше очень скоро надоеет её Педро, который, как глупый щенок, трётся около неё. Мария Эспиноза – как гордо звучит, но глупа до невозможности! Каждый раз при встрече спрашивает меня, дорого ли съездить в Москву, а когда я отвечаю, что около 2 тысяч, она реагирует по-разному. Один раз скажет: “Ах как дорого”. Другой раз скажет: “Ах как дешёво”. Что ещё я слышала от неё? “Я люблю, чтобы нигде пыли не было”. Вот и всё. При этом она часто хихикает, как девочка, и вращает глазами, как неваляшка. Вообще она очень похожа на

бывшую когда-то в моде куклу-неваляшку. Толстенная, щекастая, глазастая, весёлая. Но за этой весёлостью нет грусти, как я думала, а одна пустота. Её сын Педро – копия она. Вот ужас!

Пансиано необразован, но в нём чувствуется природный ум. Тот ум, который, кстати, я нахожу самым ценным. А другого ума и не может быть. Всё остальное наносное, часто от образования или от полубразования. Пансиано страдает, как все, кто имеет ум.

В субботу было торжество по поводу помолвки. Была смешанная компания. Провинциальные мексиканские девушки, хиппи с Бродвея с кольцами в носу, голубые, старички, как Чак, Дерик, Стефани и я. Дерик был само очарование. Сказал после вечера, что хочет организовать с Димой клуб отвергнутых мною мужей. Если бы это не был Дерик, можно было бы обидеться. С Викторией говорили по поводу переезда (всех нас) в Машин дом, который мы будем смотреть через два дня. Я всё думаю, как бы договориться с молодыми по поводу некоторых правил в доме. Иначе жить вместе будет невозможно.

Митя купил замечательный фотоаппарат, о таком я даже и не мечтала. Он даже спит с ним в обнимку. Так, я помню, он спал с лыжными ботинками, которые я когда-то ему купила. Вообще он сейчас очень счастливый ребёнок. Все его любят, всё складывается удачно. Пансиано предложил ему поработать летом у него. Долго говорил, правда, о том, как это трудно. И какая это мужская работа не для слабаков. Я верю, Митя не подведёт. Педро злится, завидует и всё время предрекает, что Митя не выдержит. Педро воспитывался Марией Эспинозой, а Митя воспитывается мной. Большая разница.

1 июля 1998

Позавчера произошла неприятная сцена (соята по счёту) между мной и Педро. В этот вечер я поехала отвезти птичку, которую обещала Елине. Провела у них вечер, удивляясь, как они, совсем некультурные люди, живут какими-то ценностями, которые далеки от моих собственных детей. Увлекаются природой, художественной съёмкой восходов и закатов, горами и т.п. Они отвезли меня на Квин Эн и там фотографировали дивный закат. Так вот, после всех этих приятных и даже каким-то образом возвышенных моментов, я пришла к Марусе. Они с Педро, как всегда, ели. В этот раз они не пили пива, а ели мороженое с вишнями. Педро сидел, раскачиваясь на стуле, и плевал косточки через плечо, стараясь попасть на улицу через открытую дверь балкона. Я не выдержала и сказала, что не следует плевать на балкон. Мария тут же встала, вышла на балкон и тоже начала плевать на улицу косточки. Я возмутилась и сказала, что это нарушение всех правил приличия, так же как и их манера ходить с открытыми попками. На это они в один голос сказали, что это разногласия между отцами и детьми и что, мол, я старая, а они молодые. Я думаю, что читателям Тургенева станет смешно.

Я ушла, а вчера сказала Маше, что она должна подумать, выходить ли ей замуж за человека, который нарочно и сознательно попирает все правила культуры. Я сказала ей это по телефону. Она бросила трубку. Вечером пришла, и мы долго говорили.

Она говорила о том, что ей надоела моя опека, что с детства она слышала только одни поучения и нравоучения, что устала от этого. Она сказала, что согласна с тем, что Педро невежлив со мной, что он груб и неотёсан, но что ей именно это и нравится. Она сказала, что он её вторая половина, и она не представляет жизни без него.

Я в свою очередь напомнила ей, что её детство – это была полная свобода, кроме воспитательных мер и объяснений, что хорошо, а что плохо. Она тут же сказала, что благодарна за это. Ещё я напомнила про скрипку. Я сказала, что

понимаю, что она не может читать, но не понимаю, почему она предала свой талант в музыке. Ещё я сказала, что не хочу разбить её свадьбу, а хочу, чтобы она подготовила себя к тому, что **ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ**. Я сказала, что не хочу повторять ошибку своей матери, которая не остановила меня ни от одного моего глупого брака, а просто говорила: “Ну ничего, разойдётся”. “Я хочу подготовить тебя к тому, что спущенные штаны Педро – это на всю жизнь, что его манеры, от которых будет тебя тошнить, – на всю жизнь”. Она задумалась. Ещё я поставила перед ней дилемму: если Митя женится на девице из так называемого white trash, что тогда она, Маруся, будет делать? Сейчас она распознаёт этих девиц за одну минуту и больше часа общаться с ними не может. Такова Димиана жена. И что тогда? Маруся любит Митю, но что она будет делать с его женой?

Такая у меня проблема даже с моей собственной сестрой Таней. Никогда не выходило ничего хорошего из наших попыток общаться. Не стоит даже стараться. Даже с моим Серёжей не так безнадежно, потому что он, при всех наших разномнениях, человек культурный. Даже с Димой было не так.

Сегодня утром я отнесла Маше срезанные на балконе розы. Она очень веселая и добрая. Я сказала, что постараюсь больше не говорить ни о Педро, ни о их манерах, пусть живут как хотят. Так, видимо, мне надо поступать и с Митей. Он уже совершенно не переносит моих нравоучений. Будем надеяться, что Лев Толстой прав, и что все понятия добра и зла закладываются в ребёнка до 3 лет. Но наш великий мыслитель даже представить себе не мог телевизионно-компьютерной среды.

7 июля 1998

Митя в Орегоне. Звонила несколько раз. Говорит, что трудно. Маруся и Педро ездили туда на 4-е июля. Говорят, что Митя много спит после работы, а потом ночью ходит есть на кухню. Маша рассказывала это со смехом, а я обиделась. Так же я вчера обиделась за Марусю, когда Марина сказала ей (видя её второй раз в жизни) следующую фразу: “Маша, ты так хорошо сложена, но почему у тебя живот?”. Маша ушла обиженная, я тоже обиделась. И вообще у меня с Мариной, наверное, ничего не получится, как вообще почти ни с кем не получается.

Вчера Марина приехала ко мне, и мы провели с ней вечер. Было ужасно, и у меня до сих пор неприятный осадок, хотя я понимаю, что ей сейчас во сто крат хуже, чем мне. Вот написала это и думаю, что позвоню ей. А сегодня утром думала, что ни за что не хочу больше её видеть. Наши разговоры с ней примерно такие. Говорит в основном она:

“Моя подруга Лика, которая руководит моей жизнью, не очень любит ходить по магазинам. Я же как приду, как лягу на прилавок с бриллиантами, так и не могу отойти. Эта Лика отбила мужа у своей подруги, потом разошлась с ним и вышла замуж за армянина. Красивый, но мозгов нет. Потом она выменяла квартиру, чтобы жить рядом со мной. Женька сделал навес над нашим балконом, за который нас трижды вызывали на товарищеский суд, потому что наша соседка жаловалась, что вода теперь стекает с нашего козырька на её балкон. А Галина Вишневская – она такая деловая и пробивная, она поставила Ростроповича на ноги. Вот когда он начал спиваться, она за ним по ресторанам бегала, а потом выставила его в Америку”. И вот так без конца и сплошные повторы. Зацепив одну тему, она переходит на другую с лёгкостью младенца, рассказывает всю подноготную нового персонажа, затем описывает всех родственников и знакомых этого нового персонажа, совершенно не заботясь, интересно ли это кому или нет. И без остановки.

11 июля 1998

Митя уже дома. Не выдержал или не захотел. Я помогла ему, когда звонила и выражала беспокойство за его здоровье. Чистый заработок был 60 долларов. Не густо. Сначала (только вечер прибытия) Митя был какой-то повзрослевший и будто бы переоценивший многие вещи. Теперь всё то же самое. Спит до полудня, потом сидит у телевизора до полуночи. Я возмущаюсь и, видимо, делаю только хуже. А как быть? Созерцать равнодушно? Не могу. Надо, видимо, расстаться, как это было с Валериком. А потом он будет с горечью говорить, как Валерик сказал мне, когда я была в Москве: “Я всего добивался сам и только некоторые добрые люди помогали мне”. Разумеется, я со своими криками и призывами к самосовершенствованию, к добру и труду в число тех добрых людей не вхожу.

Читаю “Былое и думы”. Никогда внимательно не читала. Теперь не могу оторваться. Будто бы разговариваю с мамой или с Ольгой Владимировной. Будто это они и написали, а не Герцен вовсе.

Митя читает из-под палки “Овода”. Тут признался, что вовсе не любит читать. Так много замечательных книг мне удалось в него впихнуть, и всё-таки он не любит читать. Так и не полюбил. Он любит телевизор. Если я читаю каждую удобную минуту, он смотрит телевизор каждую удобную и неудобную минуту. Сегодня, смотрю, он вышел из ванны с полотенцем вокруг бёдер, без трусов, лёг поперек кровати и смотрит телевизор. Я думаю, это от трусости. Здесь очень воспитывается трусость. Нация трусов без трусов.

У Герцена написано, что Гарибальди говорил ему, мол, Америка – это конец. “Америка – страна забвения родины”. Это правда. Кто попадает сюда – перестаёт жить, становится лишь винтиком в автомате для продажи кока-колы.

28 июля 1998

Стоит страшная жара, которую я, однако, переношу довольно легко. Это странно. И ещё одна странная вещь: когда я двигаюсь, мне легче переносить жару. Например, вчера в отеле все буквально умирали от жары. Ходят красные, потные, плачут, стеноют, всё время норовят присесть и пить холодную воду. Вот это питьё тоже, по-моему, делает только хуже. Ведь продавали же на наших восточных базарах кипяток под палящим солнцем. И я сама видела в Туркмении, как под деревьями сидят и пьют горячий зелёный чай. В связи с этим воспоминанием я приготовила сейчас себе зелёный чай и поставила рядом с компьютером. Пыталась поделиться опытом с Митей, но тщетно... Он всё сам знает. Одна надежда, что всё равно что-то да западает. Потом, потом, лет через тридцать.

Митя часто, очень часто напоминает Диму отсутствием чувств. Однако я очень неправа, что говорю ему об этом. Но что делать, не знаю.

29 июля 1998

Всё думаю про Герцена и про его “Былое и думы”. Он чрезвычайно умён и остроумен, жёлчен, но... Как это странно, что отсутствие веры делает людей глупыми.

Читаю сейчас Тургенева. “Записки охотника”, которыми давилась в детстве. Теперь читаю с наслаждением. Вот нашим монархистам надо бы почитать русскую классику, чтобы перестали воздыхать об убиенном царе. Недавно в России были похороны останков царя. Церковь не присутствовала. Меня это порадовало. Может, понимают, что именно Николай и никто иной (да и все наши баре) ввергли Россию в кровавую революцию 17-го года. Герцен однажды выпивал в кругу иностранцев, среди которых был американец. Этот американец приготовил какой-то коктейль, как Герцен описывает, гремучую

смесь из различных непищевых химических продуктов. Только один Герцен имел мужество выпить зелье, на что ему довольный американец сказал: “Только мы – русские и американцы – умеем пить”. Герцен пишет, что в этот момент ему хотелось добавить, что у нас есть ещё одно горькое сходство: “Только русские и американцы умеют бить своих слуг до смерти”.

Читала в журнале про китайцев-иммигрантов в Нью-Йорке. Их переправляют из Китая разные смаглеры за 1500 долларов с души. Перевозят буквально как негров на невольничьих судах, в трюмах, без еды и питья. Здесь в Нью-Йорке их запихивают в подвалы по 20 человек в комнате без удобств. Нанимают на работу на фабрики пошива одежды. Платят копейки, никаких прав, никаких условий. Один рассказывает, что во время работы он отрезал себе несколько пальцев на руке. Получил по 50 долларов за палец, а потом был уволен. Так как они прибыли нелегально, они никуда не могут обратиться за правосудием, да и нет здесь никакого правосудия, если у тебя нет денег.

Всё больше и больше прихожу к убеждению, что эта страна – страна дикарей, монголов во времена Чингисхана, только с той разницей, что они сидят не на конях, а в машинах. И вот сюда я привезла своих детей! Эта боль никак не проходит. Молось за исход отсюда. Вот уж поистине еврейская судьба.

1 августа 1998

Вчера мы были на обручении Лори, дочери Марусиных хозяев. Очень было приятно, хотя на удивление невкусно. Они очень богатые люди, однако не любят возиться, поэтому пригласили целую цистерну – печку с обслугой. В печке постоянно горячими содержатся мясо на рёбрах и куры. Гости подходят к цистерне, и им выдают всё, что они хотят, т.е. столько мяса и кур, сколько они пожелают. Мясо и куры очень мягкие, но без всякого вкуса, даже не солёные. Обед происходил в доме Джея, где с сентября будет жить Маша. Столы стояли на большом дворе. Двор поистине прекрасный. Дом не очень. Интересно, что ни одно окно в доме не открывается. И надо учесть, что дом порядка полмиллиона стоимостью. Гости все были в основном из их магазина. Джен и Ал (родители Лори и Джея) очень приятные евреи.

Сейчас у меня в квартире сын Виктории Андрю. Вот тоже продукт времени и системы. Тим привёз его ко мне посидеть с ним до завтра. Мальчик послушный и тихий. Очень послушный. Когда мы с ним поставили фильм, и я увидела жуткие сцены, то сказала, что, по-моему, не следует смотреть такой дикий фильм. Мальчик моментально подчинился, но с такой затаённой злостью, что я испугалась и предложила ему принять решение самому. На это он ответил мне, что он никогда не решает ничего сам. Опять с затаённой, тихой злобой. Вот так они и растят убийц или просто подонков с камнями за пазухой.

2 августа 1998

Сегодня Сэнди, одна из наших работниц в отеле, причём одна-единственная, которая училась и продолжает учиться (ей уже под 30), спросила меня: «Это правда, что водку делают в России?». Я не поняла вопроса. “Экспортируют из России?” – “Да, я думаю, что водку делают только в России”, – ответила наша образованная Сэнди. Она очень удивилась, когда я рассказала ей про спирт и как его получают, также она очень удивилась, услышав от меня, что существуют органические вещества и химические, синтетические. Это не первый раз мы так разговариваем, и не только с ней. Они слушают, удивляются и не верят. Или не доходит. Что-то заблокировано в их мозгах. Потом пришёл Джон, это наш белмен, иными словами – бой. Этому «бою» около 45 лет, не меньше. Довольно образованный по здешним меркам. Знает, кто такой Шекспир и говорит по-испански. Читать и писать не может, но говорит.

Когда-то служил в армии и был кодировщиком, сигнальным кодировщиком. Странная личность. Такой же у нас повар по имени Тод. Он знает немного русский, тоже служил в армии. Готовить совершенно не умеет, но занимает должность, видимо, за заслуги в армии. Джон сказал нам, что мы должны быть осторожны, потому что вчера в женской раздевалке был обнаружен незнакомый бродяга. Как когда-то лет 6 назад такой бродяга заснул у нас в прачечной между потолком и перекрытием, а утром потолок провалился, и он выпал прямо на стиральные машины перед глазами изумлённой публики, работавшей в прачечной. Ну, конечно, мы слышали это сто раз. Я не выдержала (о, Боже, когда же научусь молчать?) и говорю: «Нам уже давно обещали замок на дверь раздевалки и всё не поставят». Джон сделал весьма решительное и смелое лицо и предложил нам всем написать коллективное письмо в профсоюз. «Надо давить на начальство», – добавил он, иллюстрируя давёж кулаком о стол. Я опять не выдержала, вернее, тут я уже и не собиралась выдерживать. Говорю: «Вот я дважды пыталась давить на начальство и дважды получила выговор». – «Надо было жаловаться в профсоюз», – загорячился Джон. Его обычно мутные глаза немного попрозрачнели, а жёлтые огромные зубы, казалось, издавали металлический скрежет: «Вы знаете, что случилось в Детройте? Вы согласны с этим? Конечно, согласны. Они объединились и выиграли. Вот так. Надо бороться». Джон пододвинулся ко мне и как-то набок стал прислушиваться ко мне. Особенно близко он придвинулся, когда я сказала устало: «У каждого есть своё оружие». Я не успела закончить, он так радостно закивал головой и переспросил: «Так, так?». – «Моё оружие – есть слово, понимаете, слово!». – Я сказала это громко, чтобы слышали мои сотрудники, а то ещё придумают, что у меня есть оружие. Джон разочарованно отъехал на дистанцию. Потом заговорили о страхе. Я сказала, что здесь больше страха и нет свободы, что в России было в сто раз свободней в моё время. Он тут же опять загорелся глазами и запел их вечную память Сталину. Я удивила его немного, напомнив, что Сталин умер в 1953 году, и с тех пор никто никого так жестоко не карал, особенно так жестоко, как здесь за малейшую провинность. Опять я столкнулась с блоком в мозгах. Может быть, им и правда прививки какие-нибудь делают, чтобы они не думали совсем, а как попугаи повторяли?

6 августа 1998

Итак, сегодня Марусе исполнилось 22 года. Подумать только! Она сегодня позвонила из Микмилвила. Они уже накатались по диким местам и, слава Богу, остановились в доме Пансиано. Говорит, утром Педро разбудил её громким пением под гитару. Пел громко и плохо, играл и того хуже, но разбудил весь дом и дал всем знать, что у Маруси день рождения. Потом он приготовил ей яичницу на завтрак. Маруся говорит, что все сидели и ели нормальную яичницу, которую приготовила Мария Эспиноза, а ей Педро подал чёрные шкварки, но зато с песней. Сегодня я одна. Митя вчера улетел в Портланд в штате Мэн. Надо же вот так – иметь по тридцать городов с одним и тем же названием. Когда вчера провожала Митю до машины, на которой он и Дима должны были отчалить в аэропорт, произошла весьма неприятная, хотя и моментальная сцена. Идём от нашего дома к машине, вижу, стоит у машины Димин приятель Витя, которого мы встретили как только приехали. У Вити шестеро детей, он фанатично религиозный, причём поверивший в Бога исключительно для того, чтобы перебраться в Америку, примкнув к какой-то секте. Этот Витя, помню, однажды сказал мне: «Хорошая ты баба, жаль только неверующая». Эти сектанты – баптисты. Вот уж действительно чудовищная организация. Наши большевики не зря их запрещали, это была конкурирующая светская, вовсе не религиозная, организация. Так вот вчера, как только я поравнялась с Витей, он и говорит мне весело так, бегая

глазками: «А ты сильно постарела». Ляжу краем глаза, а Дима так и лоснится от удовольствия. Митя забрался в машину и уехал. Перед этим дважды по три раза поцеловал меня. А сегодня два раза звонил. И Маша, и он звонили сегодня. Я вполне счастлива.

Пошла покупать Марусе подарок. Купила красивое расписное блюдо. Я её приучаю к хорошему вкусу. Не хочется, чтобы она имела “вазы из зубной пасты”.

Сегодня впервые немного пользовалась своим слабым испанским. У нас в отеле работает одна новенькая мексиканка Роза. Ни слова по-английски. Вельма попросила меня узнать, замужем ли она, и мне удалось это выяснить. Нет, она не замужем, у неё нет возлюбленного, живёт в Западном Сиэттле. Это было замечательно, что она меня понимала. И это с моими 20-30 словами. Когда я приехала в Америку, я знала английский язык неплохо, но меня никто почти не понимал. Произношение в английском дико трудное, я читала глазами, никогда не говорила. В испанском, как в русском, почти всё фонетически чисто.

11 августа 1998

Отпраздновали Марусин день рождения в субботу вечером с Дериком. Они вернулись из поездки поздно вечером, и мы ждали их обедать. Дерик страшно похудел, подстриг волосы, и теперь ни у кого не может быть сомнений по поводу нашей разницы в возрасте. Маруся и Педро ездили по разным диким местам в Калифорнии, получили массу удовольствия.

Привезли несколько фотографий. Странную вещь рассказали про своих собак. Они заделались водолазами, ныряли в горные реки и вылавливали оттуда камни. Пино даже умеет дышать под водой, как амфибия. Это так странно. Вообще их собаки настолько красивы и умны, что даже страшно.

Дерик, кажется, понемногу смиряется с ситуацией, хотя и продолжает говорить о женитьбе, но уже больше в ироническом тоне. Мне немного больно, что так получается, потому что мне с ним очень хорошо, но иметь больше близость не могу, так как хорошо помню то чувство вины, которое всегда сопровождало нашу близость.

Вчера был Маринин день рождения. Я поехала к ней и встретила там двух её подруг: Раю и Нелли. Рая – бывшая стюардесса из Молдавии. С юмором, толстенная, без переднего зуба, лет 50-55. Страшно смешно рассказывала про свои поездки в Грузию и в Армению. Другая интеллигентная дама из Новосибирска. Ближе мне по культуре. Часто бывает в России. Рассказала, что если в начале перестройки люди набросились на порнографию и тому подобную дешёвку, то теперь опять читают хорошие книги. Когда она это говорила, я подхватила: “Вот на это я и надеюсь, потому что наши корни не такие плохие”. Женя тут же скептически сказал: “Это не корни, а тонкая прослойка”. Мы обе с Нелли воспротестовали: “Ведь это было вправду, что в каждой деревне была эта тонкая прослойка, а сколько таких деревень в огромной стране было”.

16 августа 1998

Вот уже 11 дней как уехал Митенька. Мне так тоскливо без него. Кажется, это первый раз мы не видим друг друга так долго. Даже когда он был у Димы, я видела его чаще. Может быть, потому, что он сейчас далеко и с Димой, ко мне вернулось то ужасное чувство тоски и страха за него, которое не покидало меня тогда ни на минуту. Сейчас это по-другому.

Думаю собрать русских на свой день рождения. Хотя Марина порой меня безумно раздражает своими манерами, и тем, как сидит развалясь, и тем, как ест. Однако мне тепло с ней и тянет к ней. Может быть, она приедет с Женей и с теми двумя дамами, с которыми я познакомилась у неё.

Начала обучать Марину английскому языку. Буду тренироваться, чтобы приобрести навыки в преподавании не русского, а английского. Здесь мне будет много сложнее.

Позавчера приходили Фейт и Джон. Отпраздновали сразу и её, и мой день рождения. Это становится традицией. Они странные люди. Иногда с ними тяжело, особенно с ней, а иногда замечательно, но никогда не свободно. В этот раз они немного больше раскрылись. Фейт упомянула их последнюю поездку к родителям Джона. Сказала, что купались в Атлантическом океане (и Митя, наверное, купается), что там вода теплей, чем в Тихом океане. Я спросила, нет ли акул? На это она с её быстрым и деланным смехом ответила: “Нет акул, кроме матери Джона”. Я удивилась безмерно такой неамериканской откровенности. Спрашиваю, в чём, мол, дело? Отвечает: “Да она меня никогда не любила”. Я подумала, что матери Джона, конечно, трудно любить такую невестку, тем более что она, возможно, знает про этот брак то, о чём я только подозреваю. Однако я не стала вдаваться в такие подробности.

22 августа 1998

Мне всё хочется найти какую-нибудь красоту в Америке, кроме природы. Так, в России много красивых лиц, искусство – самое высокое, красивая музыка, красивая архитектура, иконы и т.д. Это, выходит, действительно о России Достоевский писал: “Красота спасёт мир”. В испаноязычных странах – красивые люди, красивый язык, красивая музыка. В Японии – красивая живопись, букеты, сады, шелка. В Китае – красивая живопись, красивые шелка, красивые фейерверки и ещё многое, чего не знаем, но подразумеваем, потому что это такая древняя страна, страна, в которой более 200 определений одного цвета. Так можно продолжать идти по всем странам. Бледнее всех англичане, у которых, правда, есть Шекспир. Да и принадлежал ли он этому анемичному народу? Трудно поверить. Может быть, просто исключение подчёркивает правило. Всё красивое в Англии принадлежит Ирландии, которую Англия превратила в бойню на потеху журналистам. Во Франции – много красивого, но, как пишут знатоки, много пошлого. Ну и что? Мы не говорим о пошлом – оно везде есть, но рядом с прекрасным. Италия – колыбель прекрасного, а может быть, Греция. Или Египет. Что же мы можем найти в Штатах? Никто не мог мне ответить, даже самые ярые патриоты. Говорят о каком-то духе свободы. Мне он тоже чудился, но потом довольно быстро выясняется, что это ДУХ РАЗБОЯ. Ах и увы, все английские, испанские, португальские бандиты и пираты – пустили корни на этой земле. Индейцы были прекрасным народом, и некие следы этой красоты можно здесь встретить.

Прочитала книгу Коржакова “От восхода до заката”. Было интересно, особенно потому, что написано примитивным и некультурным, по нашим советским меркам, человеком, однако на порядок выше всего, что здесь написано на таком же уровне. Опять можно сказать: Они здесь никогда не поймут, как это может быть, что телохранитель любит президента и даже на теннисном корте не может считать его своим противником, и как это президент отказался от слишком большой квартиры. Коржаков, однако, с некоторой завистью пишет о так называемой простоте быта американских президентов.

“Должно быть, пройдёт немалое время, прежде чем наши президенты будут жить так же просто, как Джорж Буш”. Бедный, наивный Коржаков не понял, что простота Буша – это просто их обычное неумение жить красиво. Не понял, что у всех у них огромные сбережения и льготы. Не понял он и главного, что его американский коллега никогда не играет с президентом в теннис, не сидит в Белом доме за семейным обедом президента и не крестит его внуков.

Опять читала статью про ужасные мясные продукты, изменяющие мозги человеческие и хромосомы. Иногда думаю, что и мои дети уже заражены тем idiotизмом, который здесь уже давно пустил корни в генетике.

23 августа 1998

Вот прошёл ещё один мой день рождения. И как всегда, очень трогательно и хорошо. Может быть, из-за того, что в детстве ни мама, ни отец (я часто бывала в августе у отца) никак не обращали внимания на этот день. Позже, когда я сама стала заказывать музыку, мой день рождения стал праздноваться весело и красиво. Помогло мне в этом чьё-то высказывание о том, что наш день рождения должен праздноваться в знак благодарности за наше появление на этот свет, который в конечном счёте прекрасен.

20-го пришли Марина, Нелли и Рая – мои новые подружки, Иосиф с Леночкой и мои молодые. Педро быстро ушёл, потому что мы говорили только по-русски. Я была такая счастливая, потому что впервые у меня были люди немного близкие московским, и я даже пела. Было неожиданно приятно и трогательно видеть, что они слушали и не только просто слушали, но, как в тургеневских “Певцах”, плакали. Плакала моя “железная” дочь, плакала Нелли. Иосиф сидел очень задумчивый и молча слушал, от него вообще трудно было этого ожидать. Пили водку и не пьянели, смеялись, шутили. Было очень-очень хорошо.

22-го, т.е. вчера, приезжал Дерик, сегодня уехал. Он подарил мне программу для компьютера по изучению испанского. Я с этим испанским совсем одурела. Мне так нравится их музыка, так нравятся песни на испанском, что, пожалуй, это больше всего движет мною в изучении испанского.

29 августа 1998

Митя, слава Богу, вернулся живой и невредимый, но с налётом папиного нахальства, совсем не такой, как после школы у Пансиано. Вот интересно, когда мы вспоминали за обедом про то, как Митя в детстве, ещё в России, чуть не выбил Диме глаз теннисной ракеткой, как убежал, словно его ветром сдуло, как не могли его найти потом, Педро спросил: “Он почему убежал? Он боялся, что отец отлупит его?”. Маша ответила: “Нет, наш отец не Пансиано, он никогда нас не бил”. Она сказала правду, Дима никогда не бил детей, даже не шлёпал, как я, а Пансиано, если верить Педро, бил его электропроводом. И всё-таки мне кажется, что Пансиано настоящий джентльмен. Мите очень понравился Бостон. Теперь мечтает поехать туда учиться. Посмотрим.

Вчера до ночи перевозили Машу и Педро к Джею. Впервые видела его дом при дневном освещении. Прекрасно. Особенно, конечно, двор. Воздух. Вид, правда, не из окна, а с угла двора на озеро и на центр Белавью. Собакам – благодать. Они так красиво там смотрятся. Маша покрасила свою главную комнату в терракотовый цвет. Сначала, когда я только увидела цвет в образце, пришла в ужас, но на месте оказалось замечательно. Только вот она опять повесит все эти убогие картинки и плакаты про пиво и марихуану. Её вкус такой странный и неустоявшийся, видимо, из-за смеси уличного и моего классического. У Мити, вроде, вкус получше. Так, например, он привёз из Бостона компактный диск с фортепьянной музыкой. Наш русский музыкант Сергей Новиков играет так хорошо, спокойно и выразительно. И хотя в основном на темы американские, но совсем по-русски. Мы с Машей сразу это отметили, и Маша сказала ту фразу, которую почти все русские произносят и которая убивает меня и всякую надежду: “Они здесь музыки не понимают, только русские так могут играть”.

1 сентября 1998

Не даёт мне покоя земное устройство. Знаю, что бесполезно, а всё надо мне. Вот и думаю и думаю про Россию. Всё кажется мне, что если и был смысл в моём отъезде, так только тот, чтобы узнать, какой ужас там, куда уже столетия и столетия с завистью смотрит моя Родина. Чтобы воочию, сердцем, большим сердцем и большими суставами понять, какая огромная ложь правит миром. Но как это случается, как? Невозможно понять. И почему мы так слепы? Мы вроде имеем глаза, а идём прямо в пропасть. Почему? Потому, что есть упоение в бою? Они называют индивидуальное бытие прогрессом, индивидуальное насыщение – богатством. Предложила Марине: “Давай станем Герценом и Огарёвым”. Приятно, что она сразу поняла и долго смеялась. Я всё больше и больше тянусь к ней.

Маруся переехала к Джею в дом. Всё там перекрасила и переделала. И хотя её апартаменты находятся в полуподвале – по русским меркам, т.е. входные двери сделаны вровень с землёй и нет прихожей, это довольно милый и уютный уголок. Но что интересно и тревожно. Она всё время говорит про Джея больше, чем про Педро. Любит одного, а интересуется другим. Вся оживает и светлеет, когда про Джея, и снисходит до Педро. А скажи ей: “Милая, ты ведь не любишь Педро, ты любишь Джея” – будет невыносимый скандал. Она уже затянута в брачную машину, в которую нам всем так часто хочется попасть. Я имею в виду, разумеется, таких придурков, как я сама.

7 сентября 1998

Теперь подолгу не пишу дневник: появились русские друзья. Кажется, я была неправа, думая, что Марина озабочена только материальным. Всё больше и больше убеждаюсь, что это не так. Дала мне на днях замечательные стихи Всея Дриза. Никогда не слыхала этого имени, как, впрочем, иных имён.

Сегодня первый день школы. Митя пошёл, очень грустно настроенный. Трудно, ах как трудно привыкать трудиться. Для многих это невозможно.

Вчера приходила утром Маша. Пожаловалась на Педро. Я ещё раз посоветовала ей подумать, чем вызвала её безумные крики и возмущения по поводу моего вмешательства.

Прочитала малюсенькую книжку хрущёвских воспоминаний. Это просто выдержки. Надо бы найти всё. Чрезвычайно интересно. Будто бы побывала снова в том чудесном времени моей юности, когда были Юрий Гагарин и Ван Клиберн, когда была надежда, что нет войны между Западом и Россией. Это было приятно так думать и жить в мире и неведении, как мы жили, но именно это привело нас сюда в страну врагов. Война никогда не прекращалась. От нас её скрывали, и это было плохо. Мы перестали думать о капиталистах как о врагах, и это было плохо. Мы стали пацифистами. Не знаю.

Мне лично уже никогда не измениться. Я верю, что надо быть пацифистом, но в то же самое время я верю, особенно теперь, что надо как-то бороться против капитализма. Единственный путь борьбы – это путь Ганди и путь пропаганды. Интересно, что мы, в общем, никогда не занимались настоящей пропагандой. Я имею в виду в советское время. Было всё очень грубо и глупо, а в общем – наивно и не зло. Здесь, именно здесь на Западе, где они кричат постоянно о правах человека, я увидела настоящую злую пропаганду и настоящее попрание прав человека. Как это происходит? Очень просто и постоянно. Ни одного сообщения о вражеской стороне, т.е. о России, сербах и т.д. не происходит без намёков, разрушающих репутацию упомянутой страны. Например, сегодня по радио говорили о нефти в Туркмении. Это звучало примерно так: “Туркменистан наконец обрёл независимость от России, которая постоянно эксплуатировала его нефть. Теперь Туркмения может свободно

продавать нефть на свободном рынке. Однако решение туркменского правительства проводить нефтепроводы через Иран ошибочно. Американское правительство поддерживает научные исследования в области проведения нефтепроводов через Азербайджан (что через Каспий?) и через Турцию, что прямо выводит Туркменистан на свободный рынок. Мы пригласили к микрофону туркменского работника нефтяной промышленности. Послушайте, что он говорит: «Мы очень поддерживаем проведение независимого нефтепровода через Азербайджан и Турцию. Этот нефтепровод символизирует нашу независимость от России». Вот какую чушь они несут. Но много раз повторяют слово «свобода». И это остаётся в мозгах, или в том, что вместо мозгов у слушателей. Сегодня же утром они говорили про Хорватию. Про беженцев, которые живут в горах. Вот как это звучало: «Люди прячутся в горах, живут без элементарных условий, без электричества. Приближается зима, и тогда ситуация станет трагичной. Гуманитарная помощь тщательно подготавливается представителями Америки и ООН». Как замечательно! Я предложила бы организовать гуманитарную помощь американским бездомным, которых здесь миллионы. Приближается зима, и им будет тоже холодно. Интересно, что эти американские бездомные в большинстве действительно считают, что сербы, русские, албанцы и т.д., по сравнению с ними, нищие и нуждаются в их поддержке. Вот именно это и называется величайшим достижением пропаганды. Так, например, хорошо действуют на обывателя (а он наша главная сила) смех и шутки по поводу того, кого вы хотите уничтожить. Смех – самое сильное оружие. Если вы читаете любое сообщение или рассказ о России и русских, вы обязательно встретите много шуток по поводу золотых зубов, которыми всегда сверкает русский человек, или по поводу выпивки и грустных песен, над которыми американцу так любо посмеяться.

17 сентября 1998

Позавчера позвонила Чан Ван из школы. Говорит, что я им нужна. Дала задание позвонить русским родителям по поводу собрания. Я провела около двух часов у телефона, как всегда, бесплатно. Им этого никто не делает, кроме меня. А вот когда позвонила в школьное управление, мне сказали: «Ничего ещё нет для вас. Да и вообще вопрос о репетиторах (тьюторах) будет решаться в конце месяца». Надо бы слышать, как они произносят слово «тьютор». Я думаю, что это какая-то застарелая болезнь неполноценности здешних дипломированных учителей. Все так называемые тьюторы, которых я встречала, казались мне намного образованней и умней школьных постоянных преподавателей.

Вернулся ко мне Арон. Его папаша прислал дореволюционное издание Чехова с подстрочным переводом и требует, чтобы я занималась с Ароном по этому фолианту. Арон смеётся и говорит, что надо сделать так, как он делает всегда: сказать папе, что выполнением его требование, а поступать по-своему. Я не хотела бы так делать, но спорить тоже противно и бессмысленно. Буду делать по-своему, но если спросит – скажу правду. Может быть, и не спросит. Вот как можно испортить жизнь любого человека, даже учителя, который не учитель, а просто тьютор.

Марина и Нелли приезжают на мои уроки английского, привозят какие-то залежалые куски хлеба, сыра и шоколада. Говорят, что это в благодарность, а вот дать хотя бы два доллара у них смелости не хватает. А в то же самое время я знаю, что и у той и у другой я смогу жить, если что случится.

Читаю Аллилуеву. Так жалко её, просто безумно жалко. Раньше, когда я читала историю её побега, мне казалось, что она действительно вырвалась на свободу, а теперь я читаю и вижу, как её затягивает в американскую машину обмана.

21 сентября 1998

Вроде пригласили опять работать 10 часов в неделю в Брайн-школе. Конечно, это совсем не настоящая работа, но всё-таки ближе к школе, больше узнаю про их порядки. А уж помогать школьникам постараюсь как прежде.

28 сентября 1998

В прошлый четверг было первое собрание в Брайн-школе. Встреча с родителями иностранных учащихся. Пришли пять человек моих новых родителей. Все довольно приличные и образованные люди. Интересно было встретить враждебно настроенных армян. Молодые люди с двумя детьми. Приехали в мае. Она блондинка (крашеная), выглядит как русская, он типичный армянин с вдохновенным и красивым лицом поэта. Когда я спросила, говорят ли они по-русски, он ответил, что совсем немножко, а его жена не говорит совсем. При этом она смотрела на меня с явной ненавистью. «Не говорите по-русски? – не удержалась я от удивлённого вопроса, но быстро сориентировалась и продолжила: – А, понимаю, стали врагами России. Ну ничего, теперь вас заставят говорить по-английски». Мои резкие слова вызвали некое эмоциональное движение в лице поэта, но тем не менее он сказал с некой странной гордостью: «В России сейчас тоже все учат английский». Странно. В России всегда учили иностранные языки, но что следует из этого? Этим глупым армянам ещё придётся хлебнуть горя. Неужели им не понятно, что, отрекаясь от России, они отрекаются и от Армении. Здесь их армянского языка даже намёка не будет, а вот русский ещё возьмёт своё. Они утверждают, что были так притеснены советским режимом, что им не давали говорить на их родном языке. Я эту сказку слышала здесь и от украинцев, и от молдаван, и даже от якутов. То-то эта дама с крашеными волосами совсем не может говорить по-русски. Почему? Им же запрещали говорить на родном языке, а она не так молода? То-то, я помню, в сталинское время, когда я полгода жила у отца на Украине, мне запрещали в школе говорить по-русски. Короче говоря, я очень расстроила этих наивных людей, которые привезли в эту страну маленьких детей и теперь привели их в американскую школу в надежде, что их там чему-нибудь научат. Разочарование пришло к ним ещё до встречи со мной только от одного запущенного и потрёпанного вида школы, больше похожей на плохой Дом пионеров в каком-нибудь захолустном городке Сов. империи. И мои враги сов. режима не могли не увидеть этого, как я когда-то увидела, когда привела Машу и Митю в школу. Но я не тот человек, который желает всем новичкам пройти уже пройденный мной ужас. Я думаю, что если бы кто-нибудь тогда, десять лет назад, настойчиво и аргументированно показал мне, что в школе моего ребёнка могут только испортить, но не научить, я бы больше помогла Маше, я бы спохватилась с Митей не тогда, когда он был в 6-м классе, а раньше.

Что значит спохватиться? Я, конечно, следила за Марусиной учёбой и помогала ей, как могла, но не было главного, я не учила её отдельно от школы, я не внушала ей (как я делаю сейчас с Митей), что она должна заниматься отдельно и дополнительно. Хотя? А как быть со скрипкой? Я ведь так надеялась, что музыка станет её жизнью и хлебом. До последнего дня в школе я тащила её в занятиях музыкой. Возможно, здесь всё правильно. Учиться могут только немногие, а значит, зачем учить всех? Опять это что-то из фашизма. Пусть все будут недомками, а кто сможет выбиться – выбьется и без школы. Но, однако, мне кажется, что хотя бы идея должна быть подана правильная. Надо учиться самостоятельно! Вот что я, собственно, и пыталась объяснить моим школьным родителям. Помогло же Алексу, помогло же Елине, помогло же Жене (который уехал в Москву после моего объяснения по поводу качества школ в Штатах), не очень помогает Мите, но больше, чем Арону, мать которого платит большие деньги за

школу и верит в хорошее преподавание, а Арон тем временем не знает, что воздух не жидкость, а комплекс газов, и никогда не слышал про Менделеева (кстати, Мите о Менделееве рассказала я, его учительница по химии не упомянула о нашем учёном, давая им запоминать периодическую таблицу).

“Не хотела идти к врачу, а ведь могла бы ещё пожить”. Решила ещё раз попробовать. К тому же было так плохо, что я позвонила Марине и попросила приехать за мной с нитроглицерином. Несмотря на вечное Маринино опаздывание, они приехали очень быстро. Мне стало приятно, что всё-таки есть друзья. Дали мне нитроглицерин. Не помогло, только голова стала безумно тяжёлая и заболела. Привезли меня домой. Я легла, чувствую себя плохо. Пришёл Митя. Мы позвонили в госпиталь, чтобы записаться к врачу. Нам предложили приехать немедленно, но перед этим два человека допрашивали сначала Митю, а потом меня, когда я не выдержала и попросила трубку. Видимо, его спросили, говорю ли я по-английски, на что Митя хладнокровно ответил: “О, конечно, она просто не любит разговаривать с врачами”. Представляю, как это было им приятно слышать. Возможно, поэтому врач, который расспрашивал меня о симптомах, был весьма вежлив и даже не очень рассердился, когда я, потеряв терпение, почти прокричала в трубку: “Мне плохо, сердце это, печень или почки, мне очень больно, и я бы хотела получить помощь”. Тогда он сказал, что мы можем приехать немедленно. Мы вызвали такси и поехали. В госпитале есть отделение, вроде нашей поликлиники, которое они называют семейной клиникой. Отсюда у них у всех имеются семейные врачи. Только у нас не было из-за моего полного отрицания медицины.

Вот сидим мы в этой семейной поликлинике и ждём, когда меня смогут принять. Ждали больше часа. Митя успел проголодаться и пошёл поесть в кафетерий. Это было большое облегчение, потому что он меня замучил своими поучениями по поводу моего упрямства и достоинств медицины. Наконец меня вызвали. Там медсестра взвесила меня и измерила давление и температуру. Прочитала всё то, что я написала про себя в их анкете, пока ждала. Спросила про боли. Потом ушла, опять пришла, спросила какого я роста. Опять ушла. Потом вдруг пришла дама немного моложе меня, плотная, коренастая, коротко подстриженная, в брюках и в жилете. В одном ухе две серьги, в другом нет ни одной.

Она представляется, потом спрашивает, как в информационном бюро или в офисе по найму квартиры: «Могу ли я вам помочь?». Мне сразу становится немного меньше больно, так это смешно звучит. Я отвечаю: “Надеюсь, что поможет”. Она начинает расспрашивать, явно скучая и не слушая ответы. Они вообще здесь не слушают ответы, потому что вопросы так заранее подготовлены и так часто повторяются ими, что надоедают смертельно самим спрашивальщикам. Кроме того, как правило, они уже знают диагноз, который и ставят, читая в кулуарах наши исповеди, которые мы делаем во время так называемой регистрации. Врачи здесь, как примадонны в оперетте. Они сидят где-то в отдельной комнате и ждут, когда им можно появиться в блеске своей позиции, а пока больным занимаются разные подмастерья: сёстры, няньки и т.п. кордебалет. Например, в моём случае она сидит, не слушает меня, просто слепо смотрит сквозь меня. Она ждёт, когда я закончу, чтобы сказать, что у меня растяжение жил на шее. Так оно и есть. Так она и говорит. Она не дотрагивается до меня, не прослушивает моё сердце, не смотрит мой язык и горло, не слушает лёгкие, не мнёт живот и т.д. Всё это делают врачи отсталых стран. Итак, мне поставили диагноз и назначили физиотерапию. На следующий день я принимаю её лекарство и мне становится много хуже. Явно плохо с сердцем. Звоню Марине. Мы дружно ругаем американскую медицину и вспоминаем наших врачей, которых мы так несправедливо поносили, живя в нашей Спарте. Надо бы найти русского врача.

8 октября 1998

5 октября поехали с Марусей к русскому врачу. Нашла её Марина по русской газете. Приехали. И правда, русская, и звать Ириной. Моложавая, лет 40, красивая, с умным лицом. Говорю ей, видимо, непривычные слова: “Я пришла к вам именно потому, что вы русская. Я надеюсь, что вы получили образование в России”. Она немного смущённо отвечает: «Да, я училась и там, но больше училась здесь». “Как жаль”, – говорю я. Тогда она, возможно, начиная понимать, что я не из тех русских (которых подавляющее большинство здесь), которые боготворят всё американское и презирают всё русское, и особенно советское, говорит робко: “Ну, возможно, у меня подход иной”. И правда, подход был иной, хотя поначалу она, как все они, сразу сказала мне, выслушав меня (не дотрагиваясь), что уже знает, что со мной, т.е. она уже по моим рассказам поставила диагноз. Поразительная доверчивость. Однако после того, как она произнесла свой диагноз, поразивший меня своей необычностью, подумала, что она гений.

Мой визит к ней закончился тем, что она выписала лекарство и сделала мне кардиограмму сердца, честно признав, что последняя ничего не доказывает и ничего не показывает. Потом вдруг выписала назначение на рентген позвоночника и на кровь. Взяли кровь, а потом вертели меня во всех измерениях перед злобющим глазом рентгена.

На следующий день я не пошла в школу и весь день лежала.

Вечером и ночью было плохо с сердцем. Звоню своей русской врачихе Ирине и прошу выписать мне нитроглицерин, поскольку я не думаю, что должна страдать всё то время, пока они будут стараться выяснить причину моих болей в спине, тем более что я думаю, что они связаны с сердечной недостаточностью, которая проявляется иногда в связи с усталостью и недомоганием. Поняла и позвонила в аптеку, чтобы мне дали лекарство. Потом она позвонила и сказала, что назначила мне эхограмму сердца.

Сегодня утром я отправилась на эхограмму. Однако мне уже стало лучше с сердцем, потому что я сама взялась за него. В тот день, когда мне было особенно плохо, я вдруг подумала: *Мне надо лечить себя, как я лечила своих детей*. Следующий вопрос был: *А кто меня любит так, как я любила детей?* Ответ пришёл быстро – Маруся и Дерик. Я позвонила Марусе и сказала: “Ты помнишь арбуз, который мы доставали для тебя в начале весны, находясь за 120 км от Москвы, только потому что ты захотела? Ты была очень больна, мы достали арбуз, и ты моментально выздоровела”. Маша тут же всё поняла и спросила: “Что ты хочешь?”. Я сказала храбро: “Красную икру!”. – “Мама! Ты что!” – закричала она, но тут же осеклась и сказала, что придёт после работы. Пришла радостная, преисполненная чувством любви и заботы. Принесла икру. Ели все вместе и радовались. Мне сразу стало лучше, боль в сердце ослабла, на следующий день стало ещё лучше.

23 октября 1998

Вчера состоялся первый урок моего русского класса в Брайн-школе. Было пять детей. Елина – моя давнишняя ученица, которая ездила ко мне довольно долго, Кристина, Илья, Гриша и Женя. Кристина напоминает мне или Машу, или даже саму меня в возрасте 6 лет. Разница со мной только та, что её балуют и любят, признают её странность за оригинальность, а не за глупость. Кристина нежная и умная девочка с большими грустными глазами. Глаза грустные, может быть, потому, что она наполовину армянка. На мой вопрос ко всем ребятам: “Чем мы думаем?” – она быстро подняла руку и сказала: “Сердцем”. Её ответ резанул меня своей правдой, и мне даже стало больно от узнавания. В первый момент у меня чуть было не сорвалось: нет, мы думаем серым

веществом, которое называется мозгом. Но в следующий момент, отрезанный от предыдущего болью несовместимости, от которой страдала я и страдать будет эта девочка, если жизнь не изменит её, я решительно и смело сказала: “Правильно, мы думаем сердцем. Кто не имеет сердца, тот не умеет думать”. И все ребята были согласны. Это была победа.

6 ноября 1998

Позавчера целых два часа печатала письмо родителям своих русских учеников, напечатала 4 страницы поэтического воззвания, и вдруг отключили электричество. У меня моментально ёкнуло сердце, и вот уже два дня и голова и сердце плохи, всё как было раньше и всю мою сознательную жизнь.

Дима купил Педро грузовик. Какой он стал щедрый, и всё это никак не помогает жить мне. Опять сижу и волнуюсь за свой чек за квартиру, потому что вчера сделала депозит в банк, но сегодня там ещё нет моих денег. Не понимаю, что происходит. Живём как на иголках. Того и гляди поднимут квартплату, придётся уезжать. А так не хочется, хотя с тех пор как начали хозяйничать другие люди, стало так же плохо, как было в Бонаире. Совсем неприятные люди.

Недавно встретила на улице странного человека. Он был на велосипеде, но потом слез с велосипеда, чтобы говорить со мной. Я в это время стояла около вывешенных на заборе дома плакатов, написанных от руки маркерами. Плакаты говорили об обмане, которым занимается американское правительство. Это всё, что я могла понять из набора блатных и неприличных слов, которыми были составлены плакаты. “Что вы думаете по этому поводу?” – спросил велосипедист. Я ответила, что ничего особенно не могу думать, потому что не понимаю блатного языка. Он тут же спросил, откуда я. И заинтересовался. Не садился больше на велосипед и прошёл со мной десять кварталов до самой школы.

Зовут его Стюарт, работает шофёром микроавтобуса от аэропорта, отрицает почти всю цивилизацию, враг погони за деньгами, враг телевизора и т.п., но при этом, как и все американцы, абсолютно убеждён, что живёт в свободной стране. Говорит, что если кто-то начнёт объяснять, что есть хорошо и что плохо, то это будет тоталитаризм. А простой пример собственной страны, в которой твёрдый и безжалостный диктат денег, ни в чём не убеждает. Так же и я думала, что деньги безобидней людей, я почему-то не учитывала, что за деньгами стоят люди, не учитывала, что получается двойное рабство и двойная зависимость: и деньгам, и людской злобе. Кто платит, тот и заказывает музыку. А музыка бывает очень даже тоталитарной.

За пределами добра и зла! Это фашизм.

В школе у Арона. Лежат дети на лавочках, задрав ноги. Кто спит, кто так лежит. Около одного лежащего сидит учитель и что-то ласково объясняет ему. Мимо ходят полуголые красавицы. Клиника или бордель. Арон пропускает уроки со мной. Не звонит, чтобы предупредить. Его мать сама как во сне всё время. Разговаривать с ней трудно. Звоню отцу. Он хотя и бывает странным, но поумней её. Он очень заблуждается по поводу частных школ. Думает, что если Арон в платной школе, то это лучше. Говорю ему, что в публичных страшно, а в платных мерзко. В первом случае это армия, а во втором публичный дом. Не знаю, доходит ли?

Есть у меня и мой русский класс, который я назвала, как и в прошлый раз, “Ясная Поляна”. В класс пришёл Коля. Это усыновлённый ребёнок с Дальнего Востока. Коле сейчас 7 лет. В прошлом году я говорила его новому американскому папе, что надо бы заниматься с Колей русским языком. Но в силу их твёрдого убеждения, что ни женщина, ни иммигрант не могут им советовать, он даже и ухом не повёл. Ни разу не ответил на мои письма, которые я посылала, чтобы

обратить его внимание на то, что Коля забывает родной язык и вообще деградирует. Теперь он прислал Колю в наш класс. Как сказала Елина с горькой усмешкой: "Итак, мы получили американца в наш класс". Меня порадовала эта усмешка, значит, Елине неприятны американские замашки. Коля практически сорвал нам урок. Он совершенно не понимает русский, всё время кривляется, смеётся, сидит с ногами на стуле и т.д. Другие дети, особенно Кристина и Гриша как наиболее артистичные, сразу же стали подражать. Было много шума и неприятных моментов. Что делать? Когда я сказала Мите, что хотела бы оставить мою группу прежней без таких детей, как Коля, он поставил меня на место: «Все бы хотели хороших детей. Плохих кто будет учить?». Но проблема не только в этом. Проблема в языке. Все остальные дети прекрасно знают русский. А заставить Колю сидеть и впитывать язык, силком его заставлять вести себя хорошо, когда он не понимает, о чём мы говорим, – это трудно. Может быть, надо организовать русский язык для американцев и туда пригласить Колю? Посмотрим.

9 декабря 1998

Так давно не садилась за дневник. Предпраздничная пора, и совсем нет ни времени, ни денег. Однако Маша подарила нам хорошую ёлку за 30 долларов, и теперь у нас всё время предчувствие чего-то хорошего, как это бывало в детстве.

Джон Хоган сказал, что он не помнит года без рождественской ёлки. Интересно, что мама всегда так называла новогоднюю ёлку. Для меня это так и осталось рождественской ёлкой.

Надо было видеть, как я устанавливала дерево. Ёлка постоянно падала мне на голову, но я продолжала и продолжала двигать её в разные позиции, пока не установила. Ни минуты не хотела подождать. Будто бы это был вопрос жизни и смерти.

Купили Маше красное платье для вечера после свадебной церемонии. Купили материал для белого платья. Появилось много мыслей в связи с фасоном. Теперь мне надо постараться и сшить хорошо. Красное платье совершенно в духе Кармен. Облегает грудь, без рукавов, по талии, внизу переходит в широкий клёш. На талии – бархат бордо, остальное – блестящий алый атлас. Очень красиво, очень театрально, и надо иметь Марусин темперамент и красоту, чтобы сметь надеть такое платье. Но мы обе с ней решили, что это очень подходит и к ней, и к Педро с его испанско-индейской наружностью.

13 декабря 1998

Вчера была вторая попытка собрать «шестидесятников». Послала многим приглашение, но, как всегда, пришли немногие. Пришёл бухарец и, самым неожиданным образом, отец Женечки, муж той самой Марины, которая несколько раз выводила меня из себя своими поучениями во время моих уроков с русскими детьми. А про мужа я думала, что он в мафии, потому что явно они были богатыми. Его зовут Олег, ему лет 32-33. Ассистент профессора химии в здешнем университете. Об этом я узнала от его жены, потому что она, я думаю, всей школе уже об этом сообщила. А сам он довольно скромный и приятный молодой человек. Удивил меня, правда, и расстроил, сказав, что его родители не могут называться «шестидесятниками», потому что они моложе меня. Я спросила, сколько же им лет, он ответил, что они с 1944 года. Странно. Или я выгляжу как человек старшего поколения по отношению к людям только на 4 года младше меня, или они выглядят много моложе меня. Попыталась прослушать с ними "Трёхгрошовую оперу". Рассказала немного о Б. Брехте. Сначала бухарец вроде и не понимал, о чём я говорю, но потом весьма существенно добавил, что именно Бертольд Брехт ввёл сцены без декораций. Этот бухарец много знает, но очень утомляет.

Сцена в частной школе: толстая девочка лет 12-ти в шортах сидит на столе, скрестив ноги, перед ней на стуле, то есть головой на уровне её босых ступней, сидит учитель и проверяет, как она знает таблицу умножения. Сцена прямо-таки для журналов определённого характера.

21 декабря 1998

Сейчас в моей жизни опять переворот, вернее, опять потрясение от знания. Знание, которое ничего утешительного не приносит, одни горести. Но одновременно и некоторое удовлетворение, когда можно с триумфом сказать: я говорила, что это смертельно. Теперь смотрите – всё умерло. Я предсказывала падение советского режима, предсказывала китайское владычество. Первое сбылось. Я посредине американского владычества, которое находится в том же состоянии, в каком была Россия перед моим отъездом: полный развал как в экономике, так и в социальной жизни. Здесь даже гораздо серьезней заболевание, шире и глубже распад. А вот про Китай я сейчас как раз и читаю в газете "The new Federalist". Правда, в этой газете есть и про Россию, есть замечательные слова о том, что Россия – великая держава науки и образования. Можно вспомнить то, что я когда-то читала в журнале ЮНЕСКО, что, мол, победит не та система, в которой производится больше оружия, а та, в которой лучше образование. Но тогда я, разумеется, думала, что Сов. Союз производит только танки и оружие, что образование у нас никудышное. Пожив здесь, я убедилась, как была неправва. Теперь я знаю, что Россия, Сов. Союз действительно выпустил в мир тысячи, миллионы высокообразованных людей, которые должны остановить распад, причиняемый человечеству неконтролируемым злобным капитализмом, сосредоточенным лишь на бесконечной погоне за индивидуальными удовольствиями и благами, капитализмом, уже почти погубившим мир.

В этой газете есть статья человека, который, видимо, создал и эту газету, и новое движение за спасение человечества, как это ни смешно звучит, но именно так этот человек называет свою миссию на Земле. Его имя Линдон Ла Роче. Я первый раз слышу это имя. Сначала мне показалось, что всё немного надуманно, хотя с первых же слов в газете я поняла, что именно так всё время думаю и говорю я сама. Немного смущает то, что он настаивает на том, чтобы Клинтон начал слушать его и принял его в правительство как советника. В газете даже есть форма, которую просят подписать как петицию за принятие Линдона Ла Роче в правительство. Это так ново и странно, так в обход всех здешних формальностей, что сначала настораживает. Однако я уже два дня читаю эти газеты, и ни одного пустого или глупого слова, как в обычной прессе, не нахожу. Более того, в статье, которую сам Ла Роче даёт в газете, я нахожу страшное подтверждение тому, о чём неотступно думаю все эти годы.

Он пишет, что Америка создала так называемый интернациональный банк, который преднамеренно разрушает страны под видом экономической помощи. Он пишет, что там, где есть помощь от Штатов, наступают войны, голод, разруха. Он указывает, что только Китай, Россия и Индия могут избежать судьбы быть раздавленными сапогом дяди Сэма. И это меня несколько обнадеживает, хотя я знаю, что Америка так просто не уступит, она уже и так закидала Ирак ракетами. А мы в Америке. Как бы на Америку не полетели ракеты в ответном порядке! Ла Роче пишет о полном упадке американской экономики.

Здесь он даёт объяснение тому, почему же всё-таки Америка выживает и царствует. Объяснение новое для меня (не совсем, просто я не специалист в этом и не могу так объяснить, как он, но думать об этом я думала): рулетка, казино, ИГРА. Но мне бы хотелось написать ему, что РАБСТВО играет гораздо более существенную роль в чудесном выживании Америки. Но я думаю, что в следующих номерах найду и это.

Особенно интересно и зловеще его предположение, что всё падение нашей так называемой цивилизации идёт от Канта, который научил нас не стремиться познать вещь, то есть научил не творить, а просто существовать. Он образован необыкновенно, читая его, чувствуешь, что он как тот самый айсберг, о котором нам говорил Жора. Все эти Ницше, Сартры и Хекергёрды уничтожили понятия добра и зла. Однако единственное, с чем я не согласна, что это дело рук или умов отдельных людей, а также что это намеренно. Это сушая правда, что в середине прошлого века и в начале нашего происходило какое-то неумолимое разрушение, но было ли оно намеренным? Было ли делом человеческим? Что-то тут сатанинское есть, а может быть, и то, о чём многие антисемиты говорят, есть что-то еврейское. Безусловно, что евреи играют огромную, немыслимо несоответствующую их количеству на земле роль. Они умны и талантливы, они Ротшильды, но они и Шолом Алейхемы. Они жестоки, но только они бывают по-настоящему великодушны и добры. Что они? Этой загадкой больны многие. Посмотрим, как её разрешит этот новый гений Ла Роche.

Относительно же спасения мира. Если эти три страны Китай, Индия и Россия объединятся... Им придётся, как когда-то Америке, бросить пару водородных бомб, но теперь уже на Америку, чтобы установить на Земле порядок, разрушенный западной культурой, английским владычеством, которое так напоминает владычество сатаны. Порядок невозможен без карательной системы. Карательные системы ушли в прошлое. Слава Богу! Бросить бомбы не разрешат либералы и правдолюбцы. Хаос Америки, прикрываемый лозунгами свободы, неуязвим именно потому, что это хаос. В хаосе никто не может найти против чего бороться. Там уже всё есть, и любой поиск находит себе чего ищет (например, протестовать против тех, кто ест мясо и носит меха, или ратовать за разрешение браков между гомосексуалистами), но целое продолжает разлагаться. Ла Роche прав, что миру грозит полный распад и гибель именно со стороны нашей свободы.

26 декабря 1998

Итак, ещё один год ушёл. Позавчера мы с Митей были у Маши. Это был так называемый рождественский обед. Долго ждали, пока приготовится мясо. Потом приехал Дима и внёс, между прочим, некое веселье в наше довольно унылое общество. Правда, оно не унылое, особенно когда с Машей. Какое-то ирландское или деревенское, когда нет слов и не надо. Поели быстро и жадно, потому что все были голодные. Стали открывать подарки. Маша была вся в возбуждении, потому что ей хотелось показать Педро то, что она ему купила в подарок. А купила она ему видеокамеру. Когда вручили эту игрушку, Педро перестал существовать для нас. Невыразимое счастье отражалось на его лице и невыразимое самодовольство. Маша была счастлива, но и какая-то грусть была в её лице. Так все самоотверженные женщины ждут чего-то в ответ, не находят, печалются. Одни освобождают себя от постоянного самопожертвования, а другие так и тянут всю жизнь, привыкая и даже почитая всё это за счастье и за любовь. Очарование мужской детскости, видимо, некоторым женщинам очень нравится. Сегодня я смотрела ирландский фильм как раз об этом. Она (героиня фильма) видит его раз в год, имеет от него ребёнка, они не женаты, и каждый раз, когда он появляется на горизонте, она безумно счастлива. Есть ли примеры такой любви со стороны мужчины, если не считать за реальное лицо Де Грие? Даже Дерик не такой, он тоже любит меня, во-первых, потому, что я не для него, а во-вторых, потому, что я, в общем, пока принадлежу ему.

Кстати, он приехал сейчас, чтобы вручить подарки.

30 декабря 1998

Пошла утром во Фрай-музей. Смотрела ковбойские рисунки художника по имени Рассел. Занимательно. Потом в магазине при музее неожиданно встретила Джулию, жену Фореста. Она так же, как и Форест, нравится мне. Она даже больше, потому что лучше понимает бедность и творчество. Сообщила мне, между прочим, что они с Форестом купили один дом на побережье здешнего океана, а второй в компании с несколькими партнёрами во Франции. Я искренне порадовалась за них.

После музея я зашла в магазин и купила на последний доллар две баночки томатной пасты, чтобы положить в фасоль. Шла и думала, что все мои богатые друзья, кроме Стефании, не хотят портить со мной отношения и поэтому никогда не помогают мне материально. Одна Стефани решила и потом ушла от меня, поскольку никак не могла смириться с моей независимостью, которая продолжалась и после того, как она так существенно помогла мне и купила мне компьютер. А жаль.

У Маруси одни неприятности на денежном фронте, но она, кажется, не унывает.

Остров пятый

17 января 1999

Вчера были у Маши на обеде по случаю приезда родителей Педро. Было хорошо. Только странно слышать, что у Пансиано 20 ковбойских шляп ценой от 300-1000 долларов каждая, а у Марии (матери Педро) куча разных колец. В этот вечер у неё было штук шесть на руках. Мне бы не хотелось, чтобы сердце моей девочки страдало завистью. Но вроде бы нет, судя по тому, как она с юмором показала свои несколько простых колечек и как смеялась. Потом Митя и Маша надели оба по ковбойской шляпе. Стали очень красивыми, а когда я попросила их позировать для фотографии, меня поразило и обрадовало то выражение лица, которое одновременно появилось на их лицах. То было выражение смелости и честности, выражение американского духа свободы и справедливости, которое есть здесь, бесспорно есть. Выражение заступничества за бедных и обездоленных, выражение силы духа, но и силы и красоты тела.

26 января 1999

Мои ученики меняются на глазах. Елина, с которой я уже пару лет, вдрут пожаловалась матери, что, мол, я кричу на них. Алёна (её мать) пришла сегодня в школу и жаловалась на Елину. Она, конечно, не верит, что я кричу на них, просто голос повышаю, а вот Елина перестала совсем слушаться, уши затыкает, когда ей говорят что-нибудь. Так и Митя до сих пор делает. Диондрия, которая у меня уже три года, в последний раз тоже проявила характер. Когда я сказала ей строго, чтобы она села прямо и писала лучше, она посмотрела на меня с вызовом и сказала: «Вы меня всё время критикуете».

У них это слово “критикуете” означает, что вы не можете сотрудничать. Обычно после таких слов тебя либо увольняют, либо ученик (это в случае с частной практикой) просто “покупает другого учителя”. Так было и с Ароном, но не из-за критики, а из-за того, что его отец думал, что другой преподаватель сможет поставить его сына на ноги, сможет из перекормленного лекарствами дебила сделать нормального человека. Не вышло, ума хватило вернуться ко мне. Что будет с Диондрией, не знаю. С Елиной я поговорила откровенно. Она не говорила мне, что ей плохо у меня, а заявила, что очень занята, нет времени на русские уроки. Когда же я спросила, чем она занята, она улыбнулась и промолчала. Она

умная, и её молчание показало, что она понимает, что всё это уловки и дело просто в том, что ей лень. Гриша совсем разболтан. А жаль, потому что очень умный мальчик. Кристина очень способная, очаровательная, но уже тоже крутится всё время, не в силах сидеть спокойно. А ведь сидела раньше. То же самое и с Илюшей. Был такой послушный и милый, теперь же только одно слышно от него: «А я не хочу и всё». Женя, конечно, самая продвинутая и умная, но очень забытая матерью, которая кичится всем на свете, в том числе и дочерью, из которой норовит сделать вундеркинда. Не знаю, что будет с моим милым классом. Всё зависит от того, как поведут себя родители. Хочу попробовать предсказать: Илью перестанут ко мне приводить по причине денег (даже 50 долларов за 3 месяца им кажется много. Я это чувствую, хотя они никогда ничего не говорили). Женю заберут по причине «отсталости» остальных детей, передадут в другие руки, и девочке будет худо. Елина, Кристина и Гриша, возможно, останутся и мне с ними будет легче, как и сейчас мне легче и с ними, и с их родителями.

Не могу не записать историю с Беном. Когда я ему позвонила и попросила денег на публикацию стихов, и он, подумав сначала, что мне нужно 25-30 тысяч, отказал, но потом, услышав, что нужна всего тысяча, сказал, что это нетрудно, и он даст. Я была счастлива и даже думала в который раз, что Бен необыкновенно добрый человек. Но вот прошла неделя, он не звонил, я позвонила второй раз, по совету Марины (тебе нужно, ты и звони), оставила сообщение: «Пожалуйста, позвоните, дайте ответ, могу ли я полагаться на этот заём». Нет ответа, не перезванивает. Но вот в субботу, когда у меня было заседание «шестидесятников», звонит и таким слабым голосом говорит: «Ирина, я не смогу дать денег, потому что у моей жены умер отец». Тут он запнулся, видимо, вспомнил, что я знаю об этом давно и из первых уст. Запнулся, но продолжил: «... два года назад. Мы не можем продать его дом, поэтому у нас нет денег». Это было так невероятно глупо, что я даже не обиделась, думаю, что он обиделся, когда я сказала, мол, благодарю его за попытку помочь мне, но что в данный момент у меня нет времени говорить с ним, так как у меня компания.

6 февраля 1999

Сегодня работала в отеле, очень устала. Пришла и буквально упала без памяти. Спала 2 часа. В четверг пошла на собеседование по поводу работы по переписи населения, так называемый ЦЕНС. Когда я звонила туда (это правительственная работа), они мне сказали, чтобы я пришла с документами – и всё. Но когда я, пройдя через металлодетектор, поднялась в назначенную комнату, оказалось, что там уже человек 10 желающих стать переписчиками населения и что нам предстоит пройти экзамен. Для начала нас посадили в большой комнате, каждому стол. Потом пришёл важный господин, типа нашего парторга (хорошего типа), и прочитал нам лекцию о том, как держать этот экзамен. Потом нам выдали журналы с вопросами и по листочку с кружочками под номерами вопросов, которые мы должны зачернить карандашами, выдаваемыми на месте (нельзя другими и нельзя ручкой, что мне совершенно непонятно, потому что именно в случае с карандашом вполне возможны подлоги со стороны экзаменатора). Было около 50 вопросов, времени дали 30 мин. Вопросы примерно такие: если за день было обследовано 13 семей, за 4 дня – 52, сколько семей будет обследовано за 5 дней? Дается выбор из трёх чисел: 13, 52 и 65. Вы должны выбрать правильное число и зачернить кружок под буквой С, потому что А-13, Б-52 и С-65. Вопрос, как видно, ошеломляюще лёгкий. И в этом моя всегдашняя проблема со здешними экзаменами (не только моя, все русские, особенно учёные, жалуются). Я ещё ни одного экзамена здесь не смогла сдать. И этот я не сдала.

Были такие странные вопросы. Например, ещё один. Если в семье хозяин дома, сын 5-ти лет, дочь 10-ти лет, квартирант, кто в переписи должен быть на втором месте? Я думала-думала и ничего не написала, потому что не знаю, какая форма здесь принята: по возрасту или по обладанию домом, по наследственности или по завещанию. Много путей есть, но какой-то один правильный, с их точки зрения. Здесь вообще всегда вопросы ставятся крайне не корректно, а просто соответственно заранее выдуманному ответу. Тому, кто не участвовал в придумывании вопросов и ответов, почти невозможно отгадать. Но Маша мне ещё лет 8 назад сказала, что не надо и стараться понять, надо тыкать наугад, а со временем вырабатывается интуиция. Итак, я не сдала экзамен и даже не расстроилась. Вчера они звонили из этого бюро и сказали, что я не выдержала экзамен, не добрав один балл. Дальше больше странностей. Говорит эта милая дама из бюро, очень вдохновенным и ободряющим тоном: “Я настоятельно рекомендую вам повторить экзамен, я уверена, что вы его сдадите без проблем”. Ладно. Поволнуемся ещё немного. Хотя я несколько не удивлюсь, если не сдам опять.

12 февраля 1999

Вчера ездила на край земли, чтобы ещё раз попытаться сдать этот экзамен. Приехала на автобусе за 3 часа до начала. Типичное предместье, как все предместья в Америке. Абсолютно идеально и скучно. Зашла в маленький ресторан с так называемой итальянской кухней. Милый ресторан, цветочки вокруг и картинки на стенах. Но стол всё-таки в пятнах. Вот пятен они нигде не видят, просто не замечают, как, впрочем, всякую грязь и пыль. Они просто втирают и покрывают всякими химикалиями все огрехи. Поела неплохие тарталиньи, выпила чёрной воды, называемой кофе, и пошла прогуляться по Бафелу (это название местечка). Ближе к 6 часам подошла к пожарной станции, где экзамен должен был состояться. Государственные учреждения здесь порой абсолютно бесправные. Только другие государственные учреждения, такие как почта и пожарная служба могут сдавать в аренду помещение для другой государственной службы, каковой и является Бюро по переписи населения.

Этот повторный экзамен я тоже не сдала, потому что попала в обычную ловушку. Такие ловушки очень искусно расставляются и на экзаменах, и на всяческих собеседованиях. Русские и сверхквалифицированные очень легко в них попадают. В данном случае экзаменатор мило и дружелюбно начал со мной разговор о вреде выхлопных газов. Я попала и с жаром говорила о необходимости сокращения автомобилей на земле. Дерик и Митя в один голос сказали: «Он этот разговор нарочно затеял, и ему не понравился твой жаркий тон».

Позавчера я провела весь вечер в библиотеке, читая огромную книгу под названием Census. Из прочитанного я почерпнула опять же весьма неутешительные данные о капиталистической системе. При капитализме все общественные интересы остаются за пределом интересов общества. Получилось парадоксальное, но исключительно верное определение. При капитализме общество (которое состоит из индивидуумов) готово давать большие средства на строительство тюрем, но не хочет платить за учёбу, за ту же пожарную безопасность, за медицину, за судебные издержки, за безопасное питание. Анализ так называемого капиталистического общества показывает, что того общества, которое возникает не из простого сложения индивидуумов, а от сознательного и правильного управления, при капитализме не существует и не может существовать. Каждый корабль плывёт куда хочет. Нет даже капитана, а есть сборище неграмотных матросов. В подобном случае понятие флота не существует. И здесь так – никакого общества не существует.

Но есть неуничтожимая сила самосохранительного инстинкта, вот это и есть здесь то хорошее, что замечается в отдельных личностях и организует то невидимое и неуправляемое общество добра, которое постоянно борется с невидимым и тоже неуправляемым обществом зла.

Вот и всё. Полный ХАОС! И так во всём. И в нас самих только так. Есть личности, победившие зло, но есть ли общества такие? В. Соловьёв говорил, что нет такого общества и быть не может без решительного вмешательства Господа Бога. Но есть гармония в природе, есть гармония как Абсолют. Что ж, подождём!

Кстати, очень хочется описать моё сидение в публичной библиотеке, которую уже давно называют приютом для бездомных. Мне пришлось сидеть там, потому что книга по переписи не выдаётся на руки. Сажу и стараюсь читать скоростным методом, т.е. сосредоточившись полностью. За моей спиной сидит тощий старик в бейсбольной кепке и в голубой пластиковой куртке. Он, не прерываясь ни на минуту, нажимает на кнопку Print компьютера, который стоит перед ним и входит в число, может быть, сотни других компьютеров библиотеки, предназначенных для общественного пользования. Он печатает какую-то информацию. Принтер старый и производит постоянный шипящий, довольно громкий звук. Я сидела там 3 часа и три часа он непрерывно печатал. Длинные полосы бумаги с шипением выползали из печатного устройства и, складываясь в правильную стопку, падали на пол. Через три часа он закончил, сложил в целлофановый пакет, может быть, три-четыре килограмма бумаги и ушёл, глядя немигающим взором в угол своего носа.

Напротив меня долгое время сидел очень грязный человек с сильным и мерзким запахом пива и лука. На нём была кожаная куртка, покрытая толстым слоем грязи и жира, из-под рукавов куртки выглядывали свалывшиеся рукава когда-то синего свитера. На голове была кожаная шапка с козырьком, может быть, выдавшая лучшие виды. Из-под шапки свисали длинные сальные волосы неопределённо-грязного цвета. Глаз я не видела по причине благородного козырька, но зато видела множество волос вокруг того места, где должен быть рот, и бороду русского печерского отшельника. Он долго сидел, смотря в газету и хрустя пальцами рук с традиционно грязными длинными ногтями (такие ногти, показанные крупным планом, я часто вижу на экранах у выхоленных кинозвёзд. Такие ногти всегда были у Билла, Жениного мужа). Если бы не это хрустение и не множество колец на грязных пальцах, его можно было бы принять за русского бродягу с религиозными или революционными воззрениями.

За моей спиной сидела дама из бюро по налогам. Сейчас время декларации доходов, люди приходят брать соответствующие формы для этой процедуры. Она сидела неподвижно все эти три часа, что я была в библиотеке, кажется, не меняла положения. На ней были синяя форма и парик блондинистого содержания. Она поджарая и сухая, с оловянными глазами без выражения. Это типичный образ здешних официальных, государственных служащих.

Ещё один замечательный персонаж достоин всяческого художественного (по мере сил) описания. Сначала я думала, что он просто прошёл мимо, и сначала мне показалось, что у него был весьма оригинальный и умный вид. Это был человек лет 40-45, небольшого роста, одетый в чистую джинсовую рубашку голубого цвета и в светлые, тоже чистые брюки. Его туфли были хорошего качества, в руках он нёс кожаный портфель и куртку. Что было странным – так это его голова. На ней у него были прикреплены длинные седые пряди куделей, такие пряди здесь носят молодые люди в знак протеста против цивилизации, против родителей, против всего. У него же эти пряди доходили до пояса в некоторых местах, а в некоторых были короткими. Такая экстраординарная причёска резко контрастировала с выражением довольно

красивого лица, на котором выделялись умные глаза и саркастическая улыбка. Сначала мне показалось, что это один из интеллектуальных протестантов, которые редко, но встречаются здесь. Он прошёл один раз мимо моего стола, потом ещё и ещё раз. И всё время его умные красивые глаза смотрели куда-то в глубь его умных и саркастических мыслей. Так я провела три часа в библиотеке, порой с болью вспоминая наши советские библиотеки и как мы там страдали от отсутствия “свободы”.

Так мне думалось и в новом симфоническом зале, о котором уже год громко говорят в Сизэтле, хвастаются достоинствами зала и его благородным назначением. При входе в зал устроена огромная столовая. Сотни людей с подносами мечутся в поисках свободного столика. Нет того запаха парфюмерии, который наполняет воздух около нашего дома, когда люди идут в Парамонт. Вместо этого крепкий запах овощного супа, смешанный с той же парфюмерией, вызывает далеко не самые приятные ощущения. Мне вспомнились наши заводские столовые, поскольку размеры и количество людей с подносами напоминали о них, но запах был иной. Иной был запах.

Иной был и концертный зал. Здесь около 3000 человек, стиснутых на узких сидениях и в узких междурядьях. Балконы нависают над огромным партером в три или четыре яруса и построены по принципу полураскрытого веера. Так больше помещается, так больше денег с каждого концерта. В этот вечер зал был полностью забит. Мы сидели почти в заднем ряду партера. Был концерт пианиста с именем Джим Something. Сцена казалась нам маленькой и пустой. В середине был виден маленький (издали) рояль с открытой крышкой. Изнутри рояля выходил кровавого цвета огонь. Таким же светом были залиты серебряные трубки огромного, даже издали, органа. Когда погасили свет в зале, всё это напугало меня и вызвало нехорошее предчувствие. На сцену вышел Джим, одетый в спортивный костюм, т.е. брюки и свитер без горла, тонкий, заправленный в брюки. Эти свитера очень похожи на наше армейское нижнее фланелевое бельё.

Он бодрым шагом прошёл к роялю, сел на скамейку и в микрофон назвал своё имя, которое вызвало бурю аплодисментов. Потом из темноты на сцену выбежала некая дама, свет опоздал за ней и только позже, после того как Джим назвал её имя (буря аплодисментов), мы увидели, что это беременная (на 8-9 месяце) дама с тоненькими ножками в рейтузах и в распашонке, развевающейся вокруг огромного живота. Надо отдать ей должное, её движения были профессионально изящны, а волосы традиционно лохматы и золотистого цвета. Она в микрофон на длинном проводе начала рассказывать историю о нашем пианисте: “Вы знаете, сейчас будет играть самый известный и самый любимый музыкант. Его имя гремит не только в Америке (тут надо сказать, что США считают себя за два континента сразу), но и во всём мире. Недавно его концерты с большим успехом прошли в Вене и Зальцбурге. Сегодня он в нашем замечательном новом симфоническом зале. Не правда ли, замечательный зал мы теперь имеем? (буря аплодисментов). Не правда ли, замечательно, что мы имеем такого замечательного пианиста в нашем замечательном новом зале? (буря аплодисментов). Почему мы так счастливы видеть такого замечательного пианиста в нашем новом замечательном зале? Я вам сейчас объясню. Не только потому, что он играет замечательную музыку, а ещё и потому, что он неотразимый мужчина (значительная пауза). У нас на студии есть одна замечательная молодая женщина, и вы часто слышите её голос на классической станции радио. Её имя (она называет имя, и все буквально надрываются, хлопая в ладоши. Слышится свист, что является предельным выражением восторга), так вот эта молодая дама всегда приходила на студию очень няшливо одетая: в домашних тапочках, с неприбранными

волосами (все невольно взглянули на волосы говорившей), в спортивном костюме (все невольно взглянули на знаменитость у рояля). И вот однажды у нас на студии объявили, что приезжает Джим записывать свою замечательную музыку. Наша дама преобразилась моментально. В день его приезда она пришла с маникюром, с покрашенными в золотистый цвет волосами и в туфлях на каблуках (все невольно взглянули на высоченные каблуки беременной актрисы). Через восемь месяцев после упомянутой записи наша дама сказала: “Как у меня, однако, болит спина”. При этих словах беременная актриса встала в профиль к зрителям и выгнула спину в характерном жесте жалобы на боль в спине. Так она закончила свою речь и под бурю аплодисментов и свиста покинула сцену.

Пианист заиграл в полном мраке. Рояль, источавший кровавый свет и кровавые потоки на органе, обещал демоническую музыку. Но не тут-то было. Даже этого не случилось. Всё было мягко и гладко, без мелодии, без неожиданных поворотов, без резких звуков, всё было точно, как беременная актриса с золотистыми волосами или запах супа, смешанный с духами. Всё было мерзко и низко. И это в новом симфоническом зале! Потом в перерывах, длинных перерывах между произведением приятных звуков без всякого содержания, Джим рассказывал зрителям, заплатившим самое меньшее 40 долларов за билет, о своей полной замечательных событий жизни. Он рассказывал, как начал свой путь к славе с сочинения музыки для рекламных фильмов по поводу собачей еды. Он был исключительно откровенен и честен в оценке своего искусства. Он даже объяснил, что не надо аплодировать ему, пока он не поднимет правую ногу и не свалится на левую сторону, и не застынет в такой позе, чем вызвал море аплодисментов и свистков. Мы с Марлен покинули замечательный новый зал после первого отделения в полном согласии друг с другом. Нам обоим не понравилось.

26 февраля 1999

Моя история с попыткой попасть на государственную работу по переписи, кажется, закончилась обычным образом. Несмотря на то, что я абсолютно уверена, что сдала хорошо повторный экзамен, меня, видимо, не собираются принимать на работу.

На следующий день после повторного экзамена я снова купила газету “Новый федералист”. Человек, который продавал, попросил меня записать телефон и адрес, что я и сделала. И только после этого подумала, что, возможно, эти записи прямиком идут в ФБР. Через неделю после экзамена никто из бюро по переписи не звонил.

Позвонил этот человек от «Нового федералиста», назвавший себя Тод. Он начал уговаривать меня присоединиться к какой-то группе протестантов, поддерживающих Ла Роча. Я сказала, что действительно думаю, что Ла Роча гений, но все его ссылки на Фридриха Шиллера и Канта несколько непонятны толпе, которая не знает даже, кто такой Джек Лондон. Я сказала, что ни в какие группы вступать не буду, потому что верю только в постепенное преобразование, но не в революции. Он сослался на Ренессанс, забывая, что Ренессанс длился века, что это не была революция момента, а иначе это была эволюция. Он говорил, что американцы должны изменить свою жизнь, что иначе они попадут в такое же трагическое положение, как и русские. Опять самое худшее, что может случиться с “благополучными американцами”, так это стать как русские. Я ответила ему, что русские никогда так плохо и бедно не жили, как американцы. Он выразил недоверие.

Самое интересное, что этому не верят и сами русские, которые приехали сюда. Они живут в квартирах, где даже чихнуть нельзя без ведома менеджера, где дети не могут прыгать и играть ни в доме, ни на улице. Они платят за

каждый учебник, содержащий исключительно массу картона и ничего не говорящих фотографий, они не имеют ни спортивных залов, ни бассейнов, ни танцевальных залов без пугающих платежей. Они живут под страхом болезни или необходимости медицинской помощи, любой – будь то заболевание или роды. Они не могут оплатить операцию аппендицита или пломбирования зуба. Каждый раз – это крушение. И тем не менее они считают, что там (в России) они страдали, а здесь (в Америке) они счастливы. Вот уж поистине – похвала глупости. Они говорят (и по радио, и Клинтон), что их экономика процветает. При этом из 20 домов только один в хорошем состоянии, школы похожи на тюрьмы, цены взвинчены невероятно. Плата за квартиру равняется больше чем половине дохода. И все – лучшая страна в мире, богатейшая. Промышленности своей почти нет. Всё на чужих островах.

12 марта 1999

Прочитала М. Горького “Город жёлтого дьявола” и разные впечатления о Западе. Боже мой! И почему я раньше не хотела ни читать этого, ни верить? Что случилось с моими мозгами тогда? Ведь, видит Бог, я уже не хотела ехать. Но что-то толкало и толкало. Может быть, и вправду это была моя миссия? Стать одним из свидетелей здешнего распада и чудовищной жестокости.

Горький – великий художник. Совершенно прекрасные итальянские записки. Например, короткая сцена, описывающая, как красивая женщина, держа маленькую дочь за руку, проходит мимо строительных рабочих. Один из них, старый и запылённый, режет хлеб на равные части и раздаёт его своим товарищам помоложе. Потом он разливает красное вино по бокалам, и солнце играет в нём рубиновым огнём. И неожиданно ребёнок бросает целую горсть розовых лепестков в бокал старика. Сначала тот немного растерян, немного огорчён, но потом говорит: “Дар ребёнка – Божий дар. Раста, девочка, здоровой и сильной и такой же красивой, как твоя мать”. В этом прекрасном отрывке так много солнца и света, так много воздуха, так много жизни, живой красоты и так много какого-то революционного чувства свободы, что невозможно оставаться равнодушным.

24 марта 1999

С тех пор как мы поняли, что никакой помощи от родителей Педро не следует ожидать, на меня обрушилась Марусина свадьба. Её слёзы: “У меня теперь не будет ни свадьбы, ни медового месяца” опять вытолкнули меня на рынок. Продаю себя снова на рынке уборщиц и прислуги разного толка. Опять «Лучше служить им, чем быть с ними». Лучше убирать квартиры и печь пирожки, но быть себе хозяйкой. Буквально неделю назад дала объявление в нашем доме, что могу убирать. Тут же появилось трое желающих. Двое, правда, только раз в две недели, но зато один турок по имени Дениз хотя и сказал сначала, что я ему нужна раз в две недели, после моего первого прихода предложил мне работать каждую неделю. Платит неплохо. Он – богатый бизнесмен. Обучался в Германии. Английский знает неплохо, довольно умный. По крайней мере, не смотрит каждый раз, как баран, а понимает с полуслова. Уже легче. К тому же, предложил мне готовить иногда для него. Тем самым он подал мне идею. И, проснувшись сегодня в 4 утра, я придумала план и начала даже осуществлять его. Приготовила громадную кастрюлю супа и испекла хлеб. Потом нарисовала картинку с дымящимся супом, ложку, ножик, батон хлеба рядом и написала объявление с предложением покупать хлеб и суп домашнего приготовления. В моём доме полно таких людей, как Дениз, так что, возможно, что-нибудь да получится. Но для начала я раздавала мою кулинарию бесплатно с целью рекламы. Посмотрим!!! Ни на что уже не надеюсь, но и эксплуатировать себя не дам, как позволяла в

первые годы, когда мне за 100 пирожков платили 40 долларов, а продавали их за 300. И с уборкой больше не будет так, как у Жени. Сегодня я убираю у Лорейн на 11 этаже. Квартира, разумеется, грязная, хотя и была постоянная прислуга до сегодняшнего дня. Пыль везде буквально висела гроздьями, зеркала в тумане, кухня и ванная комната в пятнах и т.п. Я отмыла. Она благодарила и заметила всё. Помню, Женья никогда мне не говорила, что я хорошо убираю, но только когда я уходила от неё, она призналась, что, видимо, ей уже никогда не найти такой уборщицы. Вот и горжусь теперь своими достижениями. Ирина Дюфей приходила сегодня на урок, я записала ей арию Елецкого с диска "Пиковой дамы". Она взяла моё объявление об уборке и о супе. Сказала, что за уборку теперь берут не меньше 15 долларов в час. Вот так! А в школе мне платят со скрипом 8.90 в час. Марине за работу по уходу за стариками платят 6.25, Рае за работу в яслях платят 6.25. Убожество.

Сегодня целый день бегала с супом и хлебом. И в голове было только это да деньги. Денег всё равно очень и очень мало. Мы с Димой купили молодым билеты в Мексику. У Маруси будет медовый месяц. Две недели, разумеется, а не месяц. Но здесь даже три дня где-нибудь в отеле называют медовым месяцем. А у Маруси с Педро и вправду будет медовый месяц, даст Бог, ничего не изменится, будет прекрасное путешествие. Они сначала едут в Мехико, там проводят неделю с родственниками Педро, потом едут на автобусе в Порто Баярте на берег океана, где проведут неделю в квартире Марусиной знакомой бесплатно. Потом обратно в Мехико и в Сиэтл. Вот такие планы у нас. Дима теперь замечательный отец, когда дети выросли, и можно и ему на них надеяться. Я рада, что никогда не восстанавливала их против него. Сегодня Митя катался с Димой на лыжах. И мне это приятно.

27 марта 1999

Маша с Педро занимаются поисками дома. Вот это для меня сюрприз. Да и не верится, что что-либо удастся. Дима нашёл им заём и разные подтверждения на возможность покупки дома, но стоимостью не выше 130 тысяч. Сегодня они смотрели разные дома. Один им понравился. Говорят, большой, так что можно будет всем вместе жить, хотя мне не хочется уезжать из нашего дома, а главное – из центра. Мой супнохлебный бизнес не двигается. Турок заявил, что за жаркое с мясом, салат и батон моего хлеба – 13 долларов – это очень дорого. Говорит, что за 15 долларов он может пообедать в ресторане «Шеритон». Врёт, конечно, я знаю, какие там цены. Но ко всему прочему, он не учитывает закупки и разные цены, и моё время и немедленную доставку в квартиру. Странно, что всегда мне попадаются такие люди, когда я начинаю что-либо. Надо набраться терпения и переждать, когда он поймёт, если только не откажется вообще от моих услуг и не наймёт китайца за 5 долларов в день.

Америка бомбит Белград. Всё время трещат о том, что защищают албанцев, мусульман. А три месяца назад бомбили Ирак за то, что они мусульмане. Не помню, чтобы Советский Союз так легко бросался бомбами, как США. Становится страшновато здесь жить. Так или иначе, но мы русские. Марина рассказала, что видела по русскому телевидению программу про всю эту заваруху. Так вроде наши в ООН выглядели весьма благородно и умно. Встал наш представитель и сказал: "Индия, Китай, Россия и Никарагуа против бомбёжки, а это больше, чем половина населения земного шара. Но если ООН всё равно считает правильным поступать, как Америка хочет, то тогда Россия выходит из ООН". Не знаю, насколько это правда. Вообще, может быть, всё-таки не зря умирали наши революционеры, не зря погибло столько людей за советскую власть, даже в советских лагерях. Может быть, за короткое время

существования нашей “Спарты” вывели новую породу людей, хорошую, умную породу, но которая не смогла понять правильность и необходимость сохранения того, за что умирали такие как Рокоссовский, но которая, возможно, обретёт это понимание, пожив в условиях капитализма. Раньше только некоторые, вроде Маркса, Диккенса, Достоевского, Герцена и Ленина, понимали весь ужас капитализма, а теперь тысячи и тысячи советских, а значит образованных и умных людей, будут противостоять безумию капитализма. Есть надежда...

7 апреля 1999

Убираю у троих людей в нашем здании. Турок не уволил меня, но от еды отказался: говорит, много хлопот. Кому? Короче, я всё-таки продолжаю по средам готовить много супа и хлеба. Сегодня получила 5 долларов за одну порцию обеда. Трое поели бесплатно. Хвалили. Чак, конечно, мне как брат, и мне не жалко его кормить. Однако так и начинается, говорят, бизнес, сначала завлечь людей... Не знаю... Немного получается. Вот сейчас вечер, и вдруг позвонила Мерлин (менеджер) и попросила приготовить суп и хлеб на 6 человек на завтра. Спросила цену, я сказала – 25 долларов.

19 апреля 1999

Нам уже несколько дней чинят сантехнику. В результате нет нормального напора воды и туалет постоянно ломается. Теперь, когда я принимаю контрастный душ, горячая вода течёт слабенькой струйкой, такой же чахоточной струей течёт полностью холодная вода. Более или менее нормальный напор на смешанную воду. Они и сделали нам смесительный кран. Нет чтобы сказать, что очень хотят экономить воду, мы бы принимали неудобства так, как мы их принимали в России, поливая на себя из ковшика на улице. Но нет. Здесь они утверждают, что улучшили наши условия, в связи с чем и собираются поднять квартплату на 200 долларов в месяц. Я убираю у турка Дениза, который живёт на 23 этаже в так называемой отремонтированной и обновлённой квартире. Что же я вижу там? Всё белоснежно-белое, будто бы посыпанное крахмалом. Всё белое, даже кухонные шкафы. Но материал такой, что всё время это что-то белое осыпается со стен и дверей. Мой турок только разводит руками и всё время спрашивает: “Откуда появляется эта ужасная белая пыль?”. Облицовка в ванной комнате, сделанная под мрамор, отклеивается в разных местах и сразу видно, что это не мрамор, а пластиковые плёнки. Сама ванна сделана из полумягкой пластмассы грязно-жёлтого цвета вместо эмалированных ванн, которые они повыкидывали, как менее совершенные. Почему? Непонятно. Вместо занавесей, сделанных из ткани, они повесили жалюзи с вертикальными полосками матерчатого картона, белые. Этот материал специально создан собирать пыль и становится грязно-серого цвета в довольно короткий промежуток времени. Тогда они выглядят ужасно, а чистить их так сложно, что никто не делает этого годами. Вид же мерзкий. Стены, кроме капитальных бетонных, из сухой штукатурки, замазанные какой-то пастой, и сверху покрашены. Проблема с любым гвоздём и даже кнопкой. Сразу возникает огромная дырка, а гвоздь выпадает. Никакие пробки не держатся. Здесь никто не вешает полок – это невозможно. Картины в некоторых домах также не разрешаются. Ещё одна сага об их стиле работы, который так долго нам преподносился как образец для нас, ленивых и неорганизованных.

В прошлый вторник они начали ремонт сантехники в моей квартире. Это был уже четвёртый раз, когда они сообщили, что начинают работу и что я должна убрать всё из ванной комнаты. Мы два раза убрали, но никто не приходил. На третий и четвёртый не убрали. На четвёртый они явились, и мы с Митей срочно повытаскивали всё из ванной и из клозета. Всё сгромоздили в моей комнате. Во вторник они работали в моей квартире в

общей сложности 2 часа. Приходили разные люди, примерно 10 человек рабочих и 5 начальников. Это даже забавно. Вечером они поставили на место туалет и сказали, что можно пользоваться. Ночью я пошла в уборную, спустила воду со страшным рёвом и шумом. И вдруг услышала, что шум и рёв не останавливаются. Пошла назад в уборную и увидела, что вода почти перелилась через бачок. Выключила воду. На следующий день они опять работали часа два, опять в квартире толкалось множество вежливых и улыбающихся людей, среди них Рич, который мне очень нравится и который был когда-то полицейским, а теперь вот начальник над строителями. Забавно. Он очаровательный, но ничего не понимает в строительстве, да и вообще ни в чём. Здесь главное быть очаровательным. Короче, они вырезали стенки в туалете, поменяли трубы, потом поставили снова вырезанные части и сказали, что в четверг всё закрасят. В четверг вообще никто не пришёл. В пятницу я пришла с работы и увидела, что всё по-прежнему навалено вокруг, что никто ничего не покрасил. Пошла в офис. Там был Джеф – это внук Рины, и он помнит старые времена, когда не было такой помпы и таких усовершенствований, но всё работало. Он прислал рабочих и стоял с ними, рассматривая мои стены. Тут они начали говорить ему, что, мол, они не покрасили, потому что вот эта замазка ещё не высохла. Джеф потрогал руками и деликатно спросил: “Не высохла?”. Я не выдержала и говорю: “Кому вы рассказываете эти сказки? Я знаю, что ваши все краски и пасты высыхают в течение пяти минут. Это было замазано в среду. Сегодня пятница. В чём проблема?”. На мою тираду прораб красильщиков похлопал меня по спине и сказал дежурную фразу “Take it easy”. Он из Турции и едва говорит по-английски, но хорошо усвоил эту манеру всех призывать к спокойствию, особенно когда люди расстроены и серьёзно обижены. Я сказала, что хочу, чтобы сейчас же всё было покрашено, чтобы я могла жить нормально субботу и воскресенье. Маляры недовольно, но согласились. Через час прислали русского Мишу, чтобы он работал сверхурочно, потому что их рабочий день уже кончился. Миша, глядя на меня с презрением и ненавистью, начал неспешно водить кистью по стене. Закрасить надо было в общей сложности 3 кв. м, не больше. Работал он час, разговаривая со мной, внушая мне, что я неправа в своём недовольстве, что здесь работают серьёзно и вдумчиво, не так как работали в Союзе. Вот так вдумчиво они, работая чистого времени 5 часов, заняли полных 4 рабочих дня и целую армию рабочих и начальников. Очень вдумчиво работают.

Я всё это написала так подробно потому, что всё никак не могу понять, как это получилось, что мы им поверили и развалили наш Союз. Как мы не понимали, что в человеческой натуре лежит закоренелая лень и что заставить работать может только хлыст и жестокость, но что наш советский стиль щадил бедного, слабого, ленивого человека. Щадил и кормил всех одинаково. Это было бремя. Здесь не щадят, терзают, но результат ещё хуже, чем был у нас. Все всего боятся, все стараются переложить ответственность на другого, и никто ничего не понимает. Конечно, через всю эту неразбериху иногда и получается что-нибудь приличное. Но стоит это огромных денег. Вот почему, может быть, даже 200 долларов повышения квартплаты не компенсируют все затраты на починку моего туалета и душа, затраты на всю армию бездельников и глупцов.

Вчера в отеле одна дама вышла из своего номера, который я убирала: “Вот вам, милая”, – и дала мне два доллара. Немного позднее, проходя мимо меня на завтрак, она обратилась ко мне с просьбой: “Можете ли вы дать нам лишние шампунь, мыло и крем, потому что мы, путешествуя, собираем это для бездомных”. Наверняка они собирают со своих прихожан деньги на путешествия и пребывание в дорогих отелях, где они собирают мыло для бездомных. How sweet!

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения,

член Союза художников СССР и Казахстана

Ода жизни

Евгений Матвеевич Сидоркин (1930-1982), народный художник Казахстана, график, живописец, монументалист, ушёл из жизни 30 лет тому назад. Только перешагнув порог пятидесяти лет.

Понадобились годы и годы, чтобы понять масштаб личности такого художника, как Евгений Матвеевич Сидоркин. Его жизнь в искусстве Казахстана – органичное, серьёзное и большое явление художественной культуры. И не только в масштабе республики, но и в общемировом.

Он родился в России в местечке, именуемом в старом стиле Вятской губернией. Здесь родились писатель М. Салтыков-Щедрин и конструктор космических кораблей С. Королёв, Ф. Шаяпин и М. Горький. Получил Сидоркин профессиональное образование художника-графика в стенах Академии художеств Латвии и Ленинградского института им. И. Е. Репина. Далее – приезд в Казахстан. Сюда он приехал с женой, красавицей Гульфайрус Исмаиловой. Театральный художник, актриса, одарённая прекрасным голосом, человек разносторонне развитый, она стала ему верным спутником жизни. И всегда – музой творчества. Неслучайно ранние произведения Сидоркина проникнуты озорством, улыбкой, радостью открытия мира в ещё незнакомой казахской среде, в традициях, обрядах, неповторимости народа, к которому привела судьба. И, как признание в любви, великолепные образы женщин. Все они обликом напоминают его хрупкую большеглазую подругу жизни в юности. Стилизация лишь подчёркивает особенности душевного склада, свойственного дочерям этого народа: мягкость, ласковость, доброту, много терпение, ум. Поэтому, наверное, так любимы детьми большие толстые книги «Казахского народного эпоса», которые иллюстрировал художник. Могучие, великодушные батыры и нежные их возлюбленные стали олицетворением казахской поэзии.

А ещё были книги с любимым героем сказок – Алдар-Косе, хитроумным обманщиком, покоряющим своей добротой. Как и иллюстрации к произведениям казахской классики. Так создавалась серия «Читая Сакена Сейфуллина», ставшая монументальным созданием Сидоркина. Пафос борьбы и страстное сопереживание – камертон этих автолитографий. «Скорбь», «Портрет Сакена Сейфуллина», «Колыбельная» – это листы-

Колыбельная.

воззвания, напоминания, печали и радости. Последний из названных был удостоен Золотой медали на Международном биеннале в Дрездене. Вся прелесть и обаяние материнства – в женском силуэте, слившемся с чудом жизни своей, ребёнком. Плавное, мягкое течение линий, безмятежное выражение счастья создают убаюкивающий ритм этого творения. Первооткрытием казахов через творчество талантливого Сидоркина стала «Колыбельная» в том далёком 1961 году в Германии, Европе и мировом искусстве.

Не вполне понимая, вначале отвергал картину мира Сидоркина поэт Олжас Сулейменов. «Но жизнь вносила свои коррективы, и мне ныне близок и дорог этот художник», – сказал он по поводу появления новой серии автолитографий «История одного города». Следуя фабуле произведения Салтыкова-Щедрина, Сидоркин создал, в сущности, вариант собственного прочтения реальной жизни. Коллизии исторического прошлого, предложенные писателем, художник «транспонировал» в тональность окружающей действительности. И боль, негодование, ярость и сопереживание художника выплеснулись в гротескной форме на листы его литографий. Это был протест, выраженный в открытой форме. Протест тем явлениям жизни, которые не вправе игнорировать настоящий художник: лицемерию, чванству, бездарности, низкопоклонству, обману и жестокости. Впрочем, так было во все времена. И лишь большая личность вправе и в силах брать на себя миссию борца и защитника. Потому, наверное, эти произведения потрясают. Каждое – в отдельности. Позднее, почти без изменений, они были объединены в рамках книги, вышедшей в свет в издательстве «Советский художник» в Москве. И тоже имели огромный резонанс. И общественный, и критики. К тому были свои веские причины. Изменился сам художник. Изменилась его творческая манера. На смену летящему, линейному, гибкому абрису рисунка, воспевающего радость, явилась тяжеловесно-скульптурная лепка объёма. Взамен тонких стройных силуэтов возникли крижистые фигуры, стилизованные под каменные «бал-балы».

Следует учесть, что Сидоркин постоянно, последовательно, с большим интересом и любовью изучал жизнь казахов: в поездках на джайляу, в аулы, в отдалённые районы. И, конечно, в городе, который безмерно любил, в котором жил и работал – Алма-Ате. Скрупулёзно «прорабатывал» он научные труды – первоисточники и новейшие открытия археологов, историков. Вот отчего появились эти бесчисленные, подобные золотым бляшкам с костюма «иссыкского воина», фрагменты-обрамления в картинах зрелого периода творчества. Это и «Алпамыс-батыр», и серия «Из тьмы веков», и листы автолитографий по мотивам «Гаргантюа» и «Пантагрюэля». В них автор вновь вкладывает всё своё жизнелюбивое утверждение радости как первооснову всякого творчества.

Алпамыс.

Высокий, крупный, сдержанный, он умел быть насмешливо-острым и язвительным. И самокритичным. И всегда – внимательным и всё замечающим. Но прежде всего – добрым, влюблённым в жизнь, в народ, ставший родным и очень близким.

На одном из листов мы видим молодую казашку в обрамлении густых ветвей. В её бережном движении-объятии стоит малыш, раскинув руки навстречу миру. А вокруг нависают огромные упругие яблоки, как живые аллегии. Это и женская грудь, и яблоко первооткрывателей Земли, и плод успеха!.. Они даруют весь аромат и первоизданность любви, которую Сидоркин питал к дому своему. И потому нарёк последнюю серию своих работ – «Мой Казахстан».

Память наша обладает удивительным свойством: сохранять самое ценное, дорогое, украшая его флёрком воспоминаний.

Неудивительно, что поколения художников, которых дарил дружбой, наставлял своим примером и добрым советом большой мастер, и поныне помнят и говорят о нём с благодарностью и почтением – а это целая плеяда графиков Казахстана, Белоруссии и России: Темирхан Ордабеков и Валерий Приходько, Андрей Волков и Ветрогонский, Георгий Поплавский, Евгений Монин...

Они нередко встречались с Е.М. Сидоркиным на творческих семинарах под Москвой, в Сенеже, в Прибалтике и вдохновенно работали по два месяца, делясь опытом и творчески соперничая, что давало импульс новым открытиям. И ещё просто дружили. Было много тепла, юмора, понимания. И над всем главенствовала главная тема – вера в Жизнь, Добро, Радость, вера в Завтра.

Евгений Матвеевич сказал об этом всем своим творчеством, воплотив собственное жизненное кредо лучше всего в литографиях на тему французского Возрождения, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле (1979). Всё жизнелюбие, мощь и народная мудрость в раскованно-лукавых и весело-непринуждённых лицах и позах героев, поющих праздник жизни сегодня, сейчас и всегда. В образе добродушного Гаргантюа мы без труда узнаем лицо самого художника, словно бы говорящего нам устами Ронсара:

Друзья! Обманем смерть
и выпьем за любовь!
Быть может, завтра
нам уж не собратся вновь,
Сегодня мы живём, а завтра –
кто предскажет?

А жизнь продолжается...

г. Алматы.

Алматинские яблоки.

Василий МАТВЕЮК

Свет и белый снег Белокурихи

Эти заметки – не реклама города-курорта Белокуриха. Это мои ощущения, мои открытия, мои эмоции.

Точка на карте

Белокуриха для меня всегда, если о ней заходила речь, ассоциировалась с точкой на географической карте. Не более. Посмотрите сами. Вот дорога идёт из Барнаула, доходит до Бийска, потом тянется до Белокурихи. И здесь резко обрывается. Конец света. Как говорится, только разогнался, и земля кончилась. Что может быть интересного там, зачастую думал я, где заканчивается дорога? Тупик. Тупик жизни.

Как я ошибался!

В Белокурихе оказался совершенно случайно. На работе дали путёвку в санаторий. И вот на комфортабельном автобусе прибыл на автостанцию. Огляделся. Мои первые впечатления превзошли ожидания. По всему было видно, что Белокуриха – на самом деле городок небольшой. Но фешенебельные здания интересной архитектуры, сверкающие разноцветьем стекла и отделочных материалов супермаркеты и небольшие магазинчики, да многолюдье в центре городка в этот час, – всё говорило о том, что я попал не в провинциальный населённый пункт, а, может быть, в какой-то европейский город. Это впечатление укреплялось ещё и тем, что он утопал в ожерелье гор, сплошь покрытых сосновым лесом. Потом я прочитал в одном из рекламных буклетов, что Белокуриху ещё называют Алтайским Давосом. Но при этом отмечают, что швейцарский городок, имеющий международную известность, уступает Белокурихе по многим параметрам. Взять, к примеру, содержание в воздухе лёгких аэронов – отрицательно заряженных частиц. Их здесь в два раза больше. Поэтому и дышится здесь легко, в полную грудь, и не чувствуется усталость, не клонит в сон. А природный ландшафт положительно воздействует на нервную систему. По количеству же солнечных дней Белокуриха превосходит даже знаменитые российские курорты Крыма и Кавказа.

Разместившись и решив все оргвопросы, я вышел погулять. Погода стояла тихая и прохладная, под лучами яркого солнца сверкал, наверное, только вчера выпавший свежий снег. Слепил глаза. Всё дышало умиротворением. Я впитывал в себя красоту этих мест и думал о том, что как, должно быть, счастливы те люди, кто здесь живут. Им некуда особенно спешить, не нужно толкаться в переполненных салонах общественного транспорта, дышать выхлопными газами. Всё рядом, всё под рукой. Позже я убедился, что Белокуриху можно пройти пешком из конца в конец за полчаса-час.

И всё же и здесь есть общественный транспорт, который, кстати, почти не влияет на экологию. В основном это частные микроавтобусы и такси, доставляющие приезжих с автостанции до того или иного санатория, пансионата, гостиницы или турфирмы. А их здесь множество, турфирм и пансионатов... Я насчитал более тридцати таких учреждений и организаций. И все они сосредоточены в буквальном смысле на одном пяточке. Но такая скученность вовсе не давила на психику, наоборот, мне казалось, что это как раз и есть то место, которое, наверное, могло бы быть прообразом идеального населённого пункта, в котором не так много народу и в котором удобно жить, работать и отдыхать.

Почти на окраине Белокурихи высится дымовая труба местной котельной, видимо, ещё советской постройки. Сама труба и стены котельной выкрашены в бело-голубой цвет, на них издали можно увидеть какие-то абстрактные рисунки. Всё это вместе взятое нисколько не портит облик города, даже украшает. Из жерла трубы постоянно струится то ли белый дым, то ли белый пар. Оказалось, пар. Котельная работает на газе и снабжает горячей водой и теплом не только четырнадцатитысячное население города, но и всю санаторно-курортную зону.

... Незаметно подкрался вечер. Город расцвёл неоновыми огнями. А на чёрном небосводе рассыпалась мириады звёзд. Такого неба я давно не видел. Разве что в далёком детстве. Тогда мы, ещё мальчишки, любили в жаркие летние ночи спать на крыше сарая. Там оставалось с зимы потемневшее от морозов и весенних дождей сено. Бросим на него старенькие матрацы – и вповалку, мягко, удобно, даже не нужно одеяла. Всякие интересные истории рассказывали, делились своими мечтами. А над нами висел огромный купол неба, весь утыканный звёздами – едва заметными, очень яркими, но такими манящими. То было время космических открытий. Чуть ли не еженедельно по радио звучали сообщения ТАСС о том, что в Советском Союзе произведён запуск очередного искусственного спутника Земли. Глядя на звёздное небо, мы нередко находили на нём движущиеся яркие точки, знали, что это летит спутник. Мы провожали его до тех пор, пока он не скрывался из виду. Сердце трепетало от радости, что живём в такое время! Спутники, космонавты, новые открытия, скорый полёт человека на Луну – всё это волновало нас, деревенских ребят, подталкивало к чтению фантастической литературы, изучать астрономию.

Нечто подобное испытал я и сейчас, стоя под звёздным небом Белокурихи. Задрав голову, я искал на небосводе созвездия, которые как-то раз показывал нам ночью наш учитель физики Сакен Какенович (да простит меня Сакен Какенович, что забыл его фамилию!). Нашёл! Вот это – созвездие Кассиопеи, его легко узнать по знакомому начертанию, напоминающему английскую букву W, только чуть растянутую. А вон там, левее и чуть ниже – Весы, и это созвездие легко найти, оно напоминает стрелку механических весов, чем-то похожую на острие пики. О Большой Медведице не говорю – её каждый найдёт, висит сейчас прямо надо мной. А где же Орион? Как ни крутился я вокруг себя, но не нашёл небольшой треугольник с еле мерцающей посреди него звездой, не вспомню, как она называется. Где-то вычитал, что эта звезда в несколько раз ярче нашего Солнца. Невозможно представить, на каком же расстоянии она находится от Земли! Зато отыскал созвездие Стожары – скопление миллиардов звёзд и планет, словно рассыпанной на столе горсточка зёрнышек риса. Вот что значит чистое, бездонное небо! Над большим городом, даже если небо и чистое, всё равно не увидишь много звёзд, от силы десятков-другой. Мешает отражающийся от тысяч электрических фонарей свет. Вспомнил стихи Ломоносова: «Сияет бездна звёзд полна. Звёздам нет счёта – бездне дна».

Только хотел прекратить поиски неведомых планет, как вдруг увидел высоко-высоко в бездонной вселенной летящую точку. Это был спутник. Он, точно в детстве, стремительно перемещался среди ярких бусинок звёзд. Может, это МКС? Я проводил спутник долгим взглядом, пока не потерял его среди мириад таких же, как и он, холодно мерцающих точек.

Я огляделся вокруг. Было безлюдно, со всех сторон меня обступили чёрные склоны гор, где-то в вышине от дуновений лёгкого ветра таинственно шумели кроны сосен...

Нужно было возвращаться. Что день грядущий мне готовит?

Город мечты

На другой день я отправился на экскурсию по городу. Желающих было не так много, может, это и к лучшему, подумал я: меньше народу – больше кислороду. Нам повезло. Экскурсоводом оказался человек, который родился и вырос в Белокурихе, и поэтому о своём городке знает всё. Это Тамара Батуева, она же является директором местного краеведческого музея, который сама же и создала.

Свой рассказ Тамара начала именно с этой информации, и мы подумали даже, что сейчас направимся в музей. Однако она повезла нас в ту часть города, где несколько лет тому назад на месте старой церкви был построен новый храм, которому дали имя святого Пантелеймона. Святой великомученик Пантелеймон был известен своим умением исцелять людские болезни.

Внутри храма, как и везде в церквях, стоял густой запах горящих свечей и ладана. Сквозь стёкла окон пробивалось солнце, пронизывая своими лучами едва заметный сизый дымок, образовавшийся от свечей и лампад. Стены сплошь увешаны иконами, возле некоторых из них молилось несколько прихожан.

Удивительно то, что в храме находятся иконы, возраст которых исчисляется несколькими столетиями. У них своя интересная и драматическая история. Об одной из них рассказала наш экскурсовод.

– Когда в Белокуриху добралась Советская власть, – говорила она, – местному голове была дана команда – освободить церковь и уничтожить все иконы. Как ни противилась его душа, а приказ нужно было исполнять. И вот на следующее утро, придя в церковь, он не обнаружил здесь ни одной иконы. Оказалось, что под покровом ночи их тайно унесли по домам и надёжно спрятали местные жители. И потом ни под какими уговорами и устрашениями не вернули их обратно.

Прошли десятилетия, и когда в Белокурихе отстроили новый храм, благодарные прихожане, а это были уже дети и внуки тех, кто прятал иконы, принесли сюда драгоценные реликвии.

– Они имеют чудодейственную силу, потому что намолены несколькими поколениями белокурчан, в том числе и моими родителями, которые здесь живут уже не один десяток лет, – завершила свой рассказ о храме святого Пантелеймона наш гид.

Потом мы вышли на улицу. Радостно сияло мартовское солнце. Чистый белый снег слепил глаза, и поэтому приходилось жмуриться, делать ладонью козырёк над глазами, чтобы ещё раз взглянуть на золотящийся на самой маковке купола крест и перекреститься.

Тамара и здесь нашла, чем нас удивить.

Оказывается, место под строительство храма тоже выбрано не случайно. Рядом с ним прямо из-под земли бьёт минеральный источник с большим содержанием серебра.

– Это самоизливающийся источник с чистой холодной водой, – рассказывала экскурсовод, – она обладает целительными свойствами. На это указывает и его второе название «Глазной ключ». Считается, что вода из этого ключа способна лечить болезни глаз. Ключ святого Пантелеймона также известен и ценен, как и другие целебные термальные источники на территории Белокурихи.

Сам источник находится немного в сторонке от храма. Над ним возвышается деревянное сооружение в форме часовни, которое символизирует его святое

происхождение. Многие из экскурсантов набрали в пластиковые бутылки, которые купили здесь же в церкви, живительной воды в надежде, что она поможет им избавиться от глазных проблем.

А с чего начиналась история Белокурихи, как курорта?

Местные жители издавна знали о тёплой воде, выходящей из недр земли в северных отрогах Алтайских гор. Ещё до основания села Белокуриха крестьяне из соседних деревень, приезжая сюда зимой за лесом, замечали, что около выхода тёплых ключей вода не замерзает.

Лечебные свойства тёплых источников были обнаружены в 1860-х годах жителями деревни Белокуриха Гудковым и Казанцевым. О лечебной воде они рассказали исследователю и учёному С.И. Гуляеву, который, заинтересовавшись белокурихинскими источниками, передал воду в лабораторию для анализа, написал и опубликовал в газетах несколько статей. Он же установил на месте выхода термальных вод первую ванну. Но весной 1868 года все эти сооружения были снесены паводком реки Белокурихи. Чтобы защитить тёплые источники от подобных природных катаклизмов, была построена дамба. А около тёплого водоёма установили барак на две комнаты, в которых поставили 17 деревянных ванн. В конце XIX века лечебные сооружения Белокурихи были арендованы бийскими купцами, которые построили новое ванное помещение, гостиницу, столовую. Увы, все эти постройки также просуществовали недолго, всего три года, после чего сгорели, и долгое время целебные источники не использовались по назначению.

У названия населённого пункта и курорта несколько легенд. Одна гласит о том, что обычно зимой над источниками курится белый слоистый пар, который, мол, и дал название населённому пункту. Другая утверждает, что первым поселенцем этих мест был казак Белокуров, фамилия которого впоследствии и стала названием села. Но дотошные историки не обнаружили сколько-нибудь достоверных данных, свидетельствующих о правдивости этой версии, в архивных документах не нашли даже упоминания о том, что здесь когда-то жил казак по фамилии Белокуров. Есть и третья легенда. Она связана с первыми жителями этих мест – алтайцами.

В те далёкие времена берега бурной и своенравной речки, у которой ещё не было названия, сплошь были покрыты зарослями рябины. Осенью деревья расцвечивались красно-алыми гирляндами плодов, а их кроны смыкались над водным потоком, образуя бесконечно длинную арку. Те, кто здесь бывал летом, говорят, что и сегодня над речкой то там, то здесь можно увидеть такую же необычную картину. Так вот, оказывается, что по-алтайски слово «рябина» переводится как «беле кюр». Со временем русские, облюбовавшие эти места, трансформировали непонятное слово на свой лад, и стали произносить его как белокур. Отсюда и название самой речки, и населённого пункта – Белокуриха.

Я же склоняюсь к тому, что всё-таки ближе к истине легенда о курящемся в зимнее время над тёплыми источниками белом паре, который и дал наименование местности. Эта версия более правдоподобная и романтическая.

Не правда ли, что нераскрытые тайны всегда рождают интерес к поиску, изучению истории, подталкивают к новым открытиям? Может, всё-таки кто-то однажды установит истину, но тогда, думаю, Белокуриха превратится в обычный населённый пункт и не будет больше будоражить умы страждущих открытий.

И вот мы подъехали к зданию, которое является символом Белокурихи. Настоящий расцвет города-курорта начинается именно с него, когда ещё в тридцатые годы прошлого века здесь была построена первая водолечебница. Она

возведена на том месте, которое местные жители давным-давно окрестили названием «Змеиный ключ». У источника, который бил из-под земли, в летнее время скапливалось множество змей. Чувствовали, наверное, эти гады чудодейственную силу воды.

В России много лечебных учреждений, где используются радоновые ванны. Но, говорят, только в Белокурихе радон – естественного происхождения. По пути к старой радонолечебнице экскурсовод Тамара показала нам улицу, где больше всего проживает долгожителей. Оказывается, долгое время здесь не было современного водопровода, и люди пользовались водой прямо из источника. Вот вам и результат!

К счастью, это необычной архитектуры одноэтажное здание сохранилось до сегодняшнего дня. У него есть и хозяин – местный предприниматель. У бизнесмена свой интерес. Поэтому бывшая радонолечебница сегодня представляет из себя некий торговый центр, где работают несколько кафе и магазинчиков. Но нужно отдать ему должное – он нашёл место и для краеведческого музея. Правда, для храма истории выделена всего одна небольшая комната. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Здесь собрано множество предметов старины, ценнейших экспонатов. Они тесно расставлены на стеллажах, развешаны по стенам, даже под потолком им нашлось место. Хозяйка музея – наш экскурсовод Тамара посетовала на этот счёт: экспонатов много, большая их часть хранится в подвале в старых ваннах, и пока нет возможности их выставить на обозрение посетителей и туристов. Но она надеется, что когда-нибудь вопрос с расширением музея будет решён.

В музее есть экспозиция, посвящённая участникам Великой Отечественной войны. Рассказывая о земляках, прославивших Белокуриху, Тамара сообщила и о том, что во время войны сюда, на курорт, привозили на лечение раненых бойцов. Местный умеренный климат, целебная вода быстро ставили их на ноги. Я представил, как, должно быть, им не хотелось уезжать отсюда, из этого поистине райского места снова на фронт, идти под пули, подвергать свою жизнь опасности... Но об этом, конечно, вслух никто не говорил.

Здесь я также впервые узнал о том, что во время войны с 1942 по 1945 годы сюда был эвакуирован детский пионерский лагерь «Артек». В память об этом периоде недалеко от здания радонолечебницы установлен огромный камень с мемориальной доской.

Все, кто приезжает в Белокуриху, непременно обращают внимание на близлежащие склоны гор, сплошь покрытые сосновыми лесами. Их удивляет не это, хотя красота встаёт перед глазами неопишная, а то, что деревья растут уж больно «правильно», то есть рядками. Оказывается, это – рукотворные леса. На самом деле ещё до войны эти холмы были безлесными. На старых фотографиях видно, что все возвышенности – голые, и деревьев на них – раз-два – и обчёлся.

Однажды кто-то из белокурчан бросил клич и предложил озеленить родные места. Не знаю, сколько лет потребовалось на то, чтобы посадить на склонах гор миллионы сосен, но результат этого поистине колоссального труда сегодня видят все.

После осмотра экспозиции музея его служащие угостили нас вкусным и ароматным чаем, заваренным на целебных алтайских травах. Не преминули и прокламировать их, заронив в душу каждого мысль о том, что только алтайские травы являются тем живительным средством, которое излечит любой недуг. Многие поддались искушению, купив прямо здесь же, в одной из лавочек радонолечебницы, по несколько упаковок различных сборов.

Наша экскурсия продолжилась, и мы оказались возле памятника, установленного в честь медицинских работников. Белокурчане любят и почитают людей в белых халатах, ведь именно они своим каждодневным неустанным трудом приносят городу благосостояние и славу. Памятник выполнен в виде бронзовой женской фигуры, а на пьедестале высечены слова из клятвы Гиппократова. Чуть в сторонке, на краю вымощенной красной плиткой площадки, установлена небольшая бронзовая плита. Ни в этот раз, а потом ещё несколько раз, когда проходил рядом с памятником, не обращал внимания на эту самую бронзовую плиту. А однажды остановился и прочитал на ней любопытную информацию.

В связи с ней у меня вопрос: знаете ли вы, что означает слово «гигиена»? Не задавая наивных вопросов, резонно ответите вы. Это, кто не знает, – соблюдение чистоты, стерильности, можно добавить, что это также и аккуратность. Но не торопитесь. Оказывается, слово «гигиена» произошло от имени дочери греческого бога-врачевателя Асклепия, которая всю свою жизнь отдала на то, чтобы привить людям чувство необходимости соблюдать чистоту, порядок, аккуратность... словом, соблюдать гигиену.

Да здравствует Гигиена!

Наша обзорная экскурсия по Белокурихе приближалась к концу. И тут Тамара загадочно произнесла:

– А теперь мы отправимся повыше в горы, и там я вам покажу одно из творений природы, которое народ прозвал «бабья радость».

Я долго думал, рассказать ли об этой достопримечательности, ведь это очень пикантное изваяние, созданное самой природой-матушкой. А почему бы и нет? Почему смотреть на это можно, а написать о нём нельзя?

В Белокурихе немало достопримечательностей, к которым человек не имеет никакого отношения. К примеру, вдоль терренкура, ведущего на «Старую мельницу», можно встретить огромную каменную черепаху, точь-в-точь похожую на оригинал. Или дельфина, выплывающего из каменных «волн». Есть, говорят, я, правда, их не видел, и другие чудеса архитектуры природы.

Так вот, «бабья радость». Вы, конечно же, поняли, о чём речь. Это творение природы находится на противоположном склоне горы. Добраться до него не так-то просто. Но его хорошо видно ещё издали. Пройти мимо и не увидеть – нельзя. На самом деле, природа – настоящий архитектор. Она представила на суд зрителей каменное изваяние, на изготовление которого, если бы поступил такой заказ, потребовался бы целый конструкторский отдел. А тут – без всяких расчётов – и нате вам, любуйтесь!

Но всё-таки человек решил внести свои коррективы в это чудо природы. Один из горожан, видно, скалолаз, не так давно взобрался-таки на склон горы. В руках у него было ведро с красной краской и большая кисть. И он приступил к покраске. Наводил «штрихи на портрете» почти полдня. Но кто-то увидел, как этот «художник» трудится над совершенствованием творения природы, и доложил куда следует. Поэтому горе-альпинисту не удалось до конца завершить свою «художественную роспись по камню».

Но зато «бабью радость» теперь видно ещё лучше. Тамара рассказала о пикантной легенде, которую народ сложил об этом «объекте», но вот её я не стану пересказывать.

На другой день я продолжил изучать достопримечательности Белокурихи. На этот раз мой путь лежал на гору «Церковка».

Летом на её вершину можно добраться двумя путями – пешком по извилистой горной тропе и на канатно-кресельной дороге. У меня выбора не было – только «канатка».

В этот час народ не проявлял активности, очереди на подъёмник не было. Я купил билет – и вперёд. Кресло, в которое я сел на ходу, быстро взмыло вверх и поплыло над ущельем. Впереди почти два километра «полёта над бездной», он займёт около получаса. За это время успеваю осмотреть все окрестные достопримечательности. Пейзаж, правда, однообразен: всё утопает под толстым слоем снега. На его белом фоне особенно красиво смотрятся вековые сосны и раскидистые берёзы. Вон там причудливыми формами распласталась гряда из каменных глыб, а прямо подо мной – заросли рябины и ещё каких-то кустарников. Изпод них выбегает цепочка следов «неведомых зверей», наверное, это заячьи шажки отпечатались на снегу. А может, лисица здесь плутала? Вот и гадай теперь. Что значит не быть в детстве юным натуралистом.

Эх, увидеть бы всю эту неземную красоту летом! До самого верха ехал в мечтах, что ещё обязательно сюда вернуться.

А вот и вершина «Церковки». Здесь я сошёл с фуникулёра и огляделся вокруг. Но ничего, что бы могло напоминать о горе, похожей на церковь, не увидел. Зато подо мной расстилалась без конца и края, уходя далеко за горизонт, тайга. День был ясный и тихий, уже пахло весной, и чувствовалось, что от лучей солнца начал подтаивать снег. Тёплый пар поднимался над землёй и незаметно расстилался в низинах гор, цепляясь за верхушки деревьев. Ух, аж дух захватывает!

Плянь сюда! Вот это картина! Кажется, на расстоянии вытянутой руки распласталась Белокуриха. Она как на ладони! Там, внизу, совсем не догадываешься о том, что Белокуриха, хоть и называют её небольшим городком, а такая большая по площади. Её нижняя граница уходит куда-то далеко, скрываясь в пелене сизой дымки.

А где же знаменитая «Церковка»? Дорогу мне указали шедшие навстречу женщины. Я побрёл по уже проложенной в снегу тропинке куда-то вниз. И вскоре передо мной появилось каменное изваяние, на самом деле напоминающее что-то похожее на церковь. Так вот она какая, эта гора! Всё-таки мудрый у нас народ, даёт всему удивительно точные и меткие названия.

Гора «Церковка» давно успела завоевать репутацию одной из главнейших достопримечательностей Белокурихи. Своё название она получила от камня, венчающего её вершину и по форме напоминающего купол церкви. Чтобы завершить зрительный образ, на самой её макушке установили православный крест. Как будто сама природа решила выстроить на этом месте святую обитель.

По другой версии, гора названа «Церковкой» из-за часовенки, которая была построена на ней в дореволюционные годы русскими переселенцами, а после сгорела.

Благодатное место располагает к совершению хотя бы маленьких, но добрых дел. Рядом с горой «Церковка» летают почти ручные синицы, которых туристы кормят с руки – это уже превратилось в своеобразную местную традицию.

... День клонился к вечеру. Надо было в буквальном смысле спускаться с небес. Я ещё раз оглядел окрестности Белокурихи и подумал: всё, что я увидел сегодня – это из разряда фантастики, это мечта, которая стала явью.

Как я «звездил»

Я уже упоминал, что приехал в Белокуриху отдохнуть и немножко поправить здоровье. Как и все нормальные люди, так думал о себе я, планировал хотя бы на две недели забыть о работе. И поначалу это у меня получалось. Природа в здешних местах – дивная, не поддаётся описанию. Нужно поистине быть самым писателем Вячеславом Шишковым, чтобы точно, до мельчайших нюансов передать то настроение, которое обурекает при виде этой неземной красоты. И вот, обо всём позабыв, я включился в процесс познания окружающего мира.

Курортная зона расположена в живописном горном ущелье, как говорится, вдали от шума городского. Воздух – чистейший, надышаться им просто невозможно. Когда я с головой окунулся в новую для меня, жителя просторных казахстанских степей, атмосферу, вспомнил слова моего товарища, который уже здесь бывал. Он восторженно напутствовал меня: «Правильно сделал, что едешь туда именно в марте. Там сейчас уже не зима, но и не совсем весна. Погода в это время изумительная, народу не так много, в общем, самое время отрешиться от всего земного и предаться активному отдыху». И он оказался совершенно прав.

Хотя стояла середина первого месяца весны, практически ничего не напоминало о приближении тепла: температура порой стремилась то к плюсу, то настойчиво возвращалась к минусу. То немного подтаит, то снова приморозит. Но я этого не замечал – мне было одинаково комфортно в любую погоду. Не сидел празднично ни минуты. После всяких там водных процедур надевал на себя спортивный костюм и отправлялся гулять.

Здесь несколько терренкуров. Один из них уходит высоко в горы почти на три километра. Это был мой самый излюбленный маршрут. Он позволял каждый раз хорошо размяться, дать нагрузку сердцу и «дыхалке».

Дорога въезжает наверх по краю ущелья. Там, внизу, под толстым слоем снега, течёт закованная ещё и в панцирь льда речка Белокуриха. Говорят, полтора века назад по ней сплавляли лес, настолько полноводной она была. Сегодня, судя по тому, что речка спокойно прячется подо льдом, этого даже представить невозможно. Хотя те, кто здесь бывал летом, утверждают, что речка на самом деле бурная, шумная, стремительная, красивая. Мчатся чистые и прозрачные воды речки Белокурихи вниз с такой скоростью, что, ударяясь об огромные, ими же отшлифованные за много веков валуны, они становятся молочно-белыми, а мириады брызг, разлетающиеся во все стороны, светятся на солнце всеми цветами радуги... Такую картину рисует моё воображение.

Но сейчас ранняя весна, и пейзаж перед глазами совсем другой. Однако я нисколько не сожалею об этом, ведь всякое время года – благодать! Здесь раздолье и для экстремалов. Там, где кончается терренкур, на более-менее спокойном участке речки Белокурихи любители зимнего купания пробили в толще льда огромную полынью.купаются. С восторгом говорят, что в воде теплее, чем на воздухе! Трудно поверить, ведь вода-то стекает со снежных вершин и по идее должна быть ледяной!

Пожалуй, только здесь я впервые в своей жизни увидел столько чистого и совершенно белого снега. Наверное, думал я, это и есть эталонная белизна. Даже в далёком детстве, когда всё казалось первозданным, снег не был таким чистым и ослепительным.

В дни моего сюда приезда несколько раз над Белокурихой нависали плотные серые тучи и с неба крупными пушинками тихо падали белые хлопья.

Картина завораживающая. Вот сейчас смотрю на фотографию, сделанную во время такого снегопада, и снова, к сожалению, теперь только мысленно, возвращаюсь в благословенную Белокуриху.

Но, кажется, не об этом я хотел рассказать.

Так вот, не успел приехать в Белокуриху, а уже нужно было подумать об отъезде. Не хотелось возвращаться тем же путём, каким приехал в санаторий – дорога через Барнаул – Бийск оказалась долгой и бесконечной. Двадцать с лишним часов в пути на автобусе! Даже самому привычному к трудностям путешествия человеку она может показаться утомительной. Решил воспользоваться другим маршрутом – на поезде через приграничный городок Кулунду. Позвонил своему давнему приятелю Игорю Чугрееву. Его многие горожане, когда он жил в Экибастузе, должно быть, помнят по публикациям в местных газетах. Так вот,

он как раз сейчас и живёт в Кулунде. Мой коллега, как выяснилось, сейчас сидит без работы. А когда узнал, откуда я звоню, искренне удивился:

– Надо же, какое совпадение, – удивлённо произнёс Игорь в трубку, – я не далее как вчера звонил в Белокуриху. Разговаривал с редактором газеты «Город Белокуриха», у них там есть вакансия. Хочу туда перебраться...

– А что, разве в этом небольшом городке есть своя газета? – в свою очередь поинтересовался я.

– Да, есть. Но в тот раз толком ничего конкретно выяснить не удалось, – посетовал он, – видимо, нужно будет съездить туда и все вопросы решить на месте.

– Игорь, – сказал я ему, – я тебе помогу, мне совершенно не трудно сходить, здесь всё рядом, в редакцию и поговорить с редактором.

Так и решили.

Ну, всё. Прощай беззаботный отдых! Мозги снова включились в процесс. Не зря говорят, что журналист – это диагноз. Его голова никогда не празднует. Где-то там, в тайных лабиринтах черепной коробки, постоянно копошатся всякие мысли.

Журналист всегда пишет, даже если он не за клавиатурой компьютера или не с авторучкой в руке.

Любопытство взяло верх, и я отправился на поиски редакции «Город Белокуриха». Оказалось, это не так далеко. Одним словом, язык довёл меня до Киева. Но, к сожалению, редактора, с кем несколько дней тому назад разговаривал Игорь, на месте не оказалось. Девушка, сидевшая за компьютером, одновременно выполнявшая роль и секретаря, и корреспондента, ответила, что Ольга Михайловна, редактор, будет только завтра. Тем временем я глянул на закрытую перед собой дверь, на которой висела табличка с надписью «Телевизионная студия «Контакт».

– А что, – спросил я удивлённо у секретаря-корреспондента, – у вас есть ещё и городская телестудия?

Получив утвердительный ответ, я тихо постучался в дверь. Вошёл. Передо мной сидели две женщины – одна помоложе, другая – чуть постарше. Представился. Сказал, что я их коллега из Казахстана и что был искренне удивлён, узнав, что в Белокурихе, мало того, что есть городская газета, так ещё и работает местное телевидение. И что к телевидению имею самое непосредственное отношение.

Познакомились. Разговорились. Выяснилось, что нам, ещё несколько минут назад, совершенно незнакомым людям, есть о чём поговорить. Ирина Анатольевна Ушакова – руководитель телестудии, и Олеся Логинова – редактор, оказались симпатичными женщинами, приветливыми, располагающими к беседе людьми. Как-то сразу без всякой натуги завязался непринуждённый разговор о работе, о проблемах, которые знакомы всем журналистам. Столько вопросов – буквально в один миг! Они – мне, я им. Так мы проговорили почти час. Потом я посочувствовал им по поводу того, как, мол, трудно, наверное, приходится работать, ведь Белокуриха – небольшой городок, а тем для репортажей – кот наплакал. Об одном и том же приходится рассказывать уже по сотому кругу.

Ирина Анатольевна согласилась со мной. Но сказала, что, несмотря на это, каждый раз их небольшой коллектив старается разнообразить тематику телесюжетов и новостей. А потом добавила, что страшно, мол, не это, а то, что над их телеканалом постоянно висит дамоклов меч. На всевозможных совещаниях, которые проводит администрация Белокурихи, нет-нет да и встанет вопрос о финансировании телеканала, вернее, о нехватке средств для его нормального

функционирования. Непременно с намёком на то, что это слишком неподъёмная ноша для города. Как в той поговорке о чемодане: «Тяжело нести, да выбросить жалко». Между прочим, как раз в конце недели на совещании в администрации должен был вновь рассматриваться вопрос о дальнейшем существовании телеканала.

– Неужто руководство города не осознаёт, что именно телевидение сегодня является самым оперативным средством массовой информации, – поумничал я, задав риторический вопрос, – к примеру, вот сейчас мы поговорили с вами, и этот сюжет можно было бы выдать в эфир уже через полчаса. В газете же эта информация появится в лучшем случае через несколько дней.

Ирина Анатольевна ухватилась за эту мысль и тут же выдала:

– А что, и вправду, давайте мы с вами сделаем сюжет.

– О чём? – не дал я ей развить эту тему дальше.

– К примеру, что интересного вы узнали о Белокурихе, о предприятии, где вы работаете – ведь есть что рассказать?

Для меня это предложение оказалось таким неожиданным, что, честно сказать, опешил. Я-то знал, что поделиться есть чем, да и впечатлений за время пребывания в Белокурихе накопилось немало. Но вот представить себя в роли интервьюируемого просто не мог. Всю жизнь брал интервью у других, но самому этого делать не приходилось. Вот только сейчас я ощутил на себе тот ужас, который, должно быть, охватывает людей, когда им подносят микрофон. Короче, утвердительного ответа я не дал. Промямлил что-то вроде того, что нужно подумать.

По дороге, идя в санаторий, вспомнил слова Ирины Анатольевны о том, что как раз сегодня у неё сложилась ситуация, выхода из которой она пока не видит. Оказывается, в программу, которая должна выйти в эфир через день, было запланировано два сюжета. Но оба её героя по непонятным причинам отказались от интервью. Вот поэтому она ухватилась за меня как за спасительную палочку. Я представил себя на её месте. Когда в твои планы неожиданно вмешиваются непредвиденные обстоятельства, всегда сложно перестроиться. Особенно, когда времени в обрез. Не раз у самого так случалось.

На следующий день, как и договаривались, я снова пришёл в редакцию «Контакта». Здесь меня уже ждали, даже вопросы приготовили. И я не стал кочевряжиться.

Ну что, можно начинать?

Можно. Оператор даёт отмашку рукой. Мы с Ириной Анатольевной поговорили о многом: я рассказал о том, что работаю на самом крупном угледобывающем предприятии мира – разрезе «Богатырь», о наших экономических связях с Россией. Вспомнил также о двух случаях, когда в суровые зимы 1985 и 2008 годов «богатырский» уголь без преувеличения спас многие российские города и села от замерзания, упомянул о том, что приехал в санаторий по путёвке, которая обошлась мне лишь в четвертую часть её полной стоимости. Конечно же, не мог не выразить восторга по поводу курорта Белокуриха, об этой жемчужине Алтая.

После съёмки мы поговорили ещё минут двадцать, а уходя, я попросил переписать мне сюжет на память. В условленный день я пришёл за диском. Меня встретили как старого друга. И вновь как-то потихоньку разговор перешёл на тему нашей журналистской работы.

И вот здесь – самое важное. Сюжет вышел в эфир вечером по местному каналу. Его, оказывается, смотрят многие белокурчане. Об этом я узнал на следующее утро. Как только вышел в вестибюль санатория, чтобы отправиться на прогулку, меня окликнули работницы службы размещения.

– А мы вас узнали, – загадочно сказали они, – вчера по телевизору видели...

Вот так и приходит слава.

... Возвращался поездом через Кулунду. Оказалось, что этим маршрутом добираться до дому удобнее. Почти всю ночь спокойно спал в тёплом вагоне. В Кулунде меня встретил в половине пятого утра мой товарищ Игорь Чугреев. В ожидании автобуса до Павлодара мы проговорили с ним чуть больше часа. Говорили и о Белокурихе. Но вот переберётся ли он туда, пока неизвестно. А хотелось бы. Всё-таки свой человек в таком благословенном месте – это просто несбыточная мечта.

Что такое Манжерок?

Эту незатейливую, с легко запоминающейся мелодией песню под названием «Манжерок», я услышал в нашем сельском парке давным-давно, пожалуй, больше четырёх десятков лет тому назад. Но помню её до сих пор. Многие песни забылись, а она – нет. Недавно, когда я узнал об истории её создания, она наполнилась для меня новым содержанием.

... Мы, уже парубки, но очень скромные и нерешительные, приходили вечерами на нашу сельскую танцплощадку, где взрослые танцевали ещё «под пластинку», не только затем, чтобы посмотреть, кто и с кем танцует, но и послушать новые песни. В те годы не у всех были магнитофоны или какие-то другие технические средства, поэтому танцплощадка была для меня, также как и для других моих сверстников, местом, где можно было познакомиться с новинками советской эстрады. Вот тогда-то впервые и услышал песню с непонятным названием «Манжерок». Я сразу же запомнил слова, и она запала мне в сердце. Не потому что – какая-то особенная, а потому, что пела её моя любимая певица Эдита Пьеха. Сейчас вот думаю: как же можно было танцевать под эту песню? Ритм совсем не танцевальный... И всё же... что-то было у неё от твиста... да, так и есть, от твиста.

«Расскажи-ка мне, дружок, что такое Манжерок?» – пела Пьеха. И сама же спрашивала: «Может, это городок, может, это островок?». Так что же означает это непонятное слово? То, что для меня было дорого в молодости, остаётся таким же дорогим и важным и сегодня. В том числе и эта песня. Нередко, бывает, по утрам под тихое жужжание электрической бритвы я напеваю ту или иную мелодию. «Манжерок» – в их числе.

Причём здесь Манжерок и Белокуриха? Уверен, возникнет у читателя такой вопрос ко мне. А читайте – поймёте!

... Будучи в Белокурихе, использовал всякую возможность, чтобы узнать как можно больше об Алтае. Поехал на экскурсию по маршруту «Белокуриха-Чемал». Выехали рано утром. До конечной точки – почти двести километров. И как только дорога из Белокурихи упёрлась в Чуйский тракт, и микроавтобус весело зашелестел своими шинами по хорошему асфальту, экскурсовод начал включать наши ещё не совсем готовые к восприятию какой-либо информации мозги в работу.

Вот с правой стороны потянулось селение. Экскурсовод Елена сообщила, что это – Старобелокуриха. Мне-то до сих пор казалось, что та Белокуриха, которая является курортной зоной, это и есть в своём роде знаменитый населённый пункт. Оказалось, что история Белокурихи гораздо богаче и интереснее. И начиналась она здесь.

– Считается, что одним из первых населённых пунктов на территории Алтайского района появилось село Старобелокуриха, – рассказывала наш гид. – Сохранились документы, которые свидетельствуют о том, что в мае 1802 года

крестьяне Яков Клепиков из деревни Быстрый Исток и Андрей Дорофеев из деревни Зиминой обратились с прошением о допуске их за военную линию к речке Белокурихе для «хлебопашества с построением необходимо нужных избушек». В октябре того же года крестьянин деревни Шубенки Василий Пахомов писал в прошении: «...покорнейше прошу для произведения хлебопашества заимкою уволить меня в залинейную сторону на речку Белокуриху, где таковое хлебопашество производят из деревни Быстрого Истоку крестьянин Яков Клепиков со товарищи...».

Так много лет тому назад было положено начало деревне Белокуриха. К 1808 году, по данным шихтмейстера А.Гаузе, «...на заимке Белокурихе оказалось жительствовавших крестьян домами и производством хлебопашества 44 мужских ревизских души в 18 семьях». В 1834 году в деревне Белокурихе Алтайской волости насчитывалось уже 405 жителей, из них 192 души мужского и 213 душ женского пола.

Невольно мысли унеслись далеко-далеко, на два столетия назад. Вспомнились герои рассказов писателя Вячеслава Шишкова, который несколько лет своей жизни провёл в этих краях, проектируя и строя знаменитый Чуйский тракт. Повезло известному писателю, он встречался с интереснейшими, неординарными людьми, у него была возможность жить рядом с ними, узнавать их характеры, впитывать в себя красоту их речи, поведения, а потом точными красками переносить их колоритные образы на бумагу. Сейчас что? Мимолётные встречи, стремительность общения, а в душе – пустота... Ну это я расфилософствовался...

Сегодняшняя Старобелокуриха – достаточно крупный населённый пункт. И хотя почти за два столетия сменилось несколько поколений старобелокурчан, наверное, всё же здесь ещё остались их потомки. Интересно было бы встретиться с ними и поговорить о предках, узнать, течёт ли в их жилах та неистребимая жажда жизни, которая была присуща их свободолюбивым родичам. Надеюсь, что в следующий приезд сюда осуществлю свои мечты.

Микроавтобус миновал Старобелокуриху, и вскоре на нашем пути возник ещё один населённый пункт, затем – другой, третий... А потом как будто отрубило – впереди поплыли степи и безлесные заснеженные холмы, на протяжении двух-трёх десятков километров ни одного домика. Понятное дело, нет воды – нет и жизни – речка-то Белокуриха осталась далеко позади.

Часа через полтора, которые наш экскурсовод заполнила рассказом о легендах и былях Алтая, мы въехали в посёлок, как бы зажатый с одной стороны горами, с другой – рекой Катунь. Я пропустил табличку с названием населённого пункта. Между тем Елена поставила на лазерный проигрыватель какой-то диск. Через секунду зазвучала до боли знакомая мелодия. Это была песня «Манжерок», но в исполнении очень популярного в семидесятые годы вокального квартета «Аккорд». Экскурсовод продолжила свой рассказ, и я стал внимательно вслушиваться в каждое её слово.

Она напомнила экскурсантам, что именно посёлок Манжерок, доселе мало кому известный, в середине шестидесятых годов прошлого столетия неожиданно стал знаменитым. А прославил его на весь Союз и дружескую Монголию международный фестиваль, который в течение нескольких дней проходил здесь. По тем временам это событие имело огромное политическое и культурное значение. Как многие, наверное, помнят, наши отношения с Китаем в те годы были очень натянутыми, поэтому руководство страны посчитало необходимым таким образом продемонстрировать свои тёплые отношения с соседом – Монгольской Народной Республикой. Монголия была тогда единственным нашим союзником в этом регионе.

Фестиваль проходил в том числе и на берегах Манжерокского озера. К этому событию была построена прямо на водной глади концертная площадка, на которой и происходили все культурно-массовые мероприятия. Именно на этой импровизированной сцене свою новую песню «Манжерок» спела молодая певица из Ленинграда Эдита Пьеха. Песня имела огромный успех, потому что была созвучна с настроением молодёжи двух стран. Говорят, что её написал по специальному заказу «сверху» композитор Ваню Мурадели. Но я засомневался: сказал об этом экскурсоводу. Не мог, хоть умри, Ваню Мурадели написать такую лёгкую и лирическую песню. Из-под его пера, как говорится, выходили такие монументальные произведения, как «День за днём идут года, зори новых поколений. Но никто и никогда не забудет имя Ленин», или тот же «Бухенвальдский набат». (Забегая вперёд, скажу, что мои сомнения оправдались. Забравшись в Интернет, я нашёл информацию о том, что её, якобы, на самом деле написал композитор Ваню Мурадели. В другой заметке говорилось, что авторами песни являются композитор Оскар Фельцман и поэт Михаил Танич. Но и это не всё. В другой ссылке композитор тот же – Фельцман, но поэт уже другой – Наум Олев. Вот попробуй теперь добраться до истины. И всё же я восстановил справедливость, докопался-таки до правды).

На самом деле автор стихов – Наум Олев. В огромном перечне песен, написанных на его стихи, есть и «Манжерок». А песню они с композитором Фельцманом и вправду сочинили по заказу высокопоставленного лица из ЦК комсомола страны. Будто бы чиновник говорил им, чтобы особенно не старались, а написали песенку-однодневку, мол, пройдёт фестиваль – и все забудут про неё. Но не получилось. Это незатейливое произведение пережило десятилетия, и сегодня нередко его можно услышать на волнах всевозможных ретроканалов, стало «золотым» хитом советской эстрады.

Село Манжерок мы проехали быстро. Но экскурсовод продолжала нас пичкать информацией. Посетовала, правда, мол, жаль, что сейчас не лето, а зима. Летом экскурсионный маршрут включает в себя и поездку на Манжерокское озеро. Оно находится у подножия горы Синюха, на которой недавно был построен замечательный горнолыжный комплекс. Не знаю, как другие, но я искренне пожалел, что не удалось увидеть это самое знаменитое озеро, где проходил фестиваль.

А экскурсовод Лена продолжала свой монотонный рассказ, чувствовалось, что устала от многочасового общения с нами. И всё-таки, об озере. Оно небольшое. Длина всего 400 метров, максимальная глубина – не более трёх метров. Главной же достопримечательностью озера является водяной орех чилим, занесённый в Красную книгу России. Древнее население Алтая, гласит поверье, использовало его как ценное лекарственное и красильное сырьё, как талисман, а также для украшения одежды. Наш гид заметила, что, мол, учёные утверждают, что орешек чилим произрастает здесь с доисторических времён и возраст у него – несколько миллионов лет. Растение очень «умное», оно, если не совпадают многие климатические факторы, скажем, температурный режим воды и атмосферы, сроки смены времён года и другие, может не подавать признаков жизни в течение десятков лет – будет себе лежать на дне озера и дожидаться лучших дней. А уж когда всё это совпадёт – орешек всплывает на поверхность и подобно лилии, постепенно покрывает всю водную гладь ярко-зелёным ковром. В Интернете я не нашёл подтверждения этому факту. Но это совсем не умаляет моего интереса к этому удивительному растению.

На одном из торговых базарчиков, где местное население торгует сувенирами, я купил себе на память несколько серо-чёрных орешков, напоминающих рогатую голову быка. Он теперь стал моим талисманом. Я верю, что ещё не раз приеду в Белокуруху.

Ну что? Теперь-то вы точно знаете, что такое Манжерок?

Там, где жил Пашка Колокольников

Фильм «Живёт такой парень», который поставил в начале шестидесятых годов прошлого столетия тогда ещё мало кому известный писатель, актёр и режиссёр Василий Шукшин, я впервые посмотрел много лет тому назад. О Василии Макаровиче в далёкой советской глубинке, каким являлось наше село Маканчи, не знали и подавно. Но так как память на фамилии актёров, режиссёров у меня в то время была очень хорошая, то я легко запомнил имя Шукшина и исполнителя главной роли Леонида Куравлёва. Фильм произвёл на меня глубокое впечатление. Своим лиризмом, понятным и простым сюжетом. Но особенно поразил главный герой картины – Пашка Колокольников. Простой, доверчивый рубаха-парень – механик-водитель второго класса, он смотрит на мир открыто и бесшабашно. Всегда и всем готов прийти на помощь. Не лукавит, не кривит душой, а живёт так, что всем рядом с ним находящимся становится хорошо и легко. Свой парень, одним словом. Человек, без которого окружающий мир кажется тусклым и скучным. Несколько месяцев раньше в нашем сельском клубе демонстрировали фильм Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими», в котором одну из ролей исполнял также Леонид Куравлёв. Но то был совершенно другой человек – серьёзный, благородный, честный...

В то время я даже и предположить не мог, что пройдёт несколько лет, и образы героев этих фильмов вновь оживут в моей памяти.

... Я – абитуриент. Поступаю на факультет журналистики Казахского госуниверситета имени Кирова. Аудитория битком набита такими же, как я, мечтателями стать журналистами. Все волнуются, гадают, какими будут темы сочинений? Только что перед тем, как раскроются двери аудитории, самые информированные абитуриенты говорили, что обязательно будут критик Белинский, Лев Толстой со своей Наташей Ростовской, Островский и его несчастная Катерина... Меня эти темы совсем не интересовали, не любил я анализировать образы героев художественных произведений.

Написав на доске темы двух первых сочинений, преподаватель повернулась к аудитории, и сказала: «Сочинение на свободную тему очень простое: «В жизни всегда есть место подвигу», но имейте в виду: кто возьмётся за неё, тот не должен строить свой рассказ на литературных персонажах, это обязательное условие». Вот как раз меня это предостережение не испугало. А тема понравилась. Я поднапряг память и вспомнил, в первую очередь, про Пашку Колокольникова, который, если кто сейчас помнит фильм «Живёт такой парень», совершил подвиг, спасая от пожара цистерны с горючим на большой нефтебазе. Всё произошло мгновенно: загорелись бочки с соляжкой в кузове одной из машин. Кто в этот час был рядом, разбежались в разные стороны. Поддался панике и Пашка. Но вдруг повернул назад, вскочил на подножку машины и повёл пылающий «ЗиС-130» прочь от нефтебазы. Отвёл большую беду. Но сам при этом пострадал. Потом, лёжа на больничной койке, на вопрос местной журналистки, что, мол, его заставило кинуться к горящей машине, коротко ответил: «Дурость». Просто и ясно. Пашке было даже невдомёк, что он совершил подвиг. Разве это не пример для подражания?

Вот поэтому, наверное, мне так понравился герой этого фильма – Пашка Колокольников.

Тему героизма, примером которой послужила жизнь простого сельского парня, я провёл через всё своё сочинение. И сейчас с полным основанием могу утверждать, что он помог мне поступить в университет и стать журналистом.

К чему я всё это вспоминаю сейчас, спросите вы? Отвечаю: экскурсовод Лена, когда наш микроавтобус почти миновал посёлок Манжерок, привлекла внимание путешественников к старому бревенчатому зданию по левую руку, на котором красовалась вывеска «Столовая», сказав, что именно это заведение советского общепита прославил в своём фильме «Живёт такой парень» Василий Шукшин. Невероятно! Прошло ведь уже почти полвека с тех времён, а оно до сих пор целёхонькое! Неужели ни у кого не поднялась рука снести его и построить на этом месте другое, более фешенебельное здание?

К счастью, не нашлось. А место-то хорошее. Вон сколько таких теремов выстроено вдоль Чуйского тракта да по берегам Катуня. Но если найдётся, думаю, что это будет человек, которому безразлично то, что было дорогим для старшего поколения. И, как и прежде, сюда будут приезжать тысячи и тысячи туристов, чтобы посмотреть на своеобразный символ нашей прошлой жизни.

Мы проехали посёлок Манжерок. И теперь до самого Чемала под мерный голос экскурсовода осталось только любоваться мелькавшими за окном картинами природы. Даже ранней весной, когда все горы и сопки были покрыты снегом и ещё ничто не подсказывало, что вот-вот придёт тепло, она казалась божеественно красивой. Я наслаждался величественной панорамой Алтайских гор, представлял, как, освободившись из-под льда, река Катунь, как писал о ней Василий Шукшин, «злая, белая от злости, прыгает по камням, бьёт в их холодную грудь крутой яростной волной, ревёт – рвётся из гор. А то вдруг присмирееет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьёт за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами».

Вот и у меня сейчас не хватает слов, чтобы выразить всю полноту чувств, которые охватили мою душу.

... Курортные дни в Белокурихе, беззаботные, наполненные желанием объять необъятное, пролетели незаметно. Не хотелось из сказки возвращаться в реальность.

Уже дома вновь и вновь «перелистывая» в памяти самые интересные фрагменты путешествия по Горному Алтаю, решил все свои впечатления, чтобы душа освободилась от такого приятного груза, переложить на бумагу. Но прежде зашёл в Интернет, какое это всё-таки великое дело – Интернет, нашёл фильм «Живёт такой парень» и воскресил в памяти юношеские впечатления о нём. Это, скажу я вам, непередаваемые ощущения.

Фильм как раз начинается с панорамы посёлка Манжерок, затем, захватывая Чуйский тракт, кинокамера останавливается на той самой столовой, которая прославилась небольшое алтайское селение. Тогда она выглядела солидно, смотрелась внушительно, народу возле неё было много. Правда, режиссёр Шукшин, мне так кажется, для того, чтобы придать этому заведению общественного питания более презентабельный вид, повесил на фронте вывеску с крупными буквами «Чайная». Именно отсюда начинается завязка кинокартины.

Я смотрел кино с нескрываемым интересом. Вот на киноплёнке запечатлён фрагмент, на котором можно легко узнать сегодняшний посёлок Манжерок,

а здесь машина Пашки Колокольникова мчится мимо дорожного знака с надписью «Манжерок»... Все эти места, не подозревая, что они есть в фильме, сфотографировал я сам. Теперь то, что на протяжении почти полувека было для меня чем-то далёким, недостижимым, стало наконец-то реальностью.

Я побывал в тех местах, где почти полвека тому назад жил и трудился замечательный парень Пашка Колокольников. Возможно, точку для фотосъёмки я выбрал именно ту, на которой почти полвека назад стояла кинокамера, и режиссёр Василий Шукшин скомандовал оператору: «Мотор!».

Чуйский тракт Вячеслава Шишкова

Имя Вячеслава Шишкова, великого русского писателя, которое упомянула в своём рассказе о Чуйском тракте экскурсовод Лена, воскресило в моей памяти одно событие.

Оно произошло много лет назад. Моя старшая сестра Галя работала библиотекарем в районной библиотеке села Маканчи. Я учился тогда в классе седьмом-восьмом. Однажды решил заглянуть к ней по какому-то важному делу. Мы вышли с ней во двор. И тут я увидел под навесом достаточно большую кучу книг, сваленных как попало. Спросил у сестры – почему они так безжалостно обращаются с книгами.

– Это уже макулатура, – ответила сестра, – посмотри сам, книги достаточно потрёпанные, очень древние, поэтому по плану они попали под списание.

Ради любопытства подошёл к свалке и стал рассматривать эту самую макулатуру. Каких только здесь не было книг! И Толстой, и Пришвин, и Станюкович, и Золя, и даже Пушкин с Чеховым... В основном здесь лежали произведения классической литературы. Библиотекарям жалеть их не было смысла, место устаревших фолиантов уже заняли совершенно новые издания этих же авторов. Библиотеки, пусть даже расположенные в самой глубинке, тогда, в советские времена, чётко, как говорится, по расписанию, пополнялись новым фондом. И потому эта макулатура сейчас не представляла для них никакой ценности.

Я постепенно разбираю кучу, отбрасывая в сторону то одну, то другую книгу. Но тут мне на глаза попался в неприметном переплёте старенький томик рассказов Вячеслава Шишкова «Алые сугробы». Убей меня сейчас, но я не могу ответить, почему именно её я тогда вытащил из этой кучи и забрал с разрешения сестры домой. Тогда же впервые узнал об авторе этого сборника – писателе Вячеславе Шишкове.

Теперь-то я понимаю: всё в моей жизни заранее было predetermined, и книга незнакомого мне тогда автора тоже попала под руку не случайно.

Пройдут годы, и я окажусь в тех местах, где несколько лет жил и работал замечательный инженер, будущий писатель Вячеслав Шишков. Напомню, из-под его пера вышли такие замечательные романы, как «Угрюм-река», «Емельян Пугачёв», «Ватага» и другие. Есть у Шишкова также много замечательных рассказов, героями которых являются люди, с кем ему приходилось сталкиваться в период разведки, а затем и проектирования знаменитой в Горном Алтае дороги – Чуйского тракта. Эти два коротких слова, наверное, у многих на слуху. Именно тогда, много лет назад, когда я принёс домой случайно выбранный из кучи спитанных книг сборник рассказов «Алые сугробы» и прочитал аннотацию к ним, словосочетание «Чуйский тракт» навсегда засело в моей памяти.

И вот я еду по тому самому Чуйскому тракту. Дорога то стремительно несётся вниз, то резко идёт на подъём. Пожалуй, не найдётся здесь ни одного участка, который бы ровной стрелой уходил вдаль. Водителю всегда нужно быть начеку: обязательно за тем или этим поворотом жди, что последует новый опасный

участок. Параллельно тракту течёт, повторяя изгибы вечной дороги, непокорная Катунь. А чуть поодаль, и тоже рядом с дорогой и рекой, высятся покрытые снегом горы.

Чуйский тракт жители Алтая зовут вечной дорогой. Упомянут он в документах, относящихся ещё к третьему тысячелетию до нашей эры. Уже тогда караваны верблюдов и лошадей везли по ней на Алтай товары из Тибета, Китая, Передней Азии. Чуйский тракт был началом Северной дороги Великого шёлкового пути. Дотошные историки докопались до самых далёких глубин прошедших тысячелетий. В те древние времена эта дорога представляла из себя, скорее, петляющую по горным хребтам и уступам тропу, чем наезженный тракт. Местами она становилась настолько узкой и опасной, что не то что двум встречным караванам – пешим людям невозможно было разминуться на так называемых бомах – узких «прижимах» над обрывами. И тогда погонщик шёл далеко вперёд, до следующего бома, клал на тропу свою шапку. Это был знак встречному каравану: внимание, мол, пропусти «пешехода!». Затем возвращался за своим караваном и попутчиками. Так, наверное, наши далёкие предки изобрели прототип сегодняшнего светофора.

Неспешно текли века, и ничего не менялось. До середины 18 века. Когда здесь только-только начали обосновываться подданные русского царя. Они поняли, что эта дорога им нужна не столько для выручки торговцев с далёкой окраины империи, а для собственных интересов. Политика, однако! Путь через Алтай означал расширение российского влияния в Азии.

Начиная с 1860-х годов, вопрос о необходимости тракта на Алтае не раз обсуждался в высоких столичных кабинетах. Первые участки колёсной дороги начали строить лишь в конце 19 века по маршруту старой вьючной тропы: от Бийска до пограничного селения Кош-Агач, а потом в Монголию и Китай. Построить построили, а на поддержание дороги средств не выделяли. В конце концов, к 1913 году она приобрела первоначальное разбитое состояние.

Именно в эти годы начался расцвет и подъём российской промышленности. Помните по урокам истории, когда наши учителя достижения первых советских пятилеток сравнивали именно с достижениями 1913 года? Крепнувшему государству нужны были надёжные дороги для расширения торговли и контактов с соседями. Поэтому на повестку дня встал вопрос о восстановлении Чуйского тракта. На разведку из Томска послали изыскательскую партию из десяти человек во главе с инженером-водником Вячеславом Шишковым. Перед ним стояла сложная задача – сделать необходимые расчёты не только относительно восстановления прежнего тракта, но и представить своё заключение о возможности строительства новой трассы.

Можно только представить себе, в каких невероятно сложных условиях пришлось работать изыскателям. Шишков разделил свою группу на две по пять человек, и каждая пошла своим путём. В подмогу – только лошадиные силы, да железная воля и крепость духа. Задачу свою изыскатели выполнили с высоким качеством. Об этом говорит тот факт, что рабочими планшетами инженера Шихова с его заметками и расчётами до сих пор пользуется дорожная служба Чуйского тракта.

... Наш микроавтобус петляет по хорошо асфальтированной дороге, за стёклами мелькают селения – одно совсем крошечное, другое – чуть побольше... И буквально на каждом из ближайших домов и домиков можно увидеть таблички с надписью: «Сдаётся». Местное население ждёт не дожждётся лета, когда сюда хлынут тысячи и тысячи туристов, чтобы предоставить отдыхающим пристанище. Лето для них – золотая пора, они говорят: «Как потопаешь летом, так полопаешь зимой».

А вот с правой стороны дороги показался памятник. Это памятник великому инженеру-изыскателю современного Чуйского тракта и замечательному писателю Вячеславу Шишкову. Мы на несколько минут остановились у края дороги, где чуть поодаль стоит монумент. На двухметровом бетонном основании установлена конструкция, напоминающая открытую книгу. На её изгибе размещён барельеф писателя. Строгое, сосредоточенное лицо, слегка прищуренный взгляд... Такое впечатление, что Вячеслав Яковлевич Шишков сегодня оценивающе смотрит на нас из своего далёкого далека... Я сфотографировался у памятника. Думал ли я много лет назад, ещё школьник, что когда-то буду стоять рядом с великим русским писателем?

И снова в путь. Снова дорога вьётся между горами и закованной в лёд Катунью...

Наверное, именно эти горы описывал в своей повести «Алые сугробы» писатель Шишков. Уже дома, перечитав рассказ, я мысленно вновь оказался в тех местах, которые, уверен, и сегодня не оставят равнодушными никого. Герои повествования Степан и Афоня, мужики из далёкой приволжской деревни, отправились в неведомый край в поисках сказочной страны под названием Беловодье. Туда, где «дожди тёплые, солнышко благодатное, пшеница сама собою круглый год растёт – ни пахать, ни сеять. В цветистом большетравье без конца, без счёту стада пасутся – бери, владей».

Много дней и ночей они ехали на лошадях, и вот, наконец, перед их взором выросли величественные горы, покрытые непроходимыми лесами и вечными снегами. Путешественники остановились на ночлег у самого их подножия.

Утром путники выбрались на самый перевал. «Глянул Афоня, – пишет Шишков, – и всё внутри его заплясало: весь Алтай всколебался перед ним. Горы, как хребты страшных чудовищ, высились над землёй: ближние – в ярко-зелёной щетине леса, на ободранных боках кровавые подтёки; а там – чёрные рёбра обнажились, там – осыпь серых камней – курум. Дальше же яркая зелень блёкла, голубой закрывались горы завесой, гуще, гуще завеса, и уже в правую руку, куда летел очарованный Афонин взор, – было синим-синё».

Слыша эти строки, даже слепой, наверное, может представить себе всю красоту природы Горного Алтая. И хотя они были написаны без малого девяносто лет тому назад, по-прежнему от каждого слова, от каждой строчки веет свежестью, таинственностью, глубиной, точностью, будто ничто в этом мире не изменилось с тех пор.

Примерно такое ощущение испытал я, когда впервые поднялся по канатной дороге на гору «Церковка». С высоты птичьего полёта, куда только хватает взор – горы, покрытые густой зеленью непроходимых лесов. Тогда, в предвечерний час, мне казалось, что кто-то своей нежной рукой накинул на кроны сосен и елей трепетную прозрачную вуаль. Горы будто тонули в сизо-голубой дымке...

Я любовался красотой пейзажей, которые простирались передо мной. Хотелось распластать руки, как крылья, и взметнуться над этими алтайскими просторами, чтобы запечатлеть в памяти каждый момент полёта... Но нужно возвращаться. Я ещё раз глянул вниз, и перед моим взором, как перед взором Афони из рассказа Шишкова «Алые сугробы», «всколебался» весь Алтай. Прошло ещё несколько мгновений, и всё вокруг стало синим-синё!

... А Чуйский тракт всё бежал и бежал вперёд. И как здорово, что экскурсовод Лена на обратном пути дала нам возможность расслабиться и молча созерцать красоту здешних мест. Чтобы запомнить на всю жизнь.

г. Экибастуз

Павлодарской области.

Александр МОРОЗОВ

Попугаи алтайских лесов

Алтай славен лесами, а леса – грибами. Заявляю так не как знаток оных, а как поклонник тихой охоты. Если где-то сезон грибной охоты начинается осенью, то у нас, на благословенном Алтае, грибы можно брать уже весной. Шампиньон обыкновенный, как и все грибы, отзывчив на тепло и влагу. В предгорьях при дружной и мочливой весне его можно найти уже в мае.

Гриб этот небросок, и по какой-то причине тяготеет к остаткам человеческого жилья, вблизи которых его частенько можно и обнаружить. Сами высыпки шампиньонов появляются неожиданно и в самых непредсказуемых местах: их встречаешь и на голых, щебнистых увалах сопок, и в тенистых, крутосклонных логах, поросших густой непролазной травой. И вот, среди духмяных зарослей конопли, лебеды, наткнёшься на нежданную полянку, на которой поселился грибной клан. Надо внимательно обыскать округу в поисках беглецов, среди которых могут быть как семейства, так и одиночки-гордецы. На вид шампиньон неказист, но привлекателен, особенно своей юной свежестью. Примечателен он и насыщенным, сытным грибным ароматом.

Стоп! Не будем забираться в кулинарные дебри, а скорей вернёмся в предгорья Алтая. Ближе к осени обычны здесь степные грузди, валуи и вешенки. Неброские эти грибы под стать окружающим пейзажам.

Более весёлые, яркие грибы живут подальше – в сосновых борах, пихтачах, ельниках и смешанных лесах среднегорья.

Как-то довелось мне бродить у дельты речки Тополёвки. Ябрёл по смешанному лесу, за спиной пряталась громада Курчумского хребта. Летний лес был красив, но красоты его я не замечал. Не зная тропы, я умудрился непонятным образом забрести в сплошной кочкарник. Кочки были невысокими – по колено, но частыми и хилыми. Этакие столбики, меж которыми хлопала невидимая из-за травы вода. Идти, переступая с кочки на кочку, было невозможно – ноги постоянно оскальзывались и, после нескольких неудачных попыток, пришлось идти подобно журавлю, высоко поднимая ноги. Непривычный стиль требовал неусыпного внимания и приличных усилий. Вдобавок сильно мешала высокая трава, и я быстро вымотался. Кое-как добравшись до сухой гривки, я решил отдохнуть. Во рту пересохло, и хоть всюду была вода, пить из мочажин я не решался. В траве атели редкие ягоды костяники. Живительный сок был восхитительного пресноватого вкуса с еле ощутимым налётом сладости. Живая ягодная вода, словно бальзам, смочила давно пересохшие губы и горло. Наслаждение вкусом оживило интерес, и я с любопытством стал рассматривать траву, деревья: куда всё-таки идти дальше? Не спеша собирая костянику, я обследовал гривку, и тут на глаза мне попался незнакомый гриб. Незнакомец был невысок, плотен, упруг и цветом напоминал синюю побегалость на стали. Блеск шляпки в лучах полуденного солнца отдалённо напоминал переливы на хитиновых доспехах некоторых насекомых. Даже

вечное синее небо слегка поблёлкло при виде такого великолепия. Восхищённый, я долго любовался тёмно-синей побежалостью шляпки, мягкой, прозрачной зеленью смешанного леса, слегка густеющей к траве. Мне захотелось найти ещё один такой же гриб, и к сбору ягод добавились поиски. Я забыл про дальнюю долгую дорогу, желание переполняло меня, и я челноком заходил по гриве. Нежданные подарки сами бросались в глаза и просились в руки. Поскольку их съедобность/несъедобность была для меня тайной за семью печатями, я решил набрать по одному грибочку каждого вида. Кроме мухомора. Ядовито-красный в белую крапинку гриб узнает каждый. Но, наткнувшись на очередной мухомор, шляпка которого была словно облита застывшим желе и переливалась всеми оттенками от светло- до тёмно-медового, я понял, что у знаменитого мухомора тоже есть родственники! В сбор их! Другие грибы тоже были великолепны, они, словно драгоценные камни, переливались яркими, чистыми красками. Поиски и находки так увлекли меня, что огромные пространства съезжились до размера небольшой песчаной гривки, но по-прежнему беззаботно одаривали путника. На сей раз грибами диковинных цветов. Среди найдёнышей не хватало изумрудных – наверно, им хорошо было прятаться в зелёной траве. Остальная радуга была в наличии – я с трудом удерживал её между пальцев. День угасал медленно. Медленно блёкли чистые, яркие краски, покрываясь лёгкой матовой пеленой. Но даже потускнев, они не теряли своей девственной потаённой прелести.

К месту я добрался к вечеру. Филиппыч уже был на своём сторожевом месте, курил у крыльца конторы, по стародавней привычке пряча огонёк в кулаке.

Филиппыч был удивительным стариком. Он доживал век бобылём, никогда не кичился ветеранством Великой войны, был неназойливо приятен в общении, но всегда мягко гнул свою линию – если таковая была. Родной брат его дослужился до генерала и проживал то ли в Первопрестольной, то ли в Подмосковье. Иногда я с наивной простотой допытывался:

– Филиппыч, продавай избушку и к брату! Он, поди, поможет тебе квартиру получить. Как участнику Великой Отечественной. Там врачи, снабжение... Зачем тебе этот медвежий угол?

Он отмалчивался, поглядывая на далёкие склоны горбатого Курчумского хребта или на берёзы, на которые весной частенько присаживались по утрам косачи, и без всякой, как мне тогда казалось, связи начинал рассказывать очередную байку из деревенской жизни.

Его-то, как старожила здешних мест, я выбрал в эксперты, ибо научная сила специализировалась на млекопитающих, рыбах и птицах, и микологов среди них отродясь не было.

– Показывай, – с лёгкостью согласился Филиппыч.

– Обабок.

Я удивился.

– Да обабок же!

Я удивился ещё больше. Все грибы, кроме мухоморов, по заключению доморощенного эксперта, оказались обабками. Я, по инерции любознательности и городской дотошности, долго пытал Филиппыча, намереваясь не мытьём, так катаньем нащупать какое-нибудь общепринятое название: сыроежка там, маслёнок, подберёзовик... Филиппыч не сдавался, и в ответ слышалось одно и то же. Категоричное: «Обабок».

– Обабки же! – вскричал вконец осерчавший и рассердившийся на мою непонятливость эксперт, прутиком откатывая в сторону медовый мухомор.

– Эх, Филиппыч, старый что малый, – решил я немного проучить патриарха. – Заладил, как попугай, одно и то же, – укорил я, глядя на разноцветье грибов, гирляндой разложенных на высоком крыльце.

– Посмотри на эту разноцветную гирлянду из алтайских лесов! Как можно такие разные грибы одним словом обзывать?! – вскричал я, доведённый до крайней степени каления упрямым дедом. И ткнул указательным пальцем в гирлянду!

Филиппыч улыбнулся лёгкой, светлой и немного хитровой улыбкой, так красившей его; от давно выцветших глаз лучиками брызнули мелкие морщинки.

– Обабок – значит съедобный! – наставительно, словно неразумному дитяти, пояснил мне Филиппыч скрытый смысл диалектизма.

... На память о Филиппыче у меня осталось редкое слово «обабок» и красивая метафора, которую я и вынес в заголовок.

Серая боевая машина

Серые разбойники неслышными привидениями материализовались в густеющей вдали серой мгле. Зловещая пара не спеша трусила к скотомогильнику, находившемуся правее меня. В той же стороне, в соседней скирде соломы, хоронился и напарник по охоте – дядя Миша. Я скрипнул зубами и чертыхнулся – удача проходила мимо, вне досягаемости моей картечи. Немного утешала радость за дядь Мишу, – серые мышастые тени должны были выйти точно на него.

Не зря, ох, не зря подбивал меня дядь Миша покараулить серых у набитой тропы.

– Слухай, Сашка, – доверительно схватил он меня за локоть, – кум с Красного Яра приезжал. Говорит, на скотомогильник волки повадились ходить.

– Давай покараулим, верняк будет! – жарко шептал он мне в ухо, что, по давней его привычке, означало высшую степень доверительности.

– Ну, не тяни! – в его тоне появились нотки требовательности.

Сам я на такой охоте не бывал, только слышал о ней. Душа встрепенулась, нервы потихонечку зазвенели от предчувствия скорых переживаний.

– Может, на послезавтра наметим? А то моя Любанька стирку наметила. А мне с Алёнкой побыть надо.

– Сашка, да ты белены объелся, что ли? – притворно возмутился Арсентьич. – Если что, я сам переговорю с Любашей, – убедительно про-рокотал он. – Отпустит она тебя! Куда ей деваться! Полнолуние ведь.

Я и сам знал, что деваться жене некуда. Охота для меня – дело святое. В охотничий сезон домашние дела могут подождать до его окончания. Люба с пониманием относилась к моей страсти, только изредка подпуская мне шпильку.

Придешь иногда с охоты, намёрзшийся, уставший, к тому же пустой как барабан. Не заладилась день, хоть тресни!

– Ну что, милый, как охота?

Разведу я молча руками в стороны – ничего, мол! Нет добычи.

Она тут же выдаст своё знаменитое:

– Ах, да-а! Умчались зайцы по метели, даже яйца запотели! – поможет мне с охотничьей амуницией расправиться, на душе полегчает, тягостное отпустит. И, кажется, что день пролетел не зря, не зря убежали от нас русачки с бялочками. Значит, кому-то так надо. А сейчас? Сейчас мимо меня должны были бесшумно проплыть две плоские серые тени. А тогда? Тогда Люба слегка нахмурилась, на лицо её набежала мимолётная тень.

– Что с тобой делать? – вздохнула она, и вместе с лёгким выдохом исчезла набежавшая тень. Она скоро, как обычно, помогла мне собраться и напоследок пожелала:

– Ты поаккуратнее там, с этими серыми разбойниками!

От райгородка до Красного Яра доехать можно в полчаса. Синий ижевский «москвичок» неторопливо брал подъём за подъёмом – я только начинал входить во вкус неспешной, аккуратной езды.

– Помнишь, дядь Миш, как опоздали на последний автобус? Как семичасовой вечерний помаячил нам на прощанье оранжевыми габаритами? Пришлось от Веселово до Шемонаихи пешком топать?

– Тише, Сашка! Гололёд! – осторожный Арсентьич взволнованно тыкал коротким, толстым пальцем в лобовое стекло. – Что я, с ума выжил, – неожиданно обиделся он. – Помню, конечно. Тридцать километров ночной зимней дороги разве забудешь? Спасибо трактористу. Остановился ночью на безлюдной дороге, подобрал незнакомых мужиков с ружьями.

– Стволы-то в чехлах были, – подковырнул я его.

– Ну и чё? Главное, человек с понятием. Остановился, подобрал. Довёз – от Моисеевки до Берёзовки.

– Считаю, больше пяти километров проехали. А они тогда ох как нелишними были. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти! – мы посмеялись, с удовольствием вспоминая давнюю удачу: после целого дня блужданий за зайцами по логам да увалам, форсированного ночного марша от Веселово до Моисеевки – и так повезло!

Сначала мы попытались встать на крылья, но тракторист, хоть и слегка поддатый, был осторожен: «Не дай бог свалитесь под колёса! Лезьте на крышу, да держитесь крепче».

Всю дорогу от Моисеевки до Берёзовки мы проехали, вцепившись в бок САКа – это такая передвижная электросварка на небольшом прицепе. Наши разгорячённые лица овеял холодненький встречный ветерок. Колёсный трактор и САК несносно подпрыгивали и громыхали. Холодные звёзды равнодушно глядели на наши неуклюжие попытки удержать равновесие.

– Сашка! Держись крепче! – попыхивал парком довольный Арсентьич. – Глянь, лыжи не отвязались?

– Что им сделается? – мастерил я недовольную мину.

Так, веселясь и не паникуя, мы доехали до Берёзовки. У поворота в деревню тракторист остановился и, высунувшись из кабины, прокричал:

– Баста, дальше не могу. Трасса. Я слегка того! – и он выразительно пощёлкал по горлу. – Вдруг на гаишников наткнёмся. А мне права не лишние – они семью кормят.

Громыхающий трактор пропал за поворотом, вокруг стусутилась темь, только внизу смутно серел снег.

К городку мы подошли, когда чернильная чернота неба начинала слегка сереть, и этим, уже недалёким утром, мне надо было идти на смену. Крутой подъём перед Святым ключом чуть не прикончил в нас остатки сил. Позади осталось множество тягучих пеших километров. Ноги гудели, как телеграфные провода.

Так кончилась та охота, оставившая в памяти ночные бесконечные зимние километры. Их длина граничила с вечностью.

Чу!

Длинные серые тени замерли почти напротив меня. Я даже не стал целиться – чтобы шуршание соломы не привлекло внимания волков. Парочка придиричиво и долго оценивала окрестности на предмет безопасности.

От волнения кровь быстрее побежала по жилам, и, мгновенно пригревшись в соломенной норе, я снова, чтобы быстрее успокоиться, стал разматывать рвущуюся нить воспоминаний.

– Хороша лошадка! – Арсентьич ласково похлопал «москвичка» по панели. – Едем, кум королю, сват министру. А что прохладно, так это ничего. Закалённей будем, – хохотнул довольный дядь Миша. Погода для наших мест была вполне терпимой – ехали мы днём, и «москвичёвские» стёкла лишь слегка затянуло по углам изморозью. В салоне был отнюдь не Ташкент, но мы были одеты почти по полной выкладке, поэтому прохлады этой – кроме разве что лёгких клубов пара при дыхании – не чувствовали.

Подъехали мы к куму, Арсентьич вразвалку вылез из машины и махнул мне рукой – заезжай, мол, во двор. Я пристроил «москвичка» в углу, мы быстренько собирали амуницию, а кум уже подкатил на санях к воротам. Веселясь и радуясь предстоящей охоте, мы завалились на солому, пахнущую подзабытым летними зноем и пылью, и покатали к засаде.

– Сашка, слухай сюда, – начал инструктаж Арсентьич. – Ты молодой, вёрткий, но в засаде лежи тише воды, ниже соломы. Понял! Волк зверь чуткий, сторожкий, – наставлял он меня.

– Повезло вам, перевелись охотники в наших краях, – встрял словоохотливый кум. – Волки у нас непуганые! Факт! На днях Пашка Ворон парочку видел. Сбоку дороги рысили, да не торопясь так. Пашка-то Ворон ворон и есть. Заглушил трактор, говорит, начал я, грит, вороном кричать да монтировкой помахивать. А они даже не посмотрели в его сторону. Ушли за лесополосу. Такие вот дела, – вздохнул кум.

Начало слегка смеркаться, когда мы подъехали к скирдам.

– Ну, ребята, давай быстрее, – вдруг заторопился кум.

– Ружьё не трожь, – ласково посоветовал ему Арсентьич.

– А я что? Я так, помочь! – и кум с опаской, аккуратно, положил новое ружьё на место. – Вас двое остаётся. Оба с ружьями. А мне до дому одному добираться.

– А Серко на что? – не выдержал я. – В случае чего – стрелой домчит!

– Домчит, как же! Стар он стал для таких гонок, – рассердился кум и враз потеплевшим голосом скомандовал:

– Но! Трогай, залётный.

– Ты, куманёк, завтра утречком про нас не забудь. Проведай уж, – на прощание любезно попросил его Арсентьич.

В густеющих сумерках мы быстренько выкопали соломенные норы и по очереди прятались в них, как мыши, проверяя друг друга на маскировку и тишину.

– Ты, Сашка, чуток поглубже закопайся, – по-отечески посоветовал дядь Миша.

Закапываться я не стал – всё равно солома подо мной немного промнётся. Да и от кого закапываться? Волков бояться – в стог не лазить.

Я забрался в нору, немного повозился в ней, чтобы солому примять, набросал немного перед собой – получился соломенный бруствер, попробовал прицеливаться. Сектор обстрела – вполне приличный, солома шуршала не громче, чем шуршала бы от парочки веселящихся мышей.

На землю тихо опускались сумерки, медленно догорал закат. Холодало, мороз острыми коготками неотвратимо лез под одежду, разворошённая солома пахла пыльным зноем, созревшим, налитым колосом. Безделье тяготило, но я старался быть тише воды, ниже бруствера.

Первый раз, когда мне довелось столкнуться на охоте с дядь Мишей, пришлось завершить её точно так же – замереть и не шевелиться.

... Сезон утиной охоты открылся недавно. Километрах в пяти от райгородка есть превосходный затон, на который в те годы частенько присаживались утки.

Выпал погожий осенний денёк. Что выбрать – школу или охоту – меня не тревожило. В таких случаях я однозначно выбирал охоту. Оказавшись за околицей, я припустил к Ерофеевскому затону. Засидку я решил устроить на косе, поближе к реке. Пробираясь на место, наткнулся на аккуратный скрадок. Дядь Миша или Кузьмич постарались, – отметил я предусмотрительность мужиков.

– Далеко мне до них, – утешал я себя, устраивая временное укрытие. В спешке заломив несколько тальниковых веточек, я слепил временное укрытие – скоро должен был начаться утренний лёт. Тут в конце затона послышались приглушённые голоса.

– Кузьмич, курить потом будешь! Сначала давай чучела расставим, – явственно долетел дядь Мишин бас. Кузьмич в ответ что-то неразборчиво пробурчал, затем послышалось хлюпанье сапог.

– Молодцы мужики, – обрадовался я. Утки, увидев чучела, обязательно будут закладывать лишний вираж, чтобы осмотреться и, значит, будут пролетать надо мной.

– Тут-то и придётся их, залётных, приголубить, – я ласково погладил приклад старенькой одностволки.

Всё вышло как по писаному. Мужики после первого моего выстрела слегка опешили. После второй, сбитой мною утки, дядь Миша сердито, во весь голос заявил:

– Сашка это, чертёнок! Больше некому.

– Уши надо оторвать гадёнышу, – поддержал его Кузьмич.

– Сначала поймать чертёнка надо, – оценил ситуацию рассудительный дядь Миша.

– С косы ему деваться некуда, – обрадовался догадливый Кузьмич. – Зажмём его там, и привет родителям! Пусть семафорит рубиновыми ушами. И синей задницей, – захохотали довольные железнодорожники.

Я заметался взглядом по косе в поисках пути отступления. Действительно, бегство было невозможно – с одной стороны Уба, с другой – затон. Просто так препятствия не преодолеешь – глубоко, и вода уже весьма холодна.

– Поглядывай там, как бы сорванец берегом не прокрался, – посоветовал практичный Кузьмич дядь Мише.

– Смотрю.

Они решили посидеть ещё немного, видимо, посчитав, что запугали меня изрядно. Мне стало не до стрельбы. Лихорадочные поиски не обозначили выхода из тупика. Облазив небольшое пространство, я приуныл окончательно: впору было идти сдаваться.

Прихватив парочку уток, чтобы было чем умаслить не в шутку разгневанных охотников, я, едва волоча ноги, отправился бесславно капитулировать.

Уныло шаря взглядом, – тщетная надежда на невероятное спасение не покидала меня, – я двигался к основанию косы. В низеньком тальнике стали попадаться вполне приличные деревья, но, чтобы спрятаться в их кронах, – речи быть не могло. Кроны были редковатыми, сквозь начавшую желтеть листву просвечивала лёгкая осенняя голубизна неба.

И тут меня осенило! Бесформенная куча плавника. Её нагромоздило весной во время половодья у стоявшего немного на отшибе куста.

После половодья наносник осел, зацепившись частью сучьев за ствол, и завис над землёй. Получилась в меру замаскированная пещерка. Словно ящерица я шмыгнул внутрь, не обращая внимания на слабый гнилостный запах и царапающие бока сучья. На ощупь, в полутьме расчистив место, я замер. Выкурить меня из затхлой норы можно было только подпалив кучу.

Послышались голоса – инспекция приближалась. От наносника коса просматривалась почти полностью. Остановившись рядом, мужики растерянно затоптались на месте.

– Не видать чертёнка.

– Может, уплыл, – предположил Кузьмич.

– Вода-то холодная, чай не лето, – рассудил дядь Миша и взгромоздился на кучу, чтобы сподручней было оглядеться.

Вдруг она осядет, – обдало меня ознобом. Я вжался в холодную землю, наносник, затрещав, слегка осел, но всё-таки выдержал вес давно взматеревшего дядь Миши.

– Хватит тебе выглядывать, пойдём домой. Чёрт с ним, нахалёнком, – не выдержал Кузьмич.

– Ох, попадётся мне этот варнак облупленный, – загорячился дядь Миша, видимо, поняв, что меня не поймать. – Оборву все уши, к ядрёной матери. Научу его, охламона, что охотником быть – это не кур по соседям тырить. Уток, понимаешь, из-под носа увёл, – сбавляя обороты, пожаловался он напоследок Кузьмичу.

Гроза миновала. Только, затихая, трещал сушняк под ногами уходивших охотников.

В соломенной норе было вполне терпимо, к тому же воспоминания изрядно согрели душу. Долго я тогда скрывался от дядь Миши, пока на одной из своих охот – по свежей пороше за зайцами – не столкнулся с ним нос к носу.

– Что, Сашка, как добыча? – на удивление миролюбиво спросил он.

С той поры и начались совместные наши походы. Всякое бывало, но дядь Мишины принципы правильной охоты с годами стали нашими общими. Причём он не копировал их и не перенимал из книжек. Привычки, правила эти шли откуда-то из глубин его детства и были следствием натуры, его характера. Они были естественными, в них ничего не было от желания сыграть на публику, вот, мол, какой я справедливый; не было ни малейшего налёта вульгарного панибратства, а порой и откровенного угождения, что порой встречаются в охотничьих компаниях. Вначале я долго пробавлялся загонами, потом мой наставник, посчитав, что я достаточно искупил вину, стал справедливо чередовать загоны и засады.

Очередная вечерняя заря тихо, бесшумно угасала. Слегка посвежело. На землю медленно опускалась полная тьма.

Волки не пришли. Оставалось ждать утра. До восхода луны оставалось ещё несколько часов. Непрошенные мурашки пробежали по коже. Я напряжённо вслушивался в звенящую тишину, но кроме едва уловимого

шуршания соломы ничего различить не удавалось. Томительное ожидание тянулось тягуче-медленно, мгновения превращались в вечность, а года пролетали в воспоминаниях как мгновения.

В глубине души я немного сочувствовал волкам. Холод, голод, бесприютное одиночество – тут не только волком взвоешь, но и зубами залязгаешь – выработали в них привычку полагаться только на себя, только на крепость своих зубов и силу мышц. Их жестокость беспредельна – в случае бескормицы стая может легко пустить на закуску в одночасье ставшего лишним патриарха. Волк есть волк, но где-то в глубине моей души слабо тлела искорка сочувствия.

Наверное, она не угасла из-за того, что мне когда-то пришлось немало хлебнуть лиха.

– Слышь, серый, – устав от одиночества и невозможности размять одеревеневшие конечности, я решил пообщаться с неведомым мне, свирепым хозяином окрестных просторов. – Мне тоже когда-то пришлось несладко.

В полной темноте потихоньку раскручивался калейдоскоп воспоминаний.

... Интернат в небольшом посёлке.

– Эй, Чечен, иди сюда, – кричит Ганс, прозванный так за удивительное сходство с киношными фашистами начала шестидесятых и какое-то невероятное сочетание агрессивности и умения делать гадости.

– Эй, Валерка. Какой я тебе Чечен?

Уже потом, спустя годы, я понял смысл словосочетания «сын репрессированного». Чернявый до невозможности, я очень отличался от остальных детей, которые в массе своей были большей частью голубоглазы и светловолосы. Оказавшись в интернате, я мгновенно стал белой вороной. Некоторые получали особенное удовольствие от участия в массовых издевательствах. Особенно отличался Ганс, любивший под настроение устроить небольшую перепалку и лишний раз доказать собственную исключительность.

– За что они меня так не любят? – как-то спросил я у отца.

– Было на Кавказе большое горе. Целые народы изгоняли с обжитых мест. Обвинили в предательстве чеченцев и всех, кто подвернулся под горячую руку, не разбираясь, вывезли в Казахстан. Я – лезгин, – помолчав, гордо добавил отец. – Но никаких документов в тот день при мне не оказалось. Меня тоже посчитали чеченцем и вывезли сюда вместе с ними.

– Эй, чернозадый. Быстро сюда, – издевательски гундосил Ганс.

Меня мгновенно вынесло. В себя я пришёл в крепких директорских руках. Он оттащивал меня от избитого, как бы я сейчас сказал, весьма жестоко избитого, Ганса.

Потом были долгие, нудные, а потому и бестолковые нравоучения. Ганс прикинулся безвинно пострадавшей овечкой, поплакался в жилетку кому надо, и поселковые мальчишки устроили на меня форменную охоту: с засадами, с облавами. В общем, весело было. Кровь лилась ручьями, разбитые сопатки никто не считал. Я быстро научился впадать в слепую безудержную ярость, ибо только она могла спасти в наших бессмысленных

мальчишеских потасовках. Понемногу от меня отстали. Я же привык решать проблемы кулаками и покатился вниз по наклонной хулиганской дорожке. И если бы не дядь Миша и не охота! Куда бы закатился беспутный колобок моей юности?!

– В каком мраке я бы оказался? – спрашивал я себя, напряжённо, до рези в глазах всматриваясь в непроницаемую тьму, вслушиваясь в ватную, звенящую тишину. На востоке слегка посветлело, и из-за горизонта выплыла огромная, кирпично-красная луна. Сначала она светила так, словно в степи разгорался далёкий пожар, но немного погодя, словно Золушка, она превратилась в яркий, блестящий шар, ёлочной игрушкой висевший в чёрном бездонном небе. Звёзды меркли в её сиянии, ни одна тень не прошмыгнула по полю – волки распугали всю живность. Только бесстрашные мыши изредка устраивали весёлую возню, впрочем, не убегая далеко от стога.

– Если бы не Арсентьич, куда бы забежала кривая дорожка моей юности? – тихо радовался я, лёжа в пыльном, пахнувшем летним зноем убежище.

Арсентьич, заметив во мне неподдельные охотничьи страсть и азарт, как-то мне посоветовал:

– Оформляй охотничий билет. Я тебе рекомендацию дам.

– Так я годами ещё не вышел.

– Возьмёшь свидетельство о рождении старшего брата. Димкино. Кто там разбираться будет – он это или не он. А к заявлению приложишь свои фотографии. И все дела, – улыбнулся практичный Арсентьич.

Он же помог мне купить и первое собственное ружьё. К тому времени я уже обзавёлся нормальным охотничьим билетом, но для того, чтобы получить разрешение на покупку ружья, мне опять не хватало годов. Дядь Миша дошёл до райкома – а выше в районе тогда власти не было. О чём он там и с кем разговаривал, не знаю. Но факт остаётся фактом: разрешение мне оформили.

Как-то, на одной из охот, я неожиданно обезножел, и дядь Мише пришлось тащить меня по снежной целине больше десятка километров. Только испытавшие тяготы марш-броска с полной выкладкой могут оценить прелести подобного зимнего перехода.

Одно время дядь Миша держал гончаков, и собаки его по праву считались лучшими. И когда мы с ними выбирались из райгородка, то это были удивительно красивые по своей насыщенности и переживаниям дни. Тьма уходила. За ночь мороз неожиданно ослаб – всё кругом окутала лёгкая туманная дымка.

И тут морозную раннюю сушь разорвал глуховатый выстрел. Волки подошли к дядь Мише. Одна серая тень на огромных махах резво пошла вперёд и быстро растворилась в светлеющей серой мгле. Вторая, мятой серой тряпкой, осталась на месте.

Охота кончилась. На этот раз сильнее поталанило дядь Мише. Довольный тем, что всё удачно кончилось, я быстро, как смог, вылез из надоевшей за ночь до чёртиков соломенной норы, попрыгал, разминая затёкшие от долгого и, как оказалось, бесцельного для меня ожидания, мускулы. Согнувшись и покряхтывая от боли в отходящих от онемения мышцах, я не торопясь начал надевать крепления лыж на валенки.

Над огромными заснеженными полями висела тишина, только под ногами шуршала солома, да не спеша занималась ранняя заря. Я тоже не спешил и смаковал мгновения: впереди была неторопливая прогулка к напарнику, жаркий обмен впечатлениями, сочный рассказ дядь Миши. О том, как он ждал, о том, как он прицеливался, о том, как он попал!

Не спеша, расслабленно поворачиваю лыжи в сторону дядь Миши, и тут же непонятная тревога смыкает накопившуюся в душе чистую и светлую радость. Нежные краски разгорающейся зари становятся тусклее и приглушённое – нигде не видно его плотной, коренастой фигуры.

– Куда он пропал? – быстро набирает силу смутное нехорошее предчувствие, и я вдвойне внимательно шарю глазами по соседней скирде. Дядь Миши нигде не видно.

– А это что?

Мятая серая тряпка стала как будто больше. Вдобавок она как-то странно шевелилась. А недавно она была такой спокойной. Такой неподвижной, будто навеки успокоившейся.

Чувство тревоги нарастало, ранний серенький рассвет скрадывал очертания. Мутно-белое безмолвие безучастно наблюдало за происходящим. Со стороны смутно различимого серого пятна стали доноситься какие-то невнятные звуки. Покалывание в онемевших икрах становилось всё сильнее, озноб душной волной поднимался вверх, и тут я осознал: надо спешить!

С такой скоростью на лыжах я ещё не бегал. Я летел словно птица, серое пятно на глазах росло, приобретало форму и ясные очертания. Вскоре я разобрался, что к чему.

Дядь Миша лежал на левом боку, правой ногой, с надетой на неё лыжей, отбиваясь от волчьих зубов. Стрелять с ходу я не мог – картечь могла зацепить не только обезумевшего от ярости серого хищника, но и человека. Немного сбавив скорость, чтобы трезвей оценить ситуацию и свои действия, я лихорадочно прокручивал в голове варианты.

– Держись, дядь Миша! – молил я его, чувствуя, что счёт идёт на секунды.

Лёжа на боку, он отползал от хищника. Волк, опираясь на передние лапы, в запале лез за ним, причём его задние лапы безвольно тащились по снегу. Видимо, картечина перебила позвоночник, и зад мгновенно парализовало.

– Держись, дядь Миша! – опять рявкнул я во весь голос, думая хоть так отвлечь вконец освирепевшего зверя. Волк и ухом не повёл. С неотвратимостью механизма он продолжал грызть лыжу. Щепки летели во все стороны.

Я приблизился на несколько метров. Зверь, не обращая на меня никакого внимания, продолжал атаковать. Конечно, силы его были далеко не те, что у здорового... Я спешил, выбирая позицию для выстрела, но не смог удержаться от мимолётного удивления, круто замешанного на уважении. Подобная тяга к жизни достойна восхищения. Янтарные глаза зверя горели ярким, яростным заревом, дикий оскал навевал животный страх, с клыков ошмётками летела пена. Волк был бесподобен в своей лютой ярости: с силой, опираясь на передние лапы, он тащил тяжёлый безвольный зад и умудрялся с бешеной энергией атаковать лыжу. Меня навсегда поразила механическая, бездумно-безумная суть атак серой боевой машины: голова и шея зверя согласно двигались вперёд, в момент наибольшего выпада с лязгом смыкались лютые, безжалостные челюсти, и голова с шеей начинали двигаться назад, отрывая воображаемый кусок мяса. Если бы не лыжа и не слабость раненого зверя, освирепевший до невозможности волк с лёгкостью оглодал бы ногу до колена.

Фу, успел. Я с облегчением вскинул стволы. Глухо рассыпался по окрестностям выстрел. Зверь сунулся вперёд, упал и расслабленно замер.

«Снёс подранку полчерепа выстрел», – почему-то вспомнился недавний концерт Высоцкого, kloкочущая, заливающая зал ярость его песен. Слова-то пророческие, – думал я, унимая рвущее горло дыхание и оцепенело глядя на успокоившегося навсегда волка, на лёгкий, невесомый парок, курящийся над черепом, вскрытым картечью.

– Сашка, руку дай, – не выдержав, потребовал дядь Миша. Он встал, пошатываясь, и долго, силпло дышал, с шумом отдуваясь. Потом ткнул изрядно потрёпанной лыжей в волка и сказал:

– Сколько времени, зверюга, пролежал! Я-то и расслабился. Подхожу к нему, дай, думаю, ткну серого в бочок. А он! Он ка-ак кинется! Упал я, ружьё в сторону отлетело. Пришлось лыжиной отпихиваться. Если бы не они, мои широкие лесные, – он потряс измочаленной в хлам крепкими клыками лыжей, – да не подоспей ты вовремя, извёл бы меня этот варнак подчистую.

Замолчав, он задумчиво засмотрелся на серого хищника, наверное, заново переживая в памяти недавние жуткие мгновения.

– Спасибо тебе! – дядь Миша прервал чрезмерно затянувшуюся паузу, с чувством пожал мне руку и мечтательно добавил: – А как волчара зубами лязгал! Вовек не забуду.

г. Усть-Каменогорск.

Галина ЕМЕЛЬЯНОВА

Еркебулан

Рассказ

Словно кто-то повернул время вспять. Снова клубится степная пыль под копытами байских табунов. А чабаны, как и раньше, получают зарплату барашками и жеребьятами. В советские времена на джайляу приезжала кооперативная лавка, и это был праздник для всей семьи чабана: продукты, спички, заварка, новые сапоги и даже детские игрушки.

Теперь все в селе живут в долг, под будущий урожай или приплод.

Семье чабанов Айдоса и Батимы повезло немногим больше. Сын неплохо устроился в городе, и поэтому два раза в год привозит муку, керосин, чай и сахар.

И в городе, надо думать, всё по-новому. Сын взял в жёны русскую девушку. И мать с отцом не спросил.

Первенца, Бауржана, забрала у стариков война в Афганистане. Дочь старшую сгубила водка. Одна надежда была на младшую, Мадину. Была она круглой отличницей. Всего полгода проучилась она в городе в медицинском институте, поступила на грант, как золотая медалистка. Но в тот год весной в степь упали обломки ракеты «Протон», и за полгода лейкемия превратила молодую семнадцатилетнюю девушку в скелет, обтянутый кожей. И на аульном кладбище поднялся новый белоснежный мазар.

Это лето сулило старикам радость. На джайляу откочевали вовремя, и приплод был хороший. Бегал уже в табуне замечательный вороной жеребёнок. А ещё радость – сын всё-таки уважил стариков и обычаи, привёз внука, Еркебулана. За четыре года первый раз встретились. Мальчик радовал стариков круглым смуглым лицом и чёрными глазами. Айдос своими руками вкладывал внуку в рот постный плов. Прижимался к коротко стриженной макушке внука, и слёзы наворачивались на глаза. Внук почти не говорил по-казахски. Куксился от скромной еды и требовал телевизор.

Весь табун, который пасли в степи Айдос с женой, был байский. И имя у хозяина было под стать времени – Жанабай, то есть новый бай.

Хозяин приезжал в степь в основном на охоту, но иногда не гнушался сам загонять скот в фургоны – для отправки в город.

Вот и в этот раз Жанабай приехал с молодыми, крепкими ребятами на огромных, невиданных стариками машинах. А вслед за ними шли и два фургон для скота.

Он объехал табун и презрительно сказал: «Всех на колбасу». Из фургонов вышли несколько крепких ребят, и работа закипела. Загоняли всех без разбора. Айдос попытался объяснить хозяину – рано

ещё отнимать жеребят от кобылиц. Но тот не слушал. А потом углядел в табуне Каранайзагана (чёрную молнию) и довольно зацокал языком: «А ну-ка, этого отдельно, заберу на ипподром, может, что путное и выйдет».

Каранайзагана отогнали от матери. Борта на фургоне захлопулись. Машины поехали в город на мясокомбинат.

Айдос плевался вслед новым хозяевам, а Батима лишь горестно причитала: «Ойбай, быть беде».

И случилась беда. Ночью началась страшная гроза. Пришлось Айдосу с женой собирать трое суток остатки табуна, в страхе разбежавшегося по степи.

А когда вернулись к юрте, внука Еркебулана не было. Правда, была надежда, что всё обойдётся. Ведь с мальчиком ушёл старый пёс. Сил искать внука не было. Три голодных дня по сбору табуна забрали все силы, и старики легли спать, уверенные, что придёт сам.

Утро ничего хорошего не принесло. Айдос сел на коня и ускакал в аул. У участкового Марата были красные от бессонницы глаза. Всю ночь он «охранял» покой городских гуляк. Водку и вообще спиртное участковый не пил. Он сел в «уазик» и поехал на ближайшие кочёвки. Людей в степи стало мало. Молодёжь старалась уехать в город. Собрать для поисков мальчика удалось человек десять. Те, взяв запасных коней, отправились в степь, а сам Марат поскакал к городским гостям. Видел вертолёт МЧС недалеко от их стоянки. Баи были новые, а вели себя как прежние советские. Пили спиртное в невероятных количествах и любили пострелять ради забавы всех окрестных сайгаков. Вот и теперь, когда участковый приехал, вертолёт улетел на охоту. Но Марат, махая своим служебным удостоверением, заставил выйти одного из охранников на связь с вертолётком. На просьбу вернуться в эфир понеслась нецензурная брань.

Вертолёт вернулся через трое суток. Мальчика так и не нашли. Из города прислали взвод солдат – без пайка, и пришлось чабанам подкармливать безусых мальчишек из своих скромных запасов.

Знаете ли вы, дорогой читатель, что такое казахское гостеприимство? Нет, это не кавказское, когда ты пошёл в сад-огород и сорвал помидоры, перцы, зарезал барашка, сорвал с дерева мандарины или гранат. Да ещё друзья принесли тебе второго барашка в подарок. И не русское, когда закуски мало, а водки – море.

Нет, казахское гостеприимство – это когда у тебя из продуктов только вода, ты её кипятишь, забеливаешь остатками молока, и как самое драгоценное – подаёшь гостю сахар, часто комковой. А за порогом юрты выглядывают головы твоих пяти или семерых детей. И они ждут, когда же гость встанет – может, и им достанется сладкий чай. Гостю – лучший кусок.

И в доме действительно как в старину скребут по сусекам муку. И к утру тебе испекут на последней ложке масла лепёшку. Последней – потому что мука, чай, керосин и масло взяты у перекупщиков

в долг. Под будущее мясо. И уже всё закончилось. А буран не даёт спекулянтам приехать и скупить по дешёвке свежее мясо, масло и сметану. И подарить гостю в доме нечего, а обычай предков сильнее голода.

И ты уложишь тёплую лепёшку за пазуху, и она ещё долго будет согревать тебя в долгой дороге.

Вот такое у казахов гостеприимство. И мне оно дороже всех в мире.

Степь редко отдаёт то, что теряют люди. И на девятый день власти постановили: «Мальчика съели волки». Ну не мог он выжить в степи столько дней один.

Айдос слёг. К нему пришёл мулла и сказал: «Молись». Айдос не умел молиться. Всю свою сознательную жизнь не верил в Аллаха, а тут впервые попросил, и тот его услышал. И забрал к себе.

Сын приехал из города на седьмой день – трасса была закрыта из-за гололёда. Он запретил мулле читать суру о своём сыне Еркебулане как об умершем. Раздал всем пришедшим на отцовские поминки подарки и, не оставшись в родном доме даже ночевать, снова уехал в город...

Батима ходила в соседний посёлок к провидице. Та гадала на фасоли и сказала: мальчик жив, но духи степи его не вернут. «Жив, жив» – вот и всё, что поняла бабушка. И сердце её успокоилось. Внук просто вернулся в город – говорила она и сыну, и соседям, пришедшим на седьмой день помянуть Айдоса. Соседи даже и не удивились тому, что Батима стала заговариваться. Кто сможет нести такую ношу в душе и выжить?

Зима была тёплой и снежной. В степи стало мало людей, но много волков. Они так обнаглели, что уже стали выходить к трассе и загрызли пассажира, ждавшего автобус. Власти дали объявление в газете и по ТВ. За одну шкуру – тысяча тенге. Цена возросла до трёх тысяч, когда в аул приехали городские и Жанабай. Городской хозяин был одет в импортный комбинезон, поверх – жилет с множеством кармашков. И ружьё у него было очень странное, скорее похожее на сувенир, чем на оружие. Но пули в ружьё оказались на крупного зверя, да ещё и со стрихнином.

Богатый гость нанял загонщиков за наличные деньги. Матери отпустили в степь даже десятилетних подростков.

Стаю погнали сквозь узкое ущелье и там окружили. Волки сбились в круг и словно катались на невидимой карусели. Сначала Жанабаю показалось это глупым, всё равно им никуда не уйти. Но вскоре, когда всё новые и новые тела волков падали в снег от выстрелов, он увидел, кого они прикрывали. Волчица была крупная, с рыжими подпалинами по бокам. Круговорот стаи сдвинулся с центра и всё приближался к выходу из ущелья. Вдруг карусель распалась и словно выпущенная из лука стрела понеслась на охотников. На пути

к свободе стоял молодой парень, стая смела его. Другой горе-охотник попытался действовать ружьём как дубиной. Но волчица слегка повернула в его сторону морду, и он упал в снег с рваной раной на бедре.

Стая уходила в степь. Разбивалась на маленькие группки. Но Жанабая уже интересовала только волчица. Он подбежал к снегокату и, с ходу запрыгнув в седло, дал газу.

Дорогу волчице пробивал в снегу молодой волк, но волчица бежала тяжело. Сосцы, набухшие молоком, больно ударялись о снежный наст, но она, невозможная боль, бежала всё быстрее и быстрее.

Городской выстрелил, убив наповал молодого волка. Волчица не остановилась. Он выстрелил ещё раз и заматерился от досады, но тут же усмехнулся. Волчица ещё думала, что бежит, перебирала передними лапами снег. А задние её лапы уже сковал яд. Жанабай остановил снежокат и подошёл к зверю. В прозрачно-жёлтых глазах волчицы не было ни боли, ни ненависти. В них была тайна.

Как раз представился случай опробовать подарок друзей – мачете. Охотник вытащил мачете и отрубил зверю голову. Мёртвые глаза слегка потускнели, но тайна в них осталась.

А тайна была очень простой. Волчица просто уводила охотников от своего логова, где на подстилке из травы и клочков шерсти спали два её волчонка и человеческий детёныш.

Она встретила его две недели назад. Глупую старую собаку растерзал её молодой напарник. Детёныш тоненько заскулил, и её будущие волчата словно ответили ему в её утробе. Детёныш пах людьми, собакой и дымом, но она смело подошла и стала его облизывать, смывая этот ненавистный запах. А потом схватила за капюшон и потащила в своё вырытое для родов логово.

Для охотничьих трофеев у городского был особый мешок. Он спрятал туда голову и поздравил себя с победой. Достал плоскую фляжку из жилетки и отпил элитного коньяка.

Небо потемнело и словно нависло над степью. Сначала стало тихо, а потом на степь обрушился буран, не было видимости на расстоянии вытянутой руки.

Снегоход шёл сквозь буран. Потом в нём закончилось топливо. И охотник, которому кружил голову алкоголь, пошёл пешком. «Выбрал направление и иду», – упрямо повторял он где-то услышанную фразу. Идти становилось всё труднее. Снега всё больше. И он, выбившись из сил, сел в снег и заснул.

Пробуждение было ужасным. Буран выл по-волчьи, пенно-кровавая пасть волчицы душила мужчину за горло. Он смог очнуться и стал откапываться. Буран всё так же не уставал и не иссякал. Чувство голода было невыносимо, пришлось жевать снег. На третьи сутки ему уже чудились стаи волков, окружавших его, он принялся стрелять в эту тьму.

Потом он представил, как его нежное после недавнего пилинга в Таиланде тело будут рвать эти острые зубы, и решился. Поднёс ружьё к подбородку и выстрелил. Тело, обмякнув, упало в снег. А вокруг на много километров не было ни людей, ни волков.

Марата, участкового, разбудила оплеуха. Начальник охраны нового бая ворвался в его дом, требуя начать поиски.

«В ущелье буран потише, и охотники наверняка переждут буран там. И вернутся», – объяснил милиционер охраннику.

Охотники вернулись на четвёртые сутки. Жанабая с ними не было, не было и снегохода.

«Давай, мотай к МЧС за вертушкой», – заорал на него начальник охраны.

Участковый посмотрел на синее морозное небо, на блестящую под солнцем снежную степь. И вспомнил всё: и белый мазар своей невесты Мадины, и мальчика со смешной косичкой на затылке, и мужчин, несущих на кладбище ковёр с телом Айдоса-аке.

Он достал из сейфа ящик с водкой, подаренной ему новыми ба-ями, и поехал к МЧСникам.

Они выпили водку без остатка. Марат только сполоснул ею рот. Вертолёт взлетел только через трое суток.

Жана-бая нашли через неделю. Связисты приехали зарядить аккумуляторы на релейной вышке, стоявшей на сопке, и обнаружили тело. Жанабай не увидел в буране домик связистов, а было до него всего метров пятьдесят.

А ещё, услышав голоса людей, из логова выполз малыш в пуховике. Связисты не поверили своим глазам.

А потом они же и привезли в посёлок мальчика. «Маугли, Маугли», – весело смеялись они. «Какой же это Маугли, это же мой Еркебулан!» – счастливо смеялась Батима-апа, разливая чай с молоком дорогим гостям.

г. Караганда.

Александр СМИРНОВ

Энтропия

Энтропия изолированной системы не может уменьшаться.

Второе начало термодинамики

– Итак, эксперимент начат сегодня в одиннадцать часов по Москве, – сказал Девятков после традиционных вступительных слов. – Завтра в это же время он будет завершён. Если у вас есть какие-то вопросы, я готов на них ответить.

– Павел Анатольевич, – тут же отреагировал журналист одного из местных изданий, – поясните ещё раз, пожалуйста, суть эксперимента.

Вопрос уже стал традиционным. Хотя два года шли широкие дискуссии о темпоральной установке, на каждой пресс-конференции находилась кто-то, кому необходимо было прояснить суть дела. Впрочем, на этот вопрос имелся заранее заготовленный и не менее традиционный ответ.

– Если говорить упрощённо, – начал Девятков, – то мы собираемся остановить время, вернее, мы уже сделали это. Конечно, время – это не поезд, и в реальных условиях речь идёт не о его остановке, а лишь о существенном замедлении. Для того, чтобы лучше уловить суть эксперимента, давайте проиллюстрируем его идею графически. Коллега, выведите схему на экран, – эти слова были обращены уже ко мне.

– Всем известно, – продолжил Девятков, взяв указку и подойдя к экрану, – что при движении космического корабля в сильном гравитационном поле время на нём течёт медленнее, нежели на Земле. Суть эксперимента в создании при помощи нашей темпоральной установки подобного поля около самой Земли. Оно изображено в виде белого кокона вокруг Земли на данной схеме Солнечной системы. Земля постоянно движется в этом поле, но и поле перемещается вместе с Землёй. В результате, время на планете течёт медленнее, чем в остальной части Солнечной системы. Отмечу также, что потенциал поля довольно быстро убывает при удалении от Земли, так что за пределами кокона его влияние крайне мало. Однако, как вы видите, Земля и Луна находятся внутри данного гравитационного поля, поэтому в ходе исследования немалую трудность представляло для нас

**Александр
Валерьевич
СМИРНОВ**

родился в 1986 году в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Кандидат физико-математических наук. Печататься начал в 2007 году. Имеет около 70 публикаций в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Юность», «Журнал ПОэтов», «Русский литературный журнал в Атланте. На любителя», «Черновик», «Второй Петербург», «Жемчужина», «Введенская сторона», «Знание – сила: Фантастика», «Очевидное и Невероятное», «Экология и жизнь» и др.).

В «Ниве» печатался в 2008 г. (№10), в 2009 г. (№9) и в 2010 г. (№11).

обеспечение стабильности орбит и вращения этих небесных тел. Я думаю, мы не будем сейчас вдаваться в подробности теории, желающие найдут информацию сами.

– Павел Анатольевич, – последовал очередной вопрос из зала, – а каковы будут последствия эксперимента для обывателя, далёкого от физических теорий?

– Эксперимент продлится в течение суток по локальному времени Земли, тогда как в Солнечной системе пройдёт стандартный год, так что завтра снова будет вторник, пятнадцатое мая. Наша планета совершит полный оборот вокруг Солнца, поэтому сегодня ночью будет зима. Кроме того, вращение Земли вокруг собственной оси никто не отменял, в связи с этим смена дня и ночи происходит каждые четыре минуты, что соответствует обычным суткам по времени Солнечной системы. Впрочем, это явление вы, наверное, уже успели заметить.

– А что будет с результатами опыта?

– В каком смысле?

– В практическом. Найдут ли они применение, или это очередная вещь в себе, на которую лишь зря потрачены время и деньги?

– Я бы не стал ставить вопрос так категорично. Зачастую возможность применения теоретических результатов возникает через сотню лет после их разработки, а то и позже. Сложно говорить заранее и в нашем случае, но вполне вероятно, что, замедляя локальное время не в триста шестьдесят пять, а в тысячи и миллионы раз, мы сможем осуществить межзвёздный перелёт. Соответствующие разработки уже ведутся.

Эти слова вызвали шквал новых вопросов, и пресс-конференция затянулась, так что в лабораторию мы вернулись лишь к трём. Небольшое её помещение, добрую половину которого занимала теперь темпоральная установка, находилось в левом крыле университета в самом конце коридора первого этажа. Профессор Павел Анатольевич Девятов заведовал лабораторией уже без малого пятнадцать лет, и за ней прочно укрепилось название «лаборатория Девятова» взамен труднопроизносимого официального наименования.

Исследования, проводимые Девятовым, были далеки от основных направлений, разрабатываемых факультетом, поэтому редкий гость захаживал в нашу лабораторию. Однако два года назад, после получения и публикации основных результатов ситуация изменилась. К доработке и проверке теории подключилось всё научное сообщество, проводились сотни локальных экспериментов. Итогом всей работы стало разрешение на эксперимент глобальный, принятое на уровне ООН. Теперь журналистов и просто любопытствующих отсекали от лаборатории два грозного вида охранника с автоматами. Ещё несколько паслось под выходящими на парк окнами.

На фоне поднятой вокруг эксперимента шумихи сам запуск установки прошёл тихо и буднично. В назначенный час мы – Девятов, я и Лена, также работавшая ассистентом профессора, – в очередной раз проверили

все узлы системы и привели её в действие без излишней помпезности и пафосных речей перед камерой. Третий ассистент Девятова в это время отсыпался у себя дома перед грядущим ночным дежурством.

Придя с пресс-конференции, я сменил Лену у темпоральной установки. Впрочем, последняя работала соответственно программе и хлопот не причиняла, так что остаток дня прошёл в вынужденном безделье. В одиннадцать часов вечера я со спокойной совестью отправился домой. В это время в Северном полушарии была уже поздняя осень. Сырой промозглый воздух забирался в лёгкие, и, вдобавок ко всему, шёл проливной дождь.

Дома, напившись горячего чая, я сразу лёг спать. Однако сон не шёл и большую часть ночи я проворочался в каком-то полусне-полуяви.

Будильник поднял меня в восемь. Комнату заливало весеннее солнце, его блики медленно ползли по стене. Я посмотрел в окно. На доме напротив висел огромный красный плакат с серпом и молотом и надписью «Слава КПСС». Не успел я удивиться, как наступила ночь, скрыв от меня полотнище. Когда вновь рассвело, плаката на своём месте уже не было. После бессонной ночи голова соображала плохо, поэтому я списал видение на усталость.

Пока я шёл в университет, на улице заметно потеплело, а к одиннадцати часам вокруг снова был май.

Ровно в одиннадцать мы остановили темпоральную установку. Та послушно выключилась.

А ещё через минуту на улице стемнело.

– М-да, любопытно, – сказал Девятов, когда первый шок прошёл. К тому времени день и ночь успели уже несколько раз смениться. – Однако делать с этим что-то надо и чем быстрее, тем лучше. Похоже, выключение установки не повлияло на поле, следовательно, нам нужно исправлять положение. Создать противополопе вряд ли получится – мы не знаем теперешних параметров того, что сейчас происходит на орбите. Какие будут предложения?

Предложений не последовало. В конце концов, было решено попробовать хотя бы разобраться в происходящем, а там, возможно, и выход наметится. Не теряя времени зря, мы принялись за расчёты. К вечеру, не добившись толку и окончательно запутавшись, мы разошлись по домам, отложив проблему до завтра.

Ночью мне позвонил профессор и спросил, не замечал ли я чего странного. Я рассказал про плакат.

– А я вот только что видел гусара на лошади, – ответил Девятов. – Но Впрочем, это так, к слову. Я звоню не поэтому. Я сейчас провёл некоторые расчёты... Похоже, нам удалось создать первую замкнутую во времени систему. Последствия представить пока сложно...

– Энтропия? – прервал его я.

– Если называть так меру неопределённости нашей системы, то вполне возможно... Возможно, что она будет увеличиваться... Вопрос только в том, насколько приложимы здесь результаты термодинамики. Хотя, кажется, процесс уже начался. Особенно, принимая во внимание плакат и гусара... Кстати, вы не замеряли в последнее время продолжительность суток?

– Нет.

– А я замерил. Сейчас это три минуты двенадцать секунд.

К утру сутки сократились настолько, что смена дня и ночи уже не воспринималась органами чувств – город заволокла какая-то серая полумгла, и хотя воздух был сух, казалось, что вокруг туман. Дом напротив исчез, вместо него паслась на зелёной лужайке задумчивая корова.

В городе царил хаос. Автомобили и конные экипажи, бородатые крестьяне в лаптях и пионеры, деревянные лачуги и бетонные коробки высоток – всё смешалось на улицах. Периодически одни куски пейзажа исчезали и появлялись новые, на месте ровной дороги вырастали холмы, с разных сторон слышался то русский язык, а то и старославянский.

Здание университета, когда я приблизился к нему, выглядело гораздо моложе, чем несколькими днями ранее. Мои опасения подтвердились внутри: вместо лаборатории и нескольких примыкающих помещений была одна большая лекционная зала, в которой пожилой профессор в костюме старинного покроя вещал что-то собравшимся студентам. Темпоральной установки не было и в помине.

Покинув университет, я попытался позвонить Девятову, но не смог – не работали телефоны, – поэтому отправился к нему домой. Пока я шёл, смещение времён вокруг увеличивалось – теперь со всех сторон звучали слова и совсем незнакомого древнего языка.

На одной из улиц мне навстречу бросился мужик в звериной шкуре и с палкой в руке. Намерения его явно были не дружественные, и спасся я только благодаря удачно подвернувшемуся извозчику, умчавшему меня в неизвестном направлении.

Высадив меня, когда опасность миновала, извозчик потребовал плату. При виде современных денег он разозлился и попытался стегнуть меня хлыстом. Я увернулся, и он, матерно выругавшись, укатил.

Оглядевшись, я понял, что оказался неподалёку от собственного дома, однако теперь это был уже совсем другой район. Вместо большинства зданий возвышались незнакомые мне деревья с толстым стволом и раскидистой кроной, формой листьев напоминающие берёзы, а массивностью ствола – дубы. Мой дом заменил котлован, в котором неторопливые строители забивали сваи.

Энтропия продолжала увеличиваться в ускоряющемся темпе – над моей головой, пронзительно крича, пролетел археоптерикс...

А потом я исчез.

06.10.2008.

Медвежий угол

Неделя полёта, и вот она, очередная неисследованная планета, коих великое множество здесь, недалеко от центра галактики. Два материка в субтропиках, каждый не больше Австралии, небольшие полярные шапки. Ничего необычного или примечательного, во всяком случае, ничего такого, что заинтересовало бы крупную экспедицию. Как следствие, скромная запись в справочнике: номер и сухой комментарий: «Атмосфера кислородно-азотная земного типа, полезных ископаемых нет, разумной жизни не обнаружено. Исследование провела экспедиция «Астра-19», посадка на планету не производилась».

Такие-то, на первый взгляд, обычные планеты и привлекают внимание исследователей-одиночек, вроде меня. Удовлетворившись поверхностным осмотром, крупные экспедиции подчас не замечают деталей, а какой-нибудь чудодейственный лекарственный корешок может сделать состояние своему первооткрывателю. И примеров этому немало. Здесь как в рулетке – повезти может любому.

Облетев планету по высокой орбите, я выбрал место для посадки посреди сельвы, практически полностью покрывавшей оба материка, сообщил свои точные координаты в Навигационный Центр и пошёл на снижение.

Приземлившись и выждав положенные двенадцать часов карантина (и даже чуть больше), я отправился на первую прогулку по планете.

То, что я первоначально принял за сельву, было, скорее, каким-то первобытным лесом, плотно обступившим мой корабль. Гигантские зонтичные на тонких стволах возносили на недостижимую высоту густые шатры крон, напоминая своим видом увеличенные в сотни раз поганки из земного леса. В тени зонтиков расположились странные, почти безлистные деревья с широким мощным стволом. На многих их ветках подобно плодам висели мутные ядовито-жёлтые шары разных размеров. Вообще, вся растительность – от зонтиков до бледной травы и непролазных кустов – имела желтоватый оттенок. Всё это буйство жёлтого, безусловно, представляло собой угнетающую для земного взгляда картину. Тем не менее, я начал исследования.

Идя по лесу, я брал пробы почвы и образцы растительности и успел даже привыкнуть к желтизне окружающего, когда заметил в густых кустах метрах в двадцати от меня какое-то коричневое пятно, явно диссонирующее с остальным пейзажем. Подойдя ближе, я увидел бурого медведя. Он лежал на боку в расслабленной позе и не подавал признаков жизни. По-видимому, он был мёртв. Выдержав, однако, паузу, я приблизился к нему и убедился в отсутствии дыхания, а, следовательно, и опасности для меня. В тот момент мысль о том, откуда на удалённой на много парсеков от Земли планете мог взяться медведь, мне почему-то даже не пришла на ум. Сфотографировав находку, я отправился дальше.

Пройдя метров сто, я скорее почувствовал, нежели услышал движение позади меня. Обернувшись, я увидел ожившего медведя, который приближался ко мне широкими скачками. В последний момент я увернулся, однако сделал это не очень удачно. Падая, я успел выхватить пистолет и уже лёжа несколько раз выстрелил в медведя. К моему удивлению, того не брали ни лазерный луч, ни обычные свинцовые пули. Между тем медведь приготовился к новой атаке.

Десять минут игры в кошки-мышки с медведем совершенно вымотали меня. К счастью, мне на помощь пришло дерево, в которое медведь влетел на полной скорости, не рассчитав очередного прыжка. С дерева от удара посыпались жёлтые шары, медведь же пару раз обиженно тряхнул головой, затем задрожал всем телом и превратился в огромную жёлтую бабочку с двумя красными пятнами на каждом крыле. Пронзительно запищав, бабочка поднялась в воздух и, быстро набирая высоту и скорость, скрылась среди крон зонтичных.

Избежав опасности, я поспешно вернулся на корабль. С трудом выстояв в шлюзе до конца процедуры очистки (которая включала в себя также и обработку поверхности скафандра слабой радиацией), я обессиленно рухнул в пилотское кресло с единственным желанием поскорее убраться отсюда.

Остыв и успокоившись, я всё-таки принял решение продолжить исследования. Вопреки опасности, а может, и благодаря ей, загадка бабочек-оборотней представлялась весьма соблазнительной, и мне хотелось во что бы то ни стало разгадать её.

Следующие несколько дней я блуждал по лесу в поисках бабочек. В своих изысканиях мне удалось установить, что мутно-жёлтые шары на ветках есть нечто вроде коконов будущих бабочек. Вызревая на ветках, они, по-видимому, высасывают соки из дерева, за счёт этого вырастая до весьма солидного размера. На последней стадии сквозь внешнюю оболочку уже видно тело насекомого. Став слишком тяжёлым, кокон срывается с ветки, плёнка лопается, и на свет появляется бабочка с размахом крыльев в полтора метра. Увидев однажды такое рождение, я едва не стал жертвой новорождённой бабочки, которая обратилась в очередного медведя, заметив меня.

Вообще, встреченные мною бабочки чаще всего превращались в медведей, реже в волков. Скорее всего, они каким-то образом вытаскивали из моего подсознания представления об известных мне хищниках. Во всяком случае другого, более научного объяснения мне придумать не удалось. Зато удалось найти способ защиты – оказалось, что выстрел в определённое место на груди мнимого медведя или волка останавливает атаку, правда, убить бабочку он всё равно не способен.

Также в эти дни я обнаружил небольших пушистых зверьков, вроде хорьков, при моём приближении стремительно убежавших. Исходя из того, что эти животные старательно избегают любого контакта со мной, я заключил, что они и являются основной пищей и предметом охоты гигантских насекомых.

Следующая неделя исследований не принесла ничего нового. Я не улетаю с планеты только потому, что надеялся найти способ подстрелить бабочку, добыв тем самым ценный образец для изучения. Взять же с собой кокон я не решался, опасаясь, что не смогу остановить его развитие.

Однако сегодня произошло событие, заставившее меня переменить планы и спешно покинуть планету.

Возвращаясь из очередной вылазки в лес, я подошёл к своему кораблю и открыл внешний люк. Я уже хотел шагнуть внутрь, но что-то дёрнуло меня остановиться. И тут я понял что: изнутри шлюз был окрашен в бледно-жёлтый цвет вместо привычного белого. Повинуясь скорее инстинкту, чем рассудку, я отступил на два шага и выстрелил в открытый люк. В тот же миг мираж рассеялся, и сразу несколько десятков бабочек взмыли вверх.

В состоянии, близком к панике, я бросился искать настоящий корабль и обнаружил его на соседней полянке, ничем не отличимой от предыдущей. Многократно убедившись в истинности корабля, я укрылся внутри и, наскоро проверив все системы, стартовал.

Выйдя на орбиту, я тут же отправил в Навигационный Центр краткий отчёт об исследовании с присвоением планете красного кода («Опасность! Посадка запрещена»). После этого я задал кораблю курс на Землю.

Сейчас я сижу в своей рубке, сомневаясь в своём здравомыслии.

Несколько минут назад я заметил краем глаза небольшой жёлтый шарик в верхнем углу рубки. Я повернулся туда, но шар уже исчез. И вот я сижу и гадаю, было ли это видение, или же реальность, замаскировавшаяся под видение.

И я уже не знаю, что из окружающей меня объективной реальности реально.

29.10.2009.

Александр БАЛТИН

Иронические стихи

***

Кто чем в действительности дышит —
У каждого свой личный сад:
Поэты истинные пишут,
А бездари руководят.

***

Противно быть непризнанным поэтом,
Доказывать, что ты не есть верблюд.
И доверять по-прежнему сонетам,
Какие славу вряд ли принесут.

***

У прохиндея верный имидж,
Построен точно — не отнимешь,
И совершенно ни к чему
Талант ему.

***

В литературе правят банды,
Как жаль! Хотелось бы — таланты!

Некрасов наоборот, или Современная ситуация

Поэт — довольно редкий зверь,
Кому он важен — с хищным глазом?
И гражданином быть теперь
Ты совершенно не обязан.

***

Слепой доказывать способен,
Что нет восходов, нету света —
В том атеист ему подобен,
Хоть вряд ли понимает это.

***

Размечтавшись о небесных кренделях,
И синицу не увидите в руках.
Кренделя оставьте журавлям —
Всё ж синицы много ближе нам.

По поводу избранного пожилого поэта

Больно всё аккуратно и грамотно,
А масштаба стихам не хватает —
Ибо том этот кажется гаммами,
Но седой ученик их играет.

Буриданов осёл

Сквозь кожу сгнившую торчат
Чернея — с мясом чёрным — рёбра.
Тут нерешительность, как кобра
Ужалила — смертелен яд.

И рядом две копны гниют.
Душистым было это сено
И очень вкусным, несомненно.
Да, выбор — слишком сложный труд.

Не так ли человек порой
Меж двух возможностей потерян?
Для хода правильного — зелен,
И выбор делает дурной.

***

В России всегда окаянные дни.
Весьма, если честно, достали они.

г. Москва.

Реквием

Курпякова Наталья. Он жил на планете Любви. № 10

Матвеева Ирина. «Мои друзья, всегда я с вами...». № 10

Редакция журнала «Простор». Простой, как песня. № 10

Наш общий дом

Алпысбеков Куаныш. На заре независимости. Глава вторая. № 4

Беккулова Сауле. Наурыз – праздник Солнца. № 3

Бикмухаметова Раиса. Все мы – дети Земли. № 9

Жагипаров Сапаргали. «Дорога начинается с первого шага...». № 6

Жагипаров Сапаргали. Надёжный щит Отчизны. № 7

Жагипаров Сапаргали. «Здесь всё для сердца мило...». № 9

Жумат Жолтай. Вечная ностальгия. Драма-элегия. № 11

Колинко Николай. Неувядающее обаяние Личности. № 5

Курпякова Наталья. Медаль Пушкина – казахстанскому поэту. № 9

Проза

Абдраим Толымбек. Крушение. Рассказ. № 11

Бекбосын Аргынбай. Вагонная исповедь-2, или Пощёчина на Казанском. Повесть. №№ 11-12

Досжан Дукенбай. Человек песков – Абориген. Повесть. №№ 8-10

Зайцев Алексей. Собака. Рассказ. № 2

Зайцев Николай. Пять рассказов. № 6

Ергалиев Жабал. Старая арба. Повесть. № 10

Есим Гарифолла. Белый стих – земля белых лебедей. Роман-эссе. № 8

Ковтун Николай. Исцеление души; Митрохина философия. № 12

Костевич Ирина. Мне 14 уже два года. Роман о подростках. №№ 3-5

Куземко Владимир. Менты в законе. Из записок районного опера. № 7

Куштьевская Татьяна. Имеющий глаза да видит. № 9

Маркиянова Лариса. В новогоднюю ночь. Рассказ. № 12

Масалин Марат. Падшие и чистильщики. Повесть о героях и антигероях эпохи перемен. №№ 1-4

Назарова Светлана. Сюрпризы теорий; Такой «Кама-сутра». Рассказы. № 9

Розин Лидия. Ошарашунг. Роман. №№ 9-12

Убаськин Александр. Первая победа. Рассказ. № 7

Хмара Константин. Новеллы (Мачеха; Рыбий бунт; Букет; Море). № 6

Шалаев Виктор. Фантомные дали... другого берега. Почти жестокая повесть. №№ 5-8

Шупейкин Василий. «Дорогая редакция...». Повесть. №№ 1, 2

Журнал «Ренессанс» – в «Ниве»

Аксёненко Сергей. Об украинском национализме и украинской национальной идее. № 1

И смех, и слёзы. Стихи Бажанова В., Гимельзона Лео, Ковтуна А., Пажитновой С. № 1

Новые имена. Стихи Анська Наталии, Батуры Виктора, Баулина Павла, Гвирцман Дианы, Гросова А., Жигаревой Нины, игумена Иоанна, Калиты Василия, Киевской Марины, Коробкиной Елены, Нечипорука Ивана, Пугача Виктора, Рахманова Вадима, Рахматова Александра, Чернушенко Михаила. № 1

Поэтическая мозаика. Стихи Главацкого Сергея, Грека Феликса, Колесниковой Юлии, Соломко Марианны, Шлапака Виктора. № 1

Тацкий Феликс. И вновь сошлись в жестоком споре. № 1

Шлапак Виктор. Возмездие. Повесть-новелла. № 1

Поэзия

Балтин Александр. «Что начнётся, то некогда кончится...». Стихи. № 6

Барламова Людмила. «Любовь, меня не обмани...». Стихи. № 10

Бывшев Александр. «Даль зовёт к себе в объятия...». Стихи. № 2

Бусс Алексей. «Джинсовый флаг». Стихи. № 11

Ваккер Нелли. Прощу слова! Поэма. № 8

Василенко Вера. «Там, на семи ветрах, любви воздвигнут храм...». *Стихи. № 9*

Вуканович Слободан. «В цветке я угадаю тайну звука...». *Стихи. № 7*

Гарипов Талгат. Кирпичики (продолжение цикла). *№ 6*

Грачёв Евгений. «Ещё в пути ночное чудо...». *Стихи. № 4*

Григорьева Ольга. Любимая ладонь. *Фотостихи. № 4*

Гук Валерий. Опять услышим этот голос. *№ 11*

Гундарев Владимир. «Любящая женская душа...». *Стихи. № 1*

Гундарев Владимир. «Я брал слова у неба и земли...». *Стихи. № 7*

Гундарев Владимир. «Я свободен в душе – никого не стесняя этим...». *Стихи. № 11*

Дунаев Виталий. «Я снова задыхаюсь от любви...». *Стихи. № 12*

Елефтериادي Иван. «В целом мире с тобой потеряемся мы...». *Стихи. № 2*

Кажыбай Толеген. Стихи разных лет. *№ 12*

Кандыбаев Иван. «Отступают боли и тревоги...». *Стихи. № 5*

Кандрашина Татьяна. «Чудо навсегда пребудет чудом...». *Стихи. № 8*

Ким Светлана. «Сердце бьётся горестно и сладко...». *Стихи. № 2*

Ковтун Николай. «Их нынче осталось мало...». *Стихи. № 5*

Ковтун Николай. «Дышится легко на этом поле...». *Стихи. № 12*

Козырев Андрей. «Я вспоминаю золотистый свет...». *Стихи. № 9*

Крицкая Ольга. Правда о пережитом. *№ 8*

Кувшинникова Ольга. «Жалеть не станем ни о чём...». *Стихи. № 9*

Лумпов Евгений. «Вечер нитью золотистой вышит...». *Стихи. № 1*

Лушов Максим. «Качаемся на солнечных лучах...». *Стихи. № 4*

Маргьнова Лариса. «Стихи прорастают сквозь жизнь...». *Стихи. № 1*

Матвеева Ирина. «Мне снится дождь...». *Стихи. № 3*

Нечаева Тамара. «Мир вознесётся с Востока...». *Стихи. № 11*

Нечипорук Иван. «Без Родины не мыслится поэт!». *Стихи. № 5*

Никитина Татьяна. У Вселенной на ладони. *Стихи. № 3*

Ораз Нургожа. «И у меня есть моя Луна...». *Стихи. № 10*

Переяслов Николай. Находка. *Романтическая поэма. № 7*

Поэтическая мозаика. Стихи Пономаренко Надежды, Сараева Ивана, Шуваловой Светланы, Юсина Михаила, Якубенко Владимира. *№ 6*

Поэтическая мозаика. Стихи Балтина Александра, Бочарова Алексея, Горнова Григория, Дробилко Валерии, Котовой Юлии. *№ 12*

Стругова Ирина. Стихи о войне. *№ 5*

Храмцова Галина. «Безгранично милая земля...». *Стихи. № 3*

Щепко Наталья. «На даче сакура цветёт...». *Стихи. № 3*

Юдин Борис. Аккорды в стиле ретро. *Стихи. № 6*

Документальная проза

Кинеев Сабит. Суйменкул. *Повесть. № 4*

Стругова Ирина. Архипелаг Гудлак. *№№ 7-12*

Культура. Общество. Личность

Беккулова Сауле. «Чувство времени и чувство будущего». *№ 1*

Григорьева Ольга. Долг памяти. *Предисловие. «Мы Вас помним, Анастасия Ивановна!». Воспоминания павлодарцев. № 3*

Григорьева Ольга. «Жил я впервые на этой земле...». *№ 7*

Гундарев Владимир. Быть голосом правды и сострадания. *№ 8*

Гундарев Владимир. «Султан Бейбарс» – «визитная карточка» театра. *№ 11*

Джумагельдинова Дария. Кто будет зажигать звёзды? *№ 8*

Дюсенбаев Ахмет. Гулистан. *№ 12*

Кабьшулы Габбас. Писатель, публицист, борец. *№ 9*

Могильницкий Валерий. Труд его благословенный (80-летию со дня рождения К.Салькова). *№ 4*

Останькович Марианна. Поэзия музыки. *№ 2*

Тахан Серик. Сокровенность писателя и мыслителя Андрея Платонова. *№ 6*

Шафер Наум. Несостоявшийся дуэт. *Фрагмент мемуарной повести «День Брусиловского».* № 6

Публицистика

Кастро Фидель. Железная воля. Размышления. № 1

Могильницкий Валерий. Оптимизм – половина успеха. № 5

Осипов Валентин. Знакомьтесь: Ораззахмет Курпешев. № 6

Тулбаев Райс. Щедрое сердце доктора Кученёва. № 4

Критика и литературоведение

Бондаренко Юрий. Кто мы? О поэзии Абдрахмана Досова. № 5

Еремеева Вера. Художник многоцветного слова. № 9

Кашина Любовь. «Жизнь свою попробуй сделать чудом...». № 3

Мамедов Саадат. Стирая пространство времени. № 9

Мельникова Нелли. Главный герой – Время. По прочтении дневников Юрия Поминова. № 7

Тулиганова Инна. Камертон настроения. № 10

Хачатрян Шушан. Столкновение двух цивилизаций (О художественных достоинствах рассказов Жолтая Жумата). № 3

Шухов Илья. Дело №, или Мыльные пузыри Николая Кузьмина. № 6

Юркова Любовь. Поэт перед лицом Вечности. № 8

История без купюр

Могильницкий Валерий. Мужество авиатора. № 8

Попов Юрий. Лев Гумилёв: карагандинский срок. № 9

Горизонты духовности

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский». № 3

Зайцев Николай. Чудное мгновение. № 2

Летопись Евразии

Владимиров Владислав. Ключи и врата Петровы. *Штрихи к великой истории Великой Степи.* № 5

Махатадзе Резо. Мудрословия. № 11

Далёкое – близкое

Беккулова Сауле. Мы – родом из детства. № 10

Бикмухаметова Раиса. Свет шестидесятых. № 7

Искаков Марат. Малая Сарань; Из дорожных наблюдений. № 3

Камелов Жамбыл. Навечно в памяти людской. № 5

Кудайбергенов Галим. Янтарный край: путешествие во времени и пространстве. № 5

Матвеев Александр. Встреча с юностью. № 5

Опескин Борис. «Копи» Соломона; Как это было. № 8

Подрезов Виктор. Колосс Сибири. Сказание о титане Прииртышья. № 6

Редьков Александр. Дорога к дому. № 11

Параллели и меридианы

Бикмухаметова Раиса. Татарский юбилей в Сан-Франциско. № 1

Искусство

Бекова Даметкен. Запечатлено былое кистью. № 5

Бекова Даметкен. Ваятель многоликой эпохи. № 9

Бекова Даметкен. На полотнах – «Мелодия века». № 11

Беккулова Сауле. Художник и время. № 6

Беккулова Сауле. «Решил с тобою поделиться...». № 8

Беккулова Сауле. Ода жизни. № 12

Дубовая Елена. Палитра Павла Лысенко. № 2

Кадыров Бектур. В мгновении он видит вечность. № 1

Кадыров Бектур. Уходящая натура. № 4

Курпякова Наталья. Земля и время. № 3

Лысенко Павел. Этюды. № 2

Мартынова Лариса. Минувшее в грядущем оживёт. № 10

Ташенов Чингиз. Фотолетопись Синегорья. № 7

Занимательное языкознание

В.Киянский. Евразийский лик в общих звуках. *Казахско-русский ассоциативный словарь.* № 5-10

Природа и мы

Ахмедиев Бейбит. Рассказы о животных. Зина и Боря. № 6

Казовский Алексей. О дружбе зверской. *Рассказ.* № 8

Морозов Александр. Попугаи алтайских лесов; Серая боевая машина. № 12

На житейских перекрёстках
Гольдберг Моисей. Незабудки памяти. № 11

Емельянова Галина. Еркебулан. *Рассказ.* № 12

Сулу Тан. Между двух миров. *Новелла.* № 2

В семейном кругу

Абылгазы Коралай. Музыка для двоих. *Рассказ.* № 3

Воробьёва Людмила. Мамин праздник. *Стихи.* № 3

Ломакин Станислав. Четыре предсказания; Прощённая Пальма; Лузер; Прощание с малой родиной; Верность. № 1

Махамбетов Нурлан. Наследие. *Повесть.* №№ 2,3

Ножкина Вета. Дырка от бублика; Магазиновые истории; Рерихи. *Рассказы.* № 10

Попов Юрий. Городской базар; Колхозный мёд. *Рассказы.* № 9

Роговская Елена. *Притчи.* № 11

Якушев Владимир. Медаль; Красавчик. *Рассказы.* № 4

Краеведение

Ахетова Алия. Городок с картины Шагала. № 1

Иконников Владимир. Гигантские черепашки, дикие лошади Пржевальского и первые фраки в Казахстане. № 3

Матвеев Василий. Свет и белый снег Белокурихи. № 12

Первушин Клим. Приезжайте на родину. № 2

Шалекенов Уахит. Так где был город Баласагун? *Проблемы археологической науки Казахстана.* № 7

Из почты «НИВЫ»

Ахмедиев Бейбит. Неточность в языке – сумбур в голове. № 10

Кдралина Зайтуна. Свет настоящей жизни. № 2

Кирибаева Раиса. Ждём новых встреч. № 9

Приключения. Детектив. Фантастика

Владимиров Александр. Котьяра; Молодильные яблочки. *Рассказы.* № 1

Масалин Июлай. Кетоз. *Повесть-сказка.* №№ 10,11

Смирнов Александр. Энтропия; Медвежий угол. № 12

Шмигалёв Николай. Почти как три богатыря. *Волшебнo-приключенческая сказка.* №№ 2-9

Сатира и юмор

Афоничев Виктор. Глаз божий. *Рассказ.* № 5

Ахмедиев Бейбит. Школа с уклоном. № 9

Балтин Александр. Иронические стихи. № 12

Иванченко Игорь. Смех – в ребро. № 3

Лопатин Андрей. Родился в больнице. *Рассказ.* № 4

Лопатин Андрей. Дружеские поминки. *Рассказ.* № 6

Лопатин Андрей. Кукиш с маслом. *Рассказ.* № 8

Лопатин Андрей. Вредная привычка. № 10

Шухов Илья. Пародии. № 2

Шухов Илья. Двусторонний «евстахит». № 11

Юсин Михаил. Эпиграммы. № 7

Изоальбом «НИВЫ»

Из работ **Безелюка Владимира.** № 8

Из работ **Бурдесбекова Бакытнура.** № 11

Из работ **Ибраева Шангерая.** № 10

Из работ **Кайрамбаева Жумақына.** № 6

Из работ **Келя Виктора.** № 5

Из работ **Лысенко Павла.** № 2

Из работ **Мамбеева Сабура, Муллашева Камиля и Рахманова Вагифа.** № 3

Из работ **Нурбатурова Каната.** № 9

Из работ **Сидоркина Евгения.** № 12

Из работ **Туксайтова Марата.** № 4

Из фоторабот **Куприянова Генриха.** № 1

Из фоторабот **Холина Владислава.** № 7

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива»».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 10.10.2012 г.

Подписано к печати 08.11.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 5892.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива»».
